

ВЕСТНИК
Сибирского юридического института
МВД России

№ 3 (48)
2022

ISSN 2542-1735

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Пресса России» 33356
Выходит 4 раза в год
Учредитель и издатель
Сибирский юридический институт МВД России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ N ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки),

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки),

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки),

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки),

12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки).

Включен в систему РИНЦ (договор N 207-05/2017).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет:

председатель – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакьян Сурен Адиебекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Адиллов Айбек Насырович, доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (г. Бишкек) (по согласованию);

Анохин Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Барнаул) (по согласованию);

Безруков Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (г. Москва);

Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ) (по согласованию);

Грязнова Татьяна Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России (г. Омск) (по согласованию);

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе) (г. Белгород) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Кондрашев Андрей Александрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию);

Кожевина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Омской области, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России (г. Омск) (по согласованию);

Лубенков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь (г. Могилев) (по согласованию);

Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Самсонов Валерий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (г. Белгород) (по согласованию);

Сейтжанов Олжас Темиржанович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова (г. Караганда) (по согласованию);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк).

VESTNIK
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia

№ 3 (48)
2022

ISSN 2542-1735

Scientific and practical journal

Subscription index «The Press of Russia» 33356

The journal is issued four times a year

Founder and publisher

Siberian Law Institute of the MIA of Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI N FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:

12.00.01 – Theory of State and Law; history of the studies on law and state (legal sciences),

12.00.02 – Constitutional Law; constitutional judicial process; municipal law (legal sciences),

12.00.08 – Criminal Law and Criminology; penal execution law (legal sciences),

12.00.09 – Criminal Procedure (legal sciences),

12.00.11 – Judge's Activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement activity (legal sciences),

12.00.12 – Criminalistics; forensic activities; operational-search activity (legal sciences),

12.00.14 – Administrative Law; administrative procedure (legal sciences).

Journal indexing: RINTS contract N 207-05/2017.

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations. The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Editorial Council:

Chairman – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia (for Scientific Affairs) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Deputy Head of Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Council Members:

Suren A. Avakyan – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Aibek N. Adilov, Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliev (Bishkek) (on agreement);

Yury V. Anokhin, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of Barnaul Law Institute of the MIA of Russia (on scientific affairs) (Barnaul) (on agreement);

Andrey V. Bezrukov – Doctor of Law, Associate Professor, chief research officer of the Department for Study of Strategic Management Problems, the Scientific and Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow);

Lev V. Bertovsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Yury P. Garmayev, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker in the Sphere of Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Dorji Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude) (on agreement);

Tatyana Ye. Gryaznova, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the MIA of Russia (Omsk) (on agreement);

Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin (on Scientific Affairs) (Belgorod) (on agreement);

Nikolay S. Zheleznyak – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey A. Kondrashev – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law of the Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement);

Marina A. Kozhevina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of Omsk Region, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the MIA of Russia (Omsk) (on agreement);

Aleksandr V. Lubenkov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of the Administrative Activity, Faculty of Militia, Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus (Mogilev) (on agreement);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin (Belgorod) (on agreement);

Olzhas T. Seitzhanov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Karaganda Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov (Karaganda) (on agreement);

Pavel V. Teplyashin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexander V. Shesler – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk).

Содержание

Сибирскому юридическому институту МВД России 60 лет

<i>Шинкевич В.Е.</i> Формирование научной компетентности Сибирского юридического института МВД России: исторический и профессиональный контексты.....	9
<i>Тепляшин П.В.</i> Научное наследие Владимира Ильича Горобцова	20

Теория и практика правоохранительной деятельности

<i>Пашкова Е.Н.</i> К вопросу определения понятия «общественное место» по административному законодательству Российской Федерации	25
<i>Вишневский К.Д.</i> Особенности методики подготовки государственного обвинителя к судебному процессу при агрессивном противодействии со стороны защиты	33
<i>Алимпиев А.А.</i> К вопросу о применимости институтов неоконченной преступной деятельности и соучастия в совершении преступления при квалификации массовых беспорядков в Российской Федерации.....	40
<i>Гармаев Ю.П., Поляков Н.В.</i> Структура организованной преступной деятельности, связанной с незаконным обналичиванием денежных средств	46
<i>Галимова М.А., Астахова А.О.</i> Проблемы интеграции примирительных процедур с участием посредника в уголовное судопроизводство	52
<i>Шашин Д.Г.</i> Законность, обоснованность и мотивированность запросов органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, к гражданам, в организации, предприятия, учреждения.....	60
<i>Гамзина А.В.</i> К вопросу о необходимости ограниченного участия в оперативно-розыскной деятельности подразделений по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции.....	70

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

<i>Токманцев Д.В.</i> К вопросу о понятии и моменте окончания незаконного сбыта наркотиков, совершенного с использованием сети «Интернет» или других информационно-телекоммуникационных сетей	77
<i>Зинченко Д.С.</i> Особенности криминологического предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	85

Зарубежный опыт

<i>Плошкина Я.М.</i> Возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и компенсацией вреда при совершении многообъектного уголовно наказуемого деяния по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия	92
<i>Кириллова Н.П., Назаров А.Д.</i> Поддержание государственного обвинения в суде как элемент прокурорской власти в Германии и России	102
<i>Шеслер В.А., Цуканов Н.Н., Куприяничик Т.В.</i> Ответственность за наркоправонарушения в Китайской Народной Республике	108

Хаметдинова Г.Ф. Государственная политика профилактики правонарушений несовершеннолетних в Китайской Народной Республике	117
Тузов А.Г. Уголовный приказ и возражения на него в уголовном судопроизводстве Чешской Республики	124

Взгляд. Размышления. Точка зрения

Добрецов Г.Б. Административная ответственность за нарушения порядка заключения контракта.....	130
Корнеев С.А. Вектор развития уголовной политики в свете 25-летнего юбилея Уголовного кодекса Российской Федерации	140
Кондрашин П.В. Оценка доказательств и ее влияние на состав суда	147
Миролюбов С.Л. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений, связанных с незаконным производством и (или) оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции	154
Нежинская К.С. Симметричность российского федерализма в рамках обеспечения демографической безопасности на Дальнем Востоке России	160
Тетерятников Н.Ю., Андреев В.А. Разграничение принудительного труда и принудительных работ в российском и международном праве	166

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Пустовойт Е.С. Криминологические признаки наркопреступности в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности.....	174
Апарина Д.А. Незаконное наркопроизводство, осуществляемое организованными преступными группами: этап приготовления	180
Мурина Ю.В. Роль словосочетания «обязанностей по должности» в составе халатности (ч. 1 ст. 293 УК РФ)	186
Шиманович Е.В. Возможности совершенствования системы смягчающих обстоятельств в УК РФ с учетом зарубежного опыта.....	191

Contents

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia is 60 years old

<i>Shinkevich V.Ye.</i> Development of scientific competence of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: in historical and professional contexts.....	9
<i>Teplyashin P.V.</i> Vladimir I. Gorobtsov's scientific heritage	20

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Pashkova E.N.</i> On the issue of defining the concept «public place» under the administrative legislation of the Russian Federation.....	25
<i>Vishnevski K.D.</i> Features of the methodology of preparing a public prosecutor for litigation with aggressive opposition from the defense	33
<i>Alimpiev A.A.</i> On the issue of the applicability of institutions about unfinished criminal activity and complicity in the commission of a crime when qualifying mass riots in the Russian Federation.....	40
<i>Garmaev Yu.P., Polyakov N.V.</i> The structure of organized criminal activity related to the illegal cashing of funds.....	46
<i>Galimova M.A., Astakhova A.O.</i> Issues of the integration of conciliation procedures with participation of a mediator into criminal legal proceedings	52
<i>Shashin D.G.</i> Legality, validity and motivation of requests of bodies carrying out operational investigative activities to citizens, organizations, enterprises, institutions.....	60
<i>Gamzina A.V.</i> To the issue of the need for limited participation of juvenile units and district police officers in the operational search activities.....	70

Counteraction to Drug Treat: Problems and Ways of their Solution

<i>Tokmantsev D.V.</i> To the issue of the concept and moment of the end of the illegal sale of drugs committed using the Internet or other information and telecommunication networks	77
<i>Zinchenko D.S.</i> Features of criminological prevention of crimes related to illicit drug trafficking committed using information and telecommunication technologies.....	85

Foreign Experience

<i>Ploshkina Ya.M.</i> Possibility of termination of criminal proceedings because of the reconciliation of the parties and compensation of damage in the case of a multi-object criminal act under the laws of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany	92
<i>Kirillova N.P., Nazarov A.D.</i> Supporting state prosecution in a criminal trial as an element of prosecutor's authority in Germany and Russia	102
<i>Shesler V.A., Tsukanov N.N., Kupriyanchik T.V.</i> The liability for drug offences in the People's Republic of China.....	108

<i>Khametdinova G.F.</i> State policy for the prevention of juvenile delinquency in the People's Republic of China.....	117
<i>Tuzov A.G.</i> A criminal order and a protest against it in a criminal court proceeding of the Czech Republic	124

Views. Reflections

<i>Dobretsov G.B.</i> Administrative responsibility for violations of the contract conclusion procedure.....	130
<i>Korneev S.A.</i> The vector of criminal policy development in the light of the 25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation	140
<i>Kondrashin P.V.</i> Evaluation of evidence and its impact on the composition of the court.....	147
<i>Mirolubov S.L.</i> On the issue of criminalistic characteristics of crimes related to the illegal production and (or) turnover of ethanol, alcoholic and alcohol-containing products	154
<i>Nezhinskaya K.S.</i> The symmetry of Russian federalism within the framework of ensuring demographic security in the Russian Far East.....	160
<i>Teteryatnikov N.Yu., Andreev A.V.</i> Definition of forced labor and forced work in the Russian and international law.....	166

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

<i>Pustovoit E.S.</i> Criminological signs of drug crime in the region of responsibility of the member states of the Collective Security Treaty Organization.....	174
<i>Aparinova D.A.</i> Illegal drug manufacture carried out by organized criminal groups: stage of preparation.....	180
<i>Murina Yu.V.</i> The role of the phrase «duties according to the position» within negligence (Article 293, Part 1 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	186
<i>Shimanovich E.V.</i> Opportunities for improvement of the system of mitigating circumstances in the Criminal Code of the Russian Federation taking into account foreign experience.....	191

СИБИРСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ИНСТИТУТУ МВД РОССИИ

60
ЛЕТ

УДК 001.89

DOI 10.51980/2542-1735_2022_3_9

Владимир Ефимович ШИНКЕВИЧ,

профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
доктор социологических наук, доцент
vlashink@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СИБИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТЫ

DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC COMPETENCE OF THE SIBERIAN LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: IN HISTORICAL AND PROFESSIONAL CONTEXTS

В статье раскрываются особенности различных периодов формирования научной компетентности Сибирского юридического института МВД России в историческом контексте практически с первых лет функционирования образовательной организации как высшего образовательного учреждения. Автором показаны динамика, количественная и качественная стороны основных показателей института, позволяющих оценить состояние и уровень научной компетентности учебного коллектива, выстроить логику дальнейшего совершенствования организации научной деятельности как важнейшей составляющей функционирования образовательной организации в интересах подготовки высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел.

The article reveals the features of various periods of the development of the scientific competence of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in a historical context since the first years of functioning of an educational organization as a higher educational institution. The author shows the dynamics, quantitative and qualitative aspects of the main indicators of the institute which allow to evaluate the state and level of scientific competence of the educational staff, to build the logistics for further improving the organization of scientific activity as the most important component of the functioning of an educational organization in the interests of training highly qualified specialists for the internal affairs bodies.

Ключевые слова: образовательная организация, СибЮИ МВД России, подготовка кадров, научная компетентность, научная деятельность.

Keywords: educational organization, SibLI of the MIA of Russia, personnel training, scientific competence, scientific activity.

Познание истории нашей образовательной организации, ее вклада в подготовку высокопрофессиональных кадров для органов внутренних дел, развитие профессионального взаимодействия с территориальными органами МВД России немыслимы без анализа становления, формирования и развития ее научной компетентности. Ведь «удовлетворяя свои потребности в познании окружающего мира, меняя профессию, род занятий, мы всю жизнь пополняем и обновляем свои знания и умения, совершенствуя себя как личность» [3]. При этом, что очень значимо и для будущих следователей, оперативных сотрудников, участковых уполномоченных полиции, «качественное образование дает возможность выпускникам высших учебных заведений формировать свою профессиональную карьеру на принципах социальной справедливости, соответствовать общечеловеческим ценностям» [4].

Ценность научной компоненты образовательной организации заключалась и заключается, с одной стороны, в возможности реализации проблемы постоянного совершенствования подготовки высокопрофессиональных кадров с учетом требований и практического опыта деятельности правоохранительной системы по обеспечению законности и правопорядка, а с другой – в оказании помощи в системной оценке существующих проблем, тенденций в профилактике, предупреждении правонарушений, расследовании преступлений, обеспечении защиты законных интересов и прав граждан как важнейшего функционального предназначения правоохранительных органов. Наука способствует обеспечению соответствия образования требованиям быстро меняющегося мира. Более того в условиях современного рынка образовательных услуг, предоставляемых населению, отставание от науки не может не отразиться и на конкурентоспособности образовательной среды [1].

Объективные и субъективные основания актуальности проблемы формирования научной компетентности в условиях разви-

тия образовательного учреждения. Научная компетентность как данность образовательного учреждения имеет место практически с первых дней его формирования. Однако как неотъемлемая ценность нашего образовательного учреждения она проявилась в период перехода на основании распоряжения Правительства РФ и приказа министра внутренних дел России в 1993 г. на программы высшего образования. Наука в высшей школе должна была стать мощным инновационным ресурсом развития системы вузовского образования, реализовывать функцию активного содействия повышению качества специального полицейского образования [2]. Именно в этот период в структуре образовательной организации появился организационно-научный и редакционно-издательский отдел (ОНиРИО) и была введена должность заместителя начальника по научной работе. Первым заместителем начальника института по научной работе и одновременно начальником ОНиРИО¹ стал Дмитрий Дмитриевич Невирко (1994-2016 гг.), впоследствии – доктор социологических наук, профессор. Основное предназначение отдела заключалось именно в организации научной деятельности сотрудников института, и в первую очередь профессорско-преподавательского состава. Каждый преподаватель, оставаясь основным субъектом проведения учебных занятий, становился и основным участником (исполнителем) и руководителем конкретных научно-исследовательских проектов, выполняемых как по инициативе вуза, так и на основании заявок территориальных органов внутренних дел и заказов центральных органов МВД России. Кроме того, в первые годы существования отдела его научные сотрудники активно привлекались к проведению мероприятий психологического отбора абитуриентов, поступающих на обучение в образовательное учреждение.

В начале нулевых годов отделом была разработана, запатентована и внедрена рейтинговая система оценки научной деятельности каждого преподавателя, научного сотрудника «Наука», которая в 2004 г. была одобрена

¹ В начальный период должность заместителя начальника института по научной работе и начальника ОНиРИО были совмещены.

Департаментом кадрового обеспечения МВД России и рекомендована к внедрению всем образовательным учреждениям органов внутренних дел. Многие элементы данной системы в усовершенствованном виде используются до сегодняшнего дня.

Существенный вклад в формирование научной компетентности вуза, становление, укрепление и развитие научно-исследовательской базы был внесен в начальный период начальником Сибирского юридического института МВД России (1996-2004 гг.) доктором юридических наук, профессором Владимиром Ильичом Горобцовым.

Становление коллектива научных и научно-педагогических кадров института. Основу формирования научной компетентности составляют прежде всего ученые – кандидаты, доктора наук и другие инициативные, творческие люди. С первых лет функционирования нашего образовательного учреждения в качестве высшего учебного заведения серьезное внимание уделялось укреплению научного потенциала, подготовке научно-педагогических кадров, в том числе на собственной основе. И тому были существенные причины. На момент образования Красноярской высшей школы милиции (на 01.01.1994) в учебном заведении насчитывалось только 8 кандидатов наук, из них 4 доцента. Через год количество кандидатов в учебном заведении увеличилось лишь на 1 человека, при этом по-прежнему в институте ни на постоянной, ни по совместительству не работал и не служил ни один доктор наук. Формирование научного потенциала, отвечающего требованиям высшего образовательного учреждения, каковым являлась и Красноярская высшая школа милиции, наиболее активно началось в 1996 г.

Проделанная работа по расширению кадрового ядра про-

фессорско-преподавательского состава способствовала тому, что школа в 1998 г. после успешного прохождения государственной аттестации смогла стать институтом. На начало лицензирования (на 01.10.1998) в учебном заведении уже служили и работали 6 докторов и 48 кандидатов наук, доля сотрудников, имеющих ученые звания и ученые степени, составляла 43,8% штатной численности профессорско-преподавательского и руководящего состава, была проведена активная работа по отбору сотрудников, имеющих склонности к научной и научно-педагогической деятельности. В 1997 г. из числа сотрудников института и потенциального кадрового резерва на учебу в адъюнктуры поступили 19 человек (6 на очное отделение и 13 на заочное). В 1998 г. – еще 12 сотрудников (6 на очное отделение и 6 – на заочное). Динамика научного потенциала школы в 1993-1998 гг. представлена в таблице 1¹.

Таблица 1

Динамика роста научного потенциала в первые годы функционирования высшей школы с 1993 по 1998 гг. (по состоянию на 1 января)

Имеют ученые степени и ученые звания	Количество сотрудников по годам					
	1994	1995	1996	1997	1998	01.10.1998
доктора наук	–	–	5	6	9	6
кандидата наук	8	9	10	29	47	48
профессора	–	–	5	4	5	4
доцента	4	4	2	11	23	28

Специализация научных кадров Красноярской высшей школы МВД России на 1 октября 1998 г. представлена в таблице 2.

Таблица 2

Специализация научных кадров школы

№ п/п	Основные группы научных специальностей	Доктор наук		Кандидат наук	
		кол-во	доля (%)	кол-во	доля (%)
1.	Юридические	2	33,3	10	20,8
2.	Экономические	0	-	3	6,2
3.	Педагогические	0	-	2	4,2
4.	Технические	0	-	14	29,2
5.	Другие	4	66,7	19	39,6
ИТОГО		6	100	48	100

1 Отчет о результатах самообследования научно-исследовательской и редакционно-издательской деятельности за 1993-1998 годы. Красноярск, 1999.

Однако большая часть кандидатов и докторов наук, которые обеспечили необходимую острепенность профессорско-преподавательского состава вуза в первые годы его существования, были сотрудники и работники, которые пришли на службу (работу) в институт из других образовательных учреждений, уже имея научные звания и степени, в основном не юридических научных специальностей (философских, технических, исторических, педагогических, филологических)¹. Вместе с тем они совместно с сотрудниками, которые были переведены из образовательных учреждений МВД России (кандидаты юридических наук О.Х. Галимов, С.П. Рожков, Н.И. Сретенцев), составили основу формирования научной компетентности вуза.

На рубеже нулевых годов у института появилась возможность готовить научно-педагогические кадры высшей квалификации на собственной основе. В 1999 г. в учебном заведении была открыта адъюнктура с очной и заочной формами обучения по четырем специальностям: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность; 09.00.11 – социальная философия, в 2000 г. был создан факультет повышения квалификации, где осуществлялась подготовка сотрудников милиции различных должностных категорий более чем из 50 регионов России. В 2001 г. была лицензирована новая научная специальность: 13.00.04 – теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры. В 2002 г. была открыта докторантура по двум специальностям (12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная

деятельность), открыт факультет по подготовке научно-педагогических кадров, который являлся структурным подразделением Сибирского юридического института МВД России, осуществляющим деятельность в системе послевузовского профессионального образования Российской Федерации.

Большим знаковым событием стало открытие в 2003 г. на базе института совместно с Дальневосточным и Барнаульским юридическими институтами МВД России, Сургутским государственным университетом диссертационного совета по защита диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по двум юридическим специальностям. Необходимо отметить, что подобный диссертационный совет, который имел право проводить защиты квалификационных научных работ на соискание ученой степени доктора наук, был единственным советом в образовательных учреждениях органов внутренних дел, расположенных на территории Сибири и Дальнего Востока. Первым, кто защитил кандидатскую диссертацию в этом совете, был преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Р.Н. Гордеев, сегодня – исполняющий обязанности директора юридического института Сибирского федерального университета, первой, кто успешно прошла курс докторантуры института и защитила докторскую диссертацию в диссертационном совете при СибЮИ МВД России, была доцент кафедры криминалистики Л.П. Климович. Деятельность совета осуществлялась до конца 2004 г., что способствовало не только укреплению научной компетентности института, но и накоплению его юридической научной компоненты. За период работы диссертационного совета были защищены 22 кандидатских и 2 докторские диссертации.

Деятельность объединенного диссертационного совета при институте, а также защиты диссертаций сотрудниками в других диссертационных советах стали хорошей основой для формирования и дальнейшего наращива-

¹ Доля кандидатов и докторов юридических наук среди всего личного состава, имеющего ученые степени, на 01.10.1998 составила 22,2%.

ния научно-педагогического потенциала кафедр. Динамика роста научного потенциала в 1999-2004 гг. показана в таблице 3¹.

2004 г., необходимо отметить, что в институте среди сотрудников и работников при общей численности профессорско-преподавательского состава в 132 человека в штате состояли, служили и работали на постоянной основе 19 докторов и 70 кандидатов наук, шесть кафедр возглавляли доктора наук, сотрудники пяти кафедр (философии, социально-экономических дисциплин, уголовного права и криминологии, государственно-правовых дисциплин, информатики и математики) имели ученые степени и звания, в том числе 100% личного состава кафедры философии⁴ имели ученые степени доктора наук. Положительная динамика научного потенциала кафедр отмечалась и в последующие годы (табл. 4).

Таблица 3
Динамика изменения научного потенциала кафедр с 1999 г. по 2004 г. (по состоянию на 1 января)

	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Всего преподавателей	130	130	130	131	136	132
Докторов наук	6	8	10	12	15	16
Профессоров	4	6	8	10	12	12
Кандидатов наук	51	56	59	67	66	74
Доцентов	21	33	40	42	39	36
С учеными степенями и званиями, %	43,8	49,2	54,6	61,8	61,7	65,2
Докторов наук, профессоров без степени доктора наук, %	4,6	4,6	7,6	9,1	12,2	12,8

Именно в эти годы отмечалась самая высокая динамика укрепления научного потенциала института. Так, в 1999 г. успешно защищены 10 диссертаций, из них 3 докторские, в 2000 г. – 10 диссертаций (одна докторская), в 2001 г. – 10 диссертаций (одна докторская), в 2002 г. – 22 диссертации (5 докторских)². Продолжилась данная работа и в последующие годы, как результат итогами целенаправленной работы по повышению научно-педагогической квалификации кадров стали успешные защиты диссертаций сотрудниками института. В 2004 г. защищены 11 диссертаций: 2 докторских и 9 кандидатских; в 2005 г. – 4 кандидатских диссертации; в 2006 г. – 9 диссертаций: 1 докторская и 8 кандидатских; в 2007 г. – 8 диссертаций: 1 докторская и 7 кандидатских; в 2008 г. – 1 кандидатская диссертация³.

В общем количестве профессорско-преподавательского состава увеличилась и доля кандидатов, и докторов наук, имеющих ученые степени по юридическим специальностям. Так, на начало 2004 г. она составляла 51,1%, а в 2005 г. – 52%. Характеризуя состояние научного потенциала

Вместе с тем ввиду некоторых объективных и субъективных причин с 2009 г. отмечается некоторая тенденция снижения количества преподавателей, имеющих ученые степени и звания, при сохранении нормативно установленного показателя оstepенности профессорско-преподавательского состава, предусмотренного для института.

В 2012 г., в первый год функционирования института в системе Федеральной служ-

Таблица 4
Динамика изменения научного потенциала профессорско-преподавательского состава кафедр с 2005 г. по 2009 г. (по состоянию на 1 января)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего преподавателей	132	132	132	132	119	115	113
Докторов наук	14	12	12	12	12	11	9
Профессоров	9	8	9	9	9	9	6
Кандидатов наук	67	73	81	80	73	77	66
Доцентов с ученой степенью кандидата наук	40	41	48	47	47	50	46
Доцентов без ученой степени	1	1	1	2	2	2	2
С учеными степенями и званиями, %	61,2	65,1	71,2	71,2	73,1	77,4	68,1

1 Отчет о результатах самообследования научно-исследовательской и редакционно-издательской деятельности за 1999 - 2003 годы. Красноярск, 2004.

2 Учтены защиты сотрудников института, обучавшихся в очных докторантурах и аспирантурах других вузов.

3 Отчет о результатах самообследования научно-исследовательской и редакционно-издательской деятельности за 2004-2008 годы. Красноярск, 2009.

4 В 1998-2009 гг. начальник кафедры – доктор философских наук, профессор А.И. Панюков.

бы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России)¹, показатель профессорско-преподавательского состава, имеющего ученые степени и звания, составил 70,8%, а в 2015 г. уже 62,9%. В 2012-2014 гг. ни один человек из числа постоянного состава не представил и не защитил научные квалификационные работы на соискание ученой степени. Ввиду непроработанности нормативной базы ФСКН России относительно деятельности факультета по подготовке научно-педагогических кадров высшей квалификации института эффективность работы структурного подразделения образовательного учреждения была невысокой.

В 2016 г., после возвращения института в сообщество образовательных учреждений органов внутренних дел, показатель острепенности профессорско-преподавательского состава составлял всего 48,8%², а в числе 60 преподавателей, имеющих ученые степени и звания, оставались только 5 докторов наук. Данное положение дел требовало «перезагрузки», серьезной работы по дальнейшему укреплению научного потенциала института и формированию его научной компетентности в новый исторический период его существования. Активизировалась работа адъюнктуры. Институт получил возможность осуществлять набор по четырем научным специальностям: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – уголовный процесс; 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; 12.00.14 – административное право; административный процесс.

Проделанная работа позволила к 2018 г. достичь показателя доли преподавателей, имеющих ученые степени и звания, 60,3%, в 2019 г. – 60%, в 2020 г. – 58,6%, в 2021 г. – 57,9% (9 докторов и 64 кандидата – на 2 меньше, чем в предыдущем). Не-

которое снижение связано с уменьшением количества совместителей и расширением собственных возможностей института по подготовке научно-педагогических кадров высшей квалификации. В 2021 г. 3 бывших адъюнкта института: подполковник полиции Р.Ю. Кохан, майоры полиции В.А. Шеслер и Н.В. Поляков успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, два из них – преподаватели института, Е.А. Маляров защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, окончив адъюнктуру Барнаульского юридического института МВД России.

В соответствии с приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. N 118 сегодня в институте осуществляется подготовка по трем специальностям номенклатуры научных специальностей: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. Проходят обучение 12 адъюнктов очной и заочной форм обучения.

Многогранная научная деятельность как условие качества научной компетентности. Формирование научной компетентности с первых лет функционирования образовательного учреждения как высшего обеспечивает наличие не только научных кадров, но и выполнение научно-исследовательских работ в интересах как совершенствования учебного процесса в вузе, так и оказания научно-методической помощи практическим органам, возможность организации научных представительских мероприятий, дискуссионных площадок.

С 1997 г. отмечается тенденция увеличения количества проведения научно-исследовательских работ, направленных на совершенствование деятельности ОВД (первый раздел плана научно-исследовательской деятельности вуза). В 2005-2007 гг. институт возглавлял рейтинг эффективности научной

1 5 апреля 2016 года Указом Президента Российской Федерации ФСКН России упразднена, а её функции и полномочия переданы в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации с июня 2016 года, образовав объединённое Главное управление по контролю за оборотом наркотиков МВД России.

2 На снижение показателя существенное влияние оказало увеличение количества профессорско-преподавательского состава за счет увеличения штатного расписания с 89 единиц до 133.

деятельности среди всех образовательных учреждений органов внутренних дел.

По инициативе В.И. Горобцова и непосредственной организационной поддержке в феврале 1998 г. на базе школы под эгидой Совета Европы прошла международная научно-практическая конференция «Правовые и организационно-тактические проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе». В работе конференции приняли участие специалисты и ученые из европейских стран: Амадео Рекасенс, Генеральный директор полицейской академии в Каталонии (Испания); Гартмут Хорсткотте, судья Верховного Суда Германии в отставке; Мартин Финке, профессор – университет г. Пассау (Германия); Томас Крузман – университет г. Пассау (Германия); Марьяно Хосе Седано, профессор истории – Латеранский университет (Рим); Хосе Мария Вегас, профессор философии – Латеранский университет (Рим), а также ведущие ученые и специалисты вузов страны, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России – В.И. Горобцов, А.И. Марцев, Т.В. Кондрашова, А.Н. Тарбагаев, В.Т. Томин, В.А. Уткин и многие другие.

При сохранении преемственности, статусности и последовательности данного научного форума, его название несколько раз корректировалось, в том числе и по причине передачи института в 2011 г. в ведение ФСКН России и возвращения в 2016 г. снова в МВД России: «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе», «Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков: национальный и международный уровни», «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики».

Конференция стала важным ежегодным представительным научным событием, дающим возможность многопланового обсуждения проблем в рамках секций «Социальные проблемы борьбы с преступностью», «Уголовно-правовые и криминологические проблемы

борьбы с преступностью», «Общеправовые и информационно-управленческие проблемы борьбы с преступностью», «Уголовно-процессуальные проблемы борьбы с преступностью», «Оперативно-розыскные проблемы борьбы с преступностью», «Теоретические и прикладные проблемы криминологического обеспечения предварительного расследования»¹. В работе научного форума в различные годы принимали участие ученые-правоведы, профессорско-преподавательский состав и сотрудники правоохранительных органов, руководители органов власти субъектов Российской Федерации, специалисты в области права из стран дальнего и ближнего зарубежья, представители международных межправительственных и общественных организаций. Информация о результатах научно-практических конференций регулярно печаталась не только в краевых и ведомственных СМИ, но и в ведущих российских юридических журналах – «Российский следователь», «Право: теория и практика», «Государство и право», «Право и образование».

Эта традиция сохранилась и сегодня. С учетом новых реалий, специализации вуза и возможностей по расширению форм участия обсуждение проблем организуется в секциях «Проблемы совершенствования профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов», «Общеправовые проблемы правового регулирования и практики противодействия преступности», «Криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия преступности», «Процессуальное обеспечение досудебного и судебного производства по уголовным делам», «Актуальные проблемы криминологической и судебно-экспертной деятельности».

Также в формате конференции проводились и проводятся международные и все-российские методологические семинары по различным актуальным на момент проведения научного форума проблемам: «Проблемы борьбы с преступностью в сфере высоких технологий», «Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социаль-

¹ В отдельные годы названия секций корректировались, однако целевая установка на изучение проблем, как правило, была неизменной.

но-гуманитарные аспекты», «Оперативно-розыскное противодействие наркопреступности», «Программы взаимодействия полиции и институтов гражданского общества на современном этапе», «Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе» и др.

В работе научного форума в различные годы принимали участие ученые-юристы, имена которых известны не только в странах СНГ, но и далеко за их пределами. Среди них доктора юридических наук, профессора, заслуженные деятели науки России А.И. Марцев, В.В. Николук, В.Т. Томин, Н.Е. Корноухов, доктора юридических наук, профессора, заслуженные юристы России Е.А. Чечетин, Н.С. Железняк, В.А. Уткин, В.А. Азаров, А.С. Горелик, Л.И. Беляева, доктора юридических наук, профессора Ю.Н. Пудовочкин, С.Ф. Милюков, В.А. Сумачев, Т.В. Кондрашова, А.Н. Тарбагаев, В.Т. Томин, И.В. Смолькова, А.А. Протосевич, А.Л. Репецкая, Ю.П. Гармаев, А.В. Шеллер, доктор медицинских наук, профессор Е.А. Брюн, доктор социологических наук, профессор Ю.Ю. Комлев, доктор философских наук, профессор Н.М. Чуринов и многие другие. В очном формате до 2011 г. в работе международной научно-практической конференции ежегодно принимали участие юристы и сотрудники полицейских органов Австрии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Литвы, Норвегии, Словении, Финляндии, Франции, Чехии, Швеции и стран СНГ. Плодотворно развивалось научное сотрудничество института с полицейскими ведомствами Германии, США, Великобритании, университетами городов Грайсфальд и Пассау (Германия), университетом г. Лейстера (Великобритания), куда сотрудники и курсанты вуза выезжали для ознакомления с опытом работы и системой подготовки кадров у зарубежных коллег. Так, в Лейстерском университете (Великобритания) прошли учебную стажировку курсанты Н.А. Штей (2000 г.), П.С. Голубь (2001 г.). В 2002-2003 гг. багаж научных знаний пополнил преподаватель кафедры уголовного права и криминологии П.В. Тепляшин, а курсант Т.А. Королева

прошла обучение по программе «Немецкое право» в университете г. Пассау (Германия). В 2004-2005 учебном году О.В. Коновалова прошла научную стажировку в Гуверовском институте Стэнфордского университета (США) по программе Фулбрайт. В 2005-2006 учебном году курсант М.А. Долина направлена для продолжения обучения в университет г. Пассау Федеративной Республики Германия по Программе DSG «Основы немецкого права» (обучение – с сентября 2005 г. по март 2006 г.), а курсант М.С. Рожкова проходила обучение в Школе английского языка English First, г. Гастингс, Великобритания (август 2006 г.).

Для популяризации результатов научных исследований профессорско-преподавательского состава, достигнутых в процессе подготовки и защиты научных квалификационных работ на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, ввиду отсутствия в начальный период в институте собственного научно-практического журнала, с 1999 г. стали издаваться на полиграфической базе вуза различные ежегодные сборники научных трудов как по юридической тематике («Уголовное право и современность»), так и по вопросам научного познания общественных процессов («Личность, общество и современность»). Кроме профессорско-преподавательского состава института в сборниках активно печатались научные работы по тематикам научного издания ведущих ученых-гуманитариев: философов, политологов, историков, социологов, юристов образовательных и научно-исследовательских организаций различных министерств и ведомств России, и в первую очередь ее правоохранительных органов, и научные результаты, отличающиеся актуальностью, начинающих исследователей – адъюнктов.

Особой популярностью у профессорско-преподавательского состава, адъюнктов и докторантов института пользовался так называемый профессорский сборник «Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики». Издание сборника стало возможным при наличии реально сформировавшегося пула докторов юридических наук СибЮИ МВД

России и установления деловых, творческих, научных контактов с учеными – докторами наук по различным научным специальностям других отечественных и зарубежных образовательных и научных организаций, вносящих существенный вклад в развитие юридической науки, подготовку научно-педагогических кадров высшей квалификации, совершенствование современной правоохранительной системы. Сборник внес существенный вклад в популяризацию научных взглядов ученых института, основателей научных школ: доктора юридических наук, профессора В.И. Горобцова (уголовная ответственность и постпенитенциарное воздействие), доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.Е. Корноухова (теоретико-прикладные проблемы судебной экспертизы), доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ Н.С. Железняка (теоретико-прикладные проблемы судебной экспертизы, оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса), доктора социологических наук, профессора Д.Д. Невирко (формирование личности в современном обществе), доктора философских наук, профессора А.И. Панюкова (развитие правового сознания личности: философско-психологический аспект); доктора технических наук, профессора В.В. Терского (системный анализ, управление и обработка информации).

Для привлечения к научно-исследовательской работе молодежи, выявления ее научных потенций в области права и правоприменительной практики, поддержки инициативы, развития способностей и талантов у обучающихся с 1998 г. ежегодно стала проводиться всероссийская научно-практическая конференция «Студент, наука и цивилизация», а с начала нулевых годов в ее работе активно принимают участие альюнкты и аспиранты, что повлекло коррекцию названия молодежного форума, который стал называться «Молодежь, наука и цивилизация». Нередко на пленарных заседаниях присутствовали руководители молодежной

политики края и города Красноярска, а при завершении мероприятий, предусмотренных программами научно-практической молодежной конференции, представлялись отчеты и творческих студенческих коллективов, коллективов художественной самодеятельности вузов участников научного форума. Это придавало молодежному мероприятию не только статус научности, но и ощущение праздника.

Традиция ежегодного проведения этой конференции сохранилась и до сегодняшних дней. Вместе с тем в ее работе в последние годы принимают активное участие обучающиеся не только высших образовательных учреждений органов внутренних дел России, но и студенты юридических кафедр, факультетов и институтов других ведомств, а также курсанты и слушатели образовательных организаций министерств внутренних дел Казахстана и Белоруссии. Сегодня с развитием средств коммуникации и цифровых технологий появилась возможность проведения научных мероприятий не только в очном или заочном форматах, но и в форматах онлайн, что дало большие возможности общения и обмена мнениями участникам конференции, находящимся нередко за сотни, а то и тысячи километров от Красноярска. Кроме того, в руководстве секций сегодня не только старшие товарищи – преподаватели, но и курсанты, пока, правда, на уровне заместителей руководителей секций и научных секретарей. Среди тех, кто в различные годы принимал активное участие в работе студенческого научного общества института, есть и сегодняшние сотрудники и работники института – доктора и кандидаты наук. Например, заместитель начальника института (по научной работе) доктор юридических наук, доцент Н.Н. Цуканов¹, профессор кафедры уголовного права и криминологии доктор юридических наук, доцент П.В. Тепляшин, начальник учебного отдела кандидат юридических наук, доцент С.А. Пунтус, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД кандидат философских наук, доцент А.Ю. Иванов,

¹ Н.Н. Цуканов – первый выпускник Красноярской высшей школы милиции МВД России, ставший доктором юридических наук.

доцент этой же кафедры кандидат юридических наук, доцент Е.Ю. Чумарова, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин кандидат юридических наук, доцент Д.Д. Невишко, начальник кафедры гражданского права и процесса кандидат юридических наук, доцент Н.Ю. Тетерятников, доцент этой же кафедры кандидат юридических наук, доцент Н.А. Рябинин, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии кандидат юридических наук, доцент Д.В. Токманцев, старший преподаватель кафедры криминалистики кандидат юридических наук А.А. Ручина и другие.

Повышение уровня научной компетенции организации в контексте последних лет. Показателем уровня научной компетентности является вовлеченность профессорско-преподавательского состава в научную деятельность, количество выполненных сотрудниками института научно-исследовательских работ, ее динамика и уровень поднимаемых и решаемых проблем. По Плану научно-исследовательской работы института на 2016 г. было запланировано проведение всего 27 научно-исследовательских работ (НИР), из них в 1 полугодии 2016 г. были рассмотрены на Ученом совете и утверждены начальником института 3. Во втором полугодии 2016 г. подготовлены и одобрены на ученом совете института 11 НИР¹. С 2017 г. отмечается рост количества завершенных работ. Если в 2017 г. выполнены 41 НИР², то в 2018 г. уже 43³, в 2019 г. – 46⁴, в 2020 г. – 47⁵, в 2021 г. – 50, 13 тем выполнены по 17 заявкам, из них 2 – по заявкам центрального аппарата МВД России (ДГСК МВД России, ОШУ МВД России)⁶.

В выполнении научно-исследовательских работ в качестве руководителей (исполнителей) ежегодно задействуется 100% профессорско-преподавательского состава. О качестве выходной продукции говорят, во-первых, результаты конкурсов различных уровней, на которых данная продукция была представлена. В 2020 г. за участие в международных и

всероссийских конкурсах, проводимых только организациями МВД России дипломами I-III степеней были отмечены 8 работ. В 2021 г. призовые места заняли 15 работ. Кроме того, ежегодно сотрудники института представляют работы, выполненные по итогам НИР, для участия в конкурсах, проводимых организациями и учреждениями не системы МВД России, где отмечаются дипломами победителей и призеров. А во-вторых, также количество и уровень публикаций. Так, с 2019 г., по данным РИНЦ, в системе организаций МВД России вуз занимает первые места по числу цитирований в ядре РИНЦ, второе место по среднему числу публикаций в расчете на одного автора, третье место по числу публикаций в зарубежных изданиях, третье место по числу публикаций, входящих в Web of Science или Scopus; по индексу Хирша с показателем 41 институт занимает девятое место.

Для представления научных результатов на полиграфической базе института издаются два научно-практических журнала: «Научный компонент» (сетевое издание), индексируемый в РИНЦ, и «Вестник Сибирского юридического института МВД России», включенный в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук.

На площадках образовательного учреждения ежегодно проводятся более 30 научных представительных мероприятий международного и всероссийского уровней. В организации международных мероприятий участие (посредством видеосвязи) принимали представители государств Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Монголия, Никарагуа, Сальвадор. Большое внимание развитию научной компетентности уделяется руководством института: начальником доктором юридических наук, профессором Д.В. Кимом, заместителем начальника (по научной работе) доктором юридических наук, доцентом Н.Н. Цукановым.

1 Справка о результатах научно-исследовательской деятельности, протокол ученого совета от 25.01.2017 N 7.

2 Справка о результатах научно-исследовательской деятельности протокол ученого совета от 20.12.2017 N 6.

3 Справка о результатах научно-исследовательской деятельности протокол ученого совета от 26.12.2018 N 7.

4 Справка о результатах научно-исследовательской деятельности протокол ученого совета от 18.12.2019 N 7.

5 Справка о результатах научно-исследовательской деятельности протокол ученого совета от 16.12.2020 N 5.

6 Справка о результатах научно-исследовательской деятельности протокол ученого совета от 26.12.2018 N 7.

После 2018 г. в институте вновь стали набирать силу научные школы – «Содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел» (руководитель доктор юридических наук, профессор заслуженный юрист России Н.С. Железняк), «Правовое осмысление проблем разрешения криминалистических ситуаций» (руководитель доктор юридических наук, профессор Д.В. Ким), «Применение органами внутренних дел отдельных мер административного принуждения» (руководитель доктор юридических наук, доцент Н.Н. Цуканов), «Школа пенитенциарной компаративистики» (руководитель доктор юридических наук, доцент П.В. Тепляшин).

Институт ежегодно взаимодействует и развивает установившиеся связи с антитеррористической и антинаркотической комиссиями Красноярского края, образовательными и иными организациями России, зарубежными образовательными организациями, в том числе посредством участия в проведении исследований в целях осуществления мониторинга наркоситуации в Красноярском крае, подготовки для использования в деятельности секретариата ОДКБ аналитических материалов «Наркоситуация в регионе ответственности Организации Договора о коллективной безопасности: криминологические показатели и тенденции». С 2005 г. институт входит в состав организаторов и активных участников проведения дискуссионных площадок, круглых столов, семинаров научного форума «Современные системы безопасности – Антитеррор».

Проанализировав довольно продолжительный отрезок пути Сибирского юридического института МВД России как высшего образовательного учреждения, можно утверждать, что в вузе имеются все возможности по проведению научно-исследовательских работ, по научному обеспечению организации образовательного процесса, выполнению запросов практических органов, представлению для обсуждения и апробации результатов научной общественности, желание профессорско-преподавательского состава, адъюнктов и, конечно, курсантов и слушателей, обладающих творческими способностями, внести конкретный вклад в развитие юридической науки. Вместе с тем есть и проблемы, которые не позволяют останавливаться на достигнутом, более того, они требуют пристального внимания к их разрешению.

Сегодня существенно возрастает актуальность четкого осознания необходимости рассмотрения образовательной организации высшего образования как одновременно образовательной и научной организации. Следует отметить, что оба направления деятельности должны осуществляться на постоянной профессиональной основе. Более того, в стоимостном выражении масштабы данных направлений должны быть сопоставимы и, соответственно, в одинаковой степени важны для каждой образовательной организации органов внутренних дел.

Библиографический список

1. Изотова, Л.Е. Взаимосвязь науки и образования: современные модели и методы диагностики / Л.Е. Изотова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2018. – N 2. – С. 67-68.
2. Закатов, В.В. Совершенствование специального профессионального образования сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : дис. ... канд. пед. наук / В.В. Закатов. – М., 2007.
3. Павлов, А.К. Роль науки в современном образовании / А.К. Павлов. – URL: <https://infourok.ru/pavlov-a-k-rol-nauki-v-sovremennom-obrazovanii-nauchnaya-statya-5651821.html> (дата обращения: 16.06.2022).
4. Ярмолицкая, Н.В. Современное образование и наука: основные направления и концепции развития в контексте европейского опыта / Н.В. Ярмолицкая // Молодой ученый. – 2015. – N 23 (103). – С. 1114-1118.

Павел Владимирович ТЕПЛЯШИН,

профессор кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент

pavlushat@mail.ru

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ГОРОБЦОВА

VLADIMIR I. GOROBTSOV'S SCIENTIFIC HERITAGE

В статье представлен дайджест теоретических взглядов и научно-исследовательских достижений первого начальника Сибирского юридического института МВД России доктора юридических наук, профессора Владимира Ильича Горобцова. Обозначена роль ученого в формировании теории уголовно-правового принуждения и общей доктринальной архитектуры уголовно-исполнительного процессуального (процессуально-исполнительного) права, прогнозировании тенденций развития и направлений оптимизации уголовно-правовых и уголовно-исполнительных отношений. Продемонстрирована значимость научной деятельности Владимира Ильича в продвижении авангардных и востребованных научной общественностью идей, их популяризации и реализации в учебном процессе, а также в диссертационных работах его учеников.

The article presents a digest of Doctor of Law, Professor Vladimir I. Gorobtsov's theoretical views and research achievements. The scientist's role in the development of the theory of criminal-legal coercion and general doctrinal architecture of criminal-executive procedural (procedural-executive) law, forecasting of tendencies of development and directions of optimization of criminal-legal and criminal-executive relations is noted. The significance of Vladimir Gorobtsov's scientific activity in the promotion of leading ideas demanded by the scientific community, their popularization and implementation into the educational process, as well as into his students' dissertation works is demonstrated.

Ключевые слова: административные ограничения, диссертация, научный консультант, постпенитенциарное воздействие, развитие органов внутренних дел, уголовно-исполнительная система, уголовно-правовые меры.

Keywords: administrative restrictions, dissertation, academic advisor, post-penitentiary impact, development of internal affairs bodies, penal system, criminal-legal measures.

Доктор юридических наук, профессор Владимир Ильич Горобцов является выдающимся представителем отечественной уголовно-исполнительной (исправительно-трудовой) науки. В условиях постсоветской череды сменяющих друг друга реформ уголовно-исполнительной системы и законодательства работы ученого можно охарактеризовать как дальновидные взгляды на развитие доктринального обоснования и практическое воплощение успешной ре-

ализации исправительного и профилактического воздействия на осужденных лиц. Так, Владимир Ильич уже 20 лет назад обосновал систему средств обеспечения режима в исправительных учреждениях и указывал на целесообразность ее закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве [14, с. 107]. В настоящее время расширение видов учреждений, исполняющих уголовные наказания, повышение их безопасности и эффективности функционирования как раз осу-

шествляется в унисон предложенной системе средств обеспечения режима. Не случайно повышение эффективности уголовно-исполнительной системы, предусматривающее в том числе обеспечение безопасности соответствующих учреждений, выступает одной из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года.

Научные взгляды Владимира Ильича не ограничивались пенитенциарной сферой. Достаточно прозорливыми выступали воззрения в области оптимизации функционала уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Например, в одной из своих работ им аргументированно указывалось, что «использование рекомендаций Токийских правил позволит отечественному законодателю сформулировать действенный арсенал мер, не связанных с изоляцией виновных от общества» [9, с. 5]. Действительно, уголовно-правовые меры, альтернативные лишению свободы, получили «жизнь» в системе уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера и в настоящее время активно реализуются.

Вместе с тем исследования Владимира Ильича ориентированы не только на вопросы исполнения и отбывания уголовных наказаний, проблемы постпенитенциарного воздействия, но и демонстрируют фундаментальный подход к перспективам развития публичного права, показывают более широкий охват проблем юридического характера. Так, ряд работ ученого [7; 8; 13] посвящены теории уголовно-правового принуждения, в них заложено прогрессивное видение содержания и форм реализации уголовной ответственности, представлена система уголовно-правового воздействия (принуждения), сформулированы перспективы отражения теории уголовно-правового принуждения в нормах действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. Если учесть, что пик данных исследований пришелся на период активного общественного обсуждения и научного лорнетирования проекта УК РФ, а также его последующих обширных законодательных корректив (в частности, имеется в

виду Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»), то можно констатировать активную роль Владимира Ильича в формировании и развитии на раннем этапе отечественного уголовного законодательства и уголовно-правовой доктрины.

В монографическом исследовании на соискание ученой степени доктора юридических наук [12] Владимир Ильич предвосхитил существенную практическую целесообразность реализации мер постпенитенциарного воздействия. В сущности, основные идеи и задачи, заложенные в Федеральном законе 6 апреля 2011 года N 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Закон), являются отражением тех концептуальных воззрений, которые формулировались и отстаивались ученым. Так, в одном из положений, выносимых на публичную защиту, указывается, что «меры постпенитенциарного воздействия определяются как предусмотренные нормами права ограничения, применяемые к лицу, отбывшему наказание, с момента освобождения из ИТУ [имеется в виду исправительное учреждение. – П.Т.] и до истечения срока погашения или снятия судимости» [11, с. 7]. В монографии «Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия» В.И. Горбцов отмечает следующий важный момент: «В целях системного анализа правоограничений, составляющих содержание мер постпенитенциарного воздействия, определенный теоретический интерес представляет выяснение вопроса о видах и основаниях классификации подобных правовых категорий» [15, с. 97]. Обоснование данных ограничений базировалось на существовании постпенитенциарной стадии уголовно-правового принуждения, их структурированности (наличие различных групп) и степени императивности для поднадзорного лица. Нельзя не заметить, что подобные ограничения закреплены в ст. 4 Закона «Административные ограничения, устанавливаемые при административном надзоре», в которой они подразделены на две группы

– обязательные для установления и факультативные. Более того, одновременно с принятием Закона уголовное законодательство было дополнено уголовно-правовым запретом на уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314.1 УК РФ), что также демонстрирует фактическое развитие идей Владимира Ильича относительно формирования стройной системы уголовно-правового принуждения.

Развивая идеи Н.А. Стручкова о теоретической и практической целесообразности создания уголовно-исполнительного процессуального права [21], Владимир Ильич совместно с коллегами придал данному направлению научных исследований значительный инерционный научный заряд и концептуальное оформление, «раскручивая» значимость преодоления известных противоречий между уголовным (материальным) правом и уголовно-исполнительным (процессуальным) правом [1]. В настоящее время разрешение отмеченных противоречий выступает одним из центральных объектов научных исследований междисциплинарного характера [2; 20]. Преодоление противоречий между уголовным (материальным) правом и уголовно-исполнительным (процессуальным) правом является важной комплексной задачей и сторонников принятия нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [16; 17]. Отчасти разрешению таких противоречий посвящена теоретическая модель нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, разработанная под руководством В.И. Селиверстова. Так, в данной модели раздел II «Основные участники уголовно-исполнительного процесса» фактически отражает попытку преодоления процессуальной «недостаточности» субъектов уголовно-исполнительных отношений [18, с. 120-168].

Как представляется, В.И. Горобцов выступил одним из идеологов общей доктринальной архитектуры уголовно-исполнительного процессуального (процессуально-исполнительного) права, дальнейшее возведение которой является делом исключительно до-

стойных продолжателей советской школы исправительно-трудового права.

Научная комплементарность Владимира Ильича позволяла ему прогнозировать тенденции развития и направления оптимизации уголовно-правовых и уголовно-исполнительных отношений. Так, ученый в одной из работ на основе детального анализа существующей практики уголовно-исполнительного воздействия на осужденное лицо совершенно справедливо констатировал, что «институт ограничения свободы займет подобающее место в арсенале средств борьбы с преступностью» [10, с. 131]. Действительно, в настоящее время данное уголовное наказание получило положительную оценку со стороны научной общественности и широко реализуется. Рассуждая о сложной юридической природе института колоний-поселений и проблемах их организационно-правового построения, Владимир Ильич прогнозировал появление новых видов учреждений, исполняющих уголовные наказания. Так, появление в уголовно-исполнительной системе исправительных центров в унисон отражает теоретические воззрения ученого и тем самым знаменует новый виток развития комплекса таких учреждений.

Одним из направлений научной деятельности В.И. Горобцова выступил анализ исторических аспектов становления и развития органов внутренних дел России [3]. Частью таких исследований выступило изучение специальных предпосылок, специфики и этапов развития форменной одежды сотрудников русской полиции, советской и российской милиции. В ряде работ [4-6] была выработана соответствующая терминология, изложена репрезентативная методика описания мундиров, представлен четкий порядок каталогизации форменной одежды, включая эмблемы, специальные знаки различия и иные элементы обмундирования. Фактически было обосновано место полицейского и милицейского мундирования и геральдики в системе соответствующей подотрасли исторических дисциплин. Показана связь форменного костюма правоохранительных органов с соответствующими традициями, специальными задачами и функциями. Данные исследования позволяют обна-

ружить закономерности социальной значимости форменной одежды сотрудников русской полиции, советской и российской милиции, причины ее трансформации и дальнейшие тенденции к видоизменению.

Под научным руководством В.И. Горобцова успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук талантливые молодые соискатели, среди которых, в частности, О.А. Алфимова, М.В. Грамматчиков, И.Н. Лемперт, Е.А. Димитрова, С.А. Достовалов, С.Ю. Скобелин, П.В. Тепляшин, А.В. Тиканов, А.П. Титаренко, Е.А. Федорова. Также он выступил научным консультантом по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук у таких видных и широко известных исследователей, как В.С. Ишигеев, А.В. Шеслер и Н.В. Щедрин. Можно постулировать, что В.И. Горобцов проявлял соответствующую заботу о своих учениках, что позволяло создать атмосферу понимания и конструктивного решения существующих актуальных задач в области теории и практики уголовного и уголовно-исполнительного права. Харизматичность Владимира Ильича, профессиональное обаяние и способность создать деловую рабочую обстановку обеспечивали формирование вокруг него работоспособной творческой среды. Являясь с 1996 года начальником Красноярской высшей школы МВД России и с 1999 по 2004 годы – начальником Сибирского юридического института МВД России, В.И. Горобцов за достаточно непродолжительный период сформировал крепкий костяк перспективных

молодых ученых, организовал проведение на постоянной основе ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе», возглавил образованный на базе СибЮИ МВД России диссертационный совет, наладил сотрудничество с ведущими научными центрами Российской Федерации, государств – участников СНГ, США, Германии и Великобритании.

Выступая редактором многих работ монографического и учебно-методического характера, В.И. Горобцов тем самым способствовал как продвижению авангардных и востребованных научной общественностью идей, так и их широкое использование в учебном процессе высших учебных заведений юридического профиля. Так, выступая научным редактором таких, в частности, работ, как «Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью» [22] и «Криминология. Общая часть» [19], Владимир Ильич способствовал их популяризации, высокой цитируемости, реализации в учебном процессе и научной деятельности.

В заключение необходимо отметить, что целая череда идей и теоретических воззрений доктора юридических наук, профессора Владимира Ильича Горобцова со временем восходит на новый уровень актуальности, продолжает обладать практической ценностью и научной жизнеспособностью. Научное наследие ученого остается объектом пристального изучения последователей его теоретических воззрений и всех исследователей теории уголовно-правового принуждения.

Библиографический список

1. Булатов, Б.Б. О процессуально-исполнительном праве / Б.Б. Булатов, В.И. Горобцов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1986. – N 5. – С. 79-80.
2. Головастова, Ю.А. Уголовно-исполнительный процесс: постановка проблемы ограничения уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных отношений / Ю.А. Головастова // Евразийский юридический журнал. – 2021. – N 9. – С. 348-350.
3. Гонюхов, С.О. МВД России. 200 лет на страже закона и правопорядка : монография / С.О. Гонюхов, В.И. Горобцов. – М.: Рейттарь, 2002. – 240 с.
4. Гонюхов, С.О. Российская полиция в мундире : учебное пособие / С.О. Гонюхов, В.И. Горобцов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2000. – 112 с.

5. Гонюхов, С.О. Российская и советская милиция в мундире 1917-1943 гг. : учебное пособие / С.О. Гонюхов, В.И. Горобцов. Часть 2. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2000. – 112 с.
6. Гонюхов, С.О. Советская и российская милиция в мундире 1943-2000 гг. : учебное пособие / С.О. Гонюхов, В.И. Горобцов. Часть 3. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2001. – 128 с.
7. Горобцов, В.И. О понятии и целевых установках уголовно-правового принуждения / В.И. Горобцов // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2001. – С. 34-42.
8. Горобцов, В.И. О корректировке системы уголовно-правового воздействия / В.И. Горобцов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов международной конференции / отв. ред. В.И. Горобцов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2003. – С. 23-28.
9. Горобцов, В.И. О реализации Токийских правил в российском уголовном законодательстве / В.И. Горобцов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2004. – С. 4-6.
10. Горобцов, В.И. Правовая характеристика колоний-поселений : монография / В.И. Горобцов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2004. – 132 с.
11. Горобцов В.И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / В.И. Горобцов. – Екатеринбург, 1995. – 30 с.
12. Горобцов, В.И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики : дис. ... докт. юрид. наук / В.И. Горобцов. – Екатеринбург, 1995. – 305 с.
13. Горобцов, В.И. Проблемы теории уголовно-правового принуждения: избранные публикации / В.И. Горобцов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2003. – 246 с.
14. Горобцов, В.И. Средства обеспечения режима в исправительных учреждениях и их система / В.И. Горобцов // Проблемы теории наказания и уголовно-исполнительного права : материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося отечественного пенитенциариста, доктора юридических наук, профессора А.Л. Ременсона / под ред. В.А. Уткина. – Томск: Томский государственный университет, 2003. – С. 105-109.
15. Горобцов, В.И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия : монография / В.И. Горобцов. – Орел: Высшая школа МВД РФ, 1995. – 160 с.
16. Грушин Ф.В. Новый Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: предмет правового регулирования и структура / Ф.В. Грушин // Уголовная юстиция. – 2019. – N 14. – С. 82-86.
17. Орлов, В.Н. Нужен новый Уголовно-исполнительный кодекс РФ: криминологический взгляд / В.Н. Орлов // Российский криминологический взгляд. – 2010. – N 2. – С. 368-373.
18. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. д.ю.н., профессора В.И. Селиверстова. – М.: Юриспруденция, 2017. – 328 с.
19. Прокументов, Л.М. Криминология. Общая часть : учебное пособие / Л.М. Прокументов. А.В. Шеслер. – Красноярск: КрВШ МВД России, 1997. – 246 с.
20. Скиба, А.П. К вопросу о разграничении уголовно-правового, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального регулирования / А.П. Скиба // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – N 7. – С. 69-76.
21. Стручков, Н.А. Исправительно-трудовое или уголовно-исполнительное право / Н.А. Стручков // Советское государство и право. – 1979. – N 1. – С. 68-75.
22. Шеслер, А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью : монография / А.В. Шеслер. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 1999. – 75 с.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 342.9

DOI 10.51980/2542-1735_2022_3_25

Екатерина Николаевна ПАШКОВА,

профессор кафедры общеправовых дисциплин

Брянского филиала

Всероссийского института повышения

квалификации сотрудников МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

pen515@mail.ru

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННОЕ МЕСТО» ПО АДМИНИСТРАТИВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON THE ISSUE OF DEFINING THE CONCEPT «PUBLIC PLACE» UNDER THE ADMINISTRATIVE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье проводится исследование проблемы определения «общественного места» посредством анализа действующего административного законодательства, рассматриваются доктринальные дефиниции, приводятся статистические данные МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2019-2021 годы о рассмотрении дел о самых распространенных административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, конкретизируются виды общественных мест, регламентированных законодателем в главе 20 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность», причины, по которым возникают затруднения при трактовке определения.

The issues of defining the concept «public place» by analyzing the current administrative legislation are considered in the article. The author examines doctrinal definitions, studies statistical data provided by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2019-2021 regarding cases on the most common administrative offenses provided for by the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, specifies the types of public places regulated by the legislator in Chapter 20 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation «Administrative offenses infringing on public order and public safety», as well as the reasons for some difficulties in interpreting the given definition.

Ключевые слова: общественное место, виды общественных мест, административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность.

Keywords: public place, types of public places, administrative offenses infringing on public order and public safety.

Обсуждение понятия «общественное место» среди ученых правоведов является привычным. В юридической литературе данной дефиниции нередко уделяется внимание в связи с тем, что законодательная регламентация рассматриваемого положения до сих пор отсутствует. Примерный перечень таких мест можно определить путем анализа административного законодательства Российской Федерации.

Следует также отметить, что в литературе нет единого мнения по поводу данного определения [подр.: 4, с. 107].

Общественное место связывается с пребыванием в нем людей, ибо нарушение правил поведения в местах общения людей одной личностью затрагивает интересы другой личности, группы людей, общества [1, с. 23-24].

По мнению А.Н. Вечкановой, А.П. Некрасова, общественные места – объекты, которые используются совместно. Они могут принимать различные формы: от парков, улиц и транзитных сред до торговых центров или интерстициальных пространств, каждое из которых имеет свои конструктивные особенности. Общественные места могут собирать тысячи людей (например, стадионы, аэропорты, крупные центральные вокзалы) или быть пустынными путями или пустыми станциями [2, с. 504].

С точки зрения Р.Б. Границкого, под общественным местом следует понимать место публичного общения, взаимодействия (пребывания) людей для достижения жизненных целей и удовлетворения различных жизненных потребностей, которое свободно для доступа неопределенному кругу лиц, а также место их фактического нахождения [3, с. 9].

К.Д. Рыдченко под общественным местом понимает пространство или территорию постоянного, временного либо эпизодического пользования, свободную для доступа неограниченного круга лиц в целях удовлетворения различных жизненных потребностей. Не может быть признано общественным местом жилище, а также иные территории, помещения или объекты, на которых собственником, владельцем или иным уполномоченным на то

лицом приняты меры по недопущению посторонних лиц посредством технических или организационных средств и методов, в том числе в условиях специального правового режима [5, с. 189].

Таким образом, из анализа рассматриваемых определений общественного места следует, что среди правоведов отсутствует единое его понимание.

Термин «общественное место» содержится в главе 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность».

К административным правонарушениям, содержащим терминологию «общественное место», можно отнести мелкое хулиганство (статья 20.1 КоАП РФ), организацию массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекшую нарушение общественного порядка (статья 20.2.2 КоАП РФ), потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах (статья 20.20 КоАП РФ), появление в общественных местах в состоянии опьянения (статья 20.21 КоАП РФ).

Рассматриваемые административные правонарушения являются самыми распространенными в административной деятельности полиции, непосредственно выявляемыми сотрудниками органов внутренних дел. Безусловно, лидирующее место в статистических сведениях МВД России принадлежит административным правонарушениям в области дорожного движения. Данный показатель складывается не только из выявленных сотрудниками полиции противоправных деяний в области дорожного движения, но и зафиксированных работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи. Причем в статистике не отражены соответствующие данные

о количестве отмененных постановлений по делам об административных правонарушениях в сфере дорожного движения при обращении граждан и обжаловании ими решений.

К сожалению, в статистических отчетах МВД России отсутствуют сведения о количестве непосредственно выявленных административных правонарушений в области дорожного движения сотрудниками органов внутренних дел без учета автоматизированной фиксации.

В 2019 году в России были привлечены к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного главой 12 КоАП РФ (с учетом сведений, предоставленных Центром автоматизированной фиксации административных правонарушений Государственной инспекции безопасности дорожного движения управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъектам РФ) – 143528097 человек, главой 20 КоАП РФ – 4031595 человек, главой 18 КоАП РФ – 792316, главой 14 КоАП РФ – 259959 человек, главой 11 КоАП РФ – 144592, главой 8 КоАП РФ – 23256 человек¹.

В 2020 году количество административных правонарушений в области дорожного движения с учетом сведений, предоставленных Центром автоматизированной фиксации административных правонарушений Государственной инспекции безопасности дорожного движения управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъектам РФ, составило 166026406.

«Первенство» по непосредственному выявлению и осуществлению производства по делу об административном правонарушении сотрудниками органов внутренних дел в Российской Федерации, как и в 2019 году, принадлежит административным правонарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность, – 4546026 человек, на втором месте глава 18 КоАП РФ «Административные правонарушения в области защиты государственной границы Рос-

сийской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации» – 440000 человек, на третьем – административные правонарушения, регламентированные главой 14 КоАП РФ «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций» – 226480 человек.

В 2021 году ситуация по распределению мест из числа выявленных непосредственно сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации административных правонарушений и привлеченных к административной ответственности лиц без учета автоматизированной фиксации административных правонарушений не изменилась. 4891981 дел рассмотрены за административные правонарушения, предусмотренные главой 20 КоАП РФ, 699013 – главой 18 КоАП РФ, 223759 – главой 14 КоАП РФ.

Обратимся также к обзору судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019-2021 годы.

Всего в 2019 году в Российской Федерации судьями рассмотрены 7018529 дел об административных правонарушениях. Из них за административные правонарушения, предусмотренные КоАП РФ, – 6951556. По главе 7 КоАП РФ рассмотрены 242070 дел об административных правонарушениях, по главе 12 КоАП РФ – 1036625 дел, по главе 14 КоАП РФ – 284359 дел, по главе 20 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» – 2532864 (практически 1/3 от общего числа рассматриваемых административных дел). Причем 202350 дел рассмотрены и вынесены решения за административное правонарушение, предусмотренное статьей 20.1 КоАП РФ, 200 дел – по статье 20.2.2 КоАП РФ; 8849 – по части 2 статьи 20.20 КоАП РФ, 377491 – по части 3 статьи 20.21².

¹ Здесь и далее: Официальные статистические показатели. URL: <http://fedstat.ru/> (дата обращения: 18.02.2022).

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

В 2020 году судами рассмотрены 7331877 материалов дел об административных правонарушениях, причем практически половина из них – 3364975 дел – по главе 20 КоАП РФ. Для конкретизации: по статье 20.1 КоАП РФ – 151527, по статье 20.2.2 КоАП РФ – 314, 7303 – по части 2 статьи 20.20 КоАП РФ, 255655 – по статье 20.21 КоАП РФ. Исходя из отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2020 год по главе 7 КоАП РФ рассмотрены 202580 дел, по главе 12 КоАП РФ – 1026277 дел, по главе 14 КоАП РФ – 235489 дел¹.

В первом полугодии 2021 года рассмотрены судами 4484185 дел об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ. Из них половина – 2258854 – административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность².

Таким образом, исходя из аналитических сведений о деятельности судей за 2019-2021 годы, административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, являются самыми распространенными противоправными деяниями.

Как видно из приведенных статистических данных, в последнее время отмечается повышенная динамика административных правонарушений, предусмотренных главой 20 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Однако введение в 2019-2020 годах в Российской Федерации режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации в виду распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, предусматривающего соблюдение режима самоизоляции по месту проживания либо в иных помещениях, в том числе в жилых и садовых домах, обусловило снижение показателей совершения

некоторых административных правонарушений из общего массива дел в 2019-2020 годах, в том числе совершенных и в общественных местах.

Вместе с тем практика деятельности правоохранительных и судебных органов требует более детального изучения сути и понятия термина «общественное место» во избежание возможных ошибок со стороны правоохранительных органов при квалификации правонарушений.

Попытаемся проанализировать некоторые положения административного законодательства Российской Федерации относительно смысловой нагрузки определения общественного места.

В соответствии с частью 1 статьи 20.1 КоАП РФ мелкое хулиганство представляет собой нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам.

Как видим, в легальной дефиниции мелкого хулиганства законодатель не счел нужным раскрыть содержание понятия общественно-го места.

То же можем проследить в части 1 статьи 20.2.2 КоАП РФ: «Организация не являющегося публичным мероприятием массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, публичные призывы к массовому одновременному пребыванию и (или) передвижению граждан в общественных местах либо участие в массовом одновременном пребывании и (или) передвижении граждан в общественных местах, если массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан в общественных местах повлекли нарушение общественного порядка или санитарных норм и правил, нарушение функционирования и сохранности объектов жизнеобеспечения или связи либо причинение вреда зеленым насаждениям либо создали помехи движе-

1 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

2 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за первое полугодие 2021 года. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

нию пешеходов или транспортных средств либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 настоящей статьи, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния».

Несколько в иной интерпретации «общественное место» изложено в статье 20.20 КоАП РФ.

Часть 1 статьи 20.20 КоАП РФ отсылает к подпунктам 1-9 пункта 2, пункту 7 статьи 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 года N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», в соответствии с которыми к общественным местам относятся: здания, строения, сооружения, помещения, находящиеся во владении, распоряжении и (или) пользовании образовательных организаций и (или) организаций, осуществляющих обучение, медицинскую деятельность, деятельность в области культуры; спортивные сооружения; оптовые и розничные рынки; все виды общественного транспорта (транспорта общего пользования) городского и пригородного сообщения, остановочные пункты его движения (в том числе станции метрополитена), автозаправочные станции; расположения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, обеспечивающих оборону и безопасность Российской Федерации; вокзалы, аэропорты; места нахождения источников повышенной опасности; места массового скопления граждан в период проведения публичных мероприятий и прилегающие к таким местам территории; нестационарные торговые объекты, другие общественные места, в том числе дворы, подъезды, лестницы, лестничные площадки, лифты жилых домов, детские площадки, зоны рекреационного назначения (в границах территорий, занятых городскими лесами, скверами, парками, городскими садами, прудами, озерами, водохранилищами, пляжами, в границах иных территорий, используемых и

предназначенных для отдыха, туризма, занятий физической культурой и спортом).

Таким образом, из буквального толкования рассматриваемого нормативного правового акта следует, что перечень общественных мест не является исчерпывающим. Законодатель предпринял попытку описать максимальное количество общественных мест, но все равно применил словосочетание «в других общественных местах», свидетельствующее о расширительном толковании. Что касается слов «в том числе» – это присоединительный оборот, который указывает на часть целого и предполагает, что есть и другие места.

Для квалификации административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.20 КоАП РФ, обязательным признаком объективной стороны являются именно места, в которых запрещается потреблять (распивать) алкогольную продукцию. Явное неуважение к обществу как квалифицирующему признаку объективной стороны не требуется.

Мы солидарны с Р.Б. Гриницким, считающим: «Поскольку в указанном правонарушении место – обязательный элемент объективной стороны, то в КоАП РФ должно содержаться четкое понятие общественного места» [6, с. 15].

По конструкции объективной стороны состав является формальным – достаточно только факта потребления (распития) алкогольной продукции в рассматриваемых местах.

Часть 2 статьи 20.20 КоАП РФ также не дает полного перечня общественных мест. В ней закреплено, что «потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, а также в других общественных местах ...».

Абсолютно полностью разделяем точку зрения Н.Н. Цуканова, который отмечает, что «весьма значимую роль может иметь такая характеристика объективной стороны, как место совершения административного

правонарушения. В частности, именно этот критерий положен в основу разграничения правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 6.9 и ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ» [7, с. 108].

Аналогичная ситуация и в статье 20.21 КоАП РФ, частично регламентирующей понятие общественного места: «появление на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность...».

Законодатель в части 2 статьи 20.20, 20.21 КоАП РФ определил точно и конкретно только пять видов общественных мест: улица, стадион, сквер, парк, транспортное средство общего пользования.

Пункт 1.1 приказа МВД России от 13 апреля 2021 года N 212 регламентирует более расширенный список общественных мест, относя к ним улицу, площадь, стадион, вокзал, железнодорожную станцию, платформу, сквер, парк, поезд дальнего следования и пригородного сообщения, аэропорт, морской и речной порт, автовокзал, автостанцию, привокзальную площадь и другие общественные места¹.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 года N 3-ФЗ «О полиции» в пункте 5 части 1 статьи 12 также отсылает к «другим общественным местам».

А вот что понимать под другим общественным местом? Возникают различные подходы к пониманию и трактовке термина, негативно влияющие на работу органов внутренних дел, суда и прокуратуры; как правило, в каждом отдельном случае они самостоятельно определяют, что относится к общественному месту.

Таким образом, правоприменитель должен по своему внутреннему усмотрению при

выявлении рассматриваемых антиобщественных противоправных деяний самостоятельно при отсутствии четких рамок правового поля квалифицировать «другое общественное место».

Так, в решении Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2021 года по делу N 44АД21-5-К7 к «общественному месту» суд отнес территорию у дома. Ш., выявленный в 00 часов 40 минут 4 февраля 2020 года в общественном месте у дома N <...> <...> края с явными признаками опьянения, вызванного потреблением наркотических средств без назначения врача (расширенные зрачки, смазанная речь), отказался от выполнения законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения при наличии достаточных оснований полагать, что он (Ш.) употребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача в общественном месте. Деяние Ш., допустившего описанное выше нарушение, обоснованно квалифицировано по части 2 статьи 20.20 КоАП РФ в соответствии с установленными обстоятельствами².

Кроме того, хотелось бы рассмотреть дефиницию «улицы».

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова улица рассматривается в двух аспектах: «1. В населённых пунктах: два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда, а также само это пространство. 2. Пространство, место вне жилых помещений, под открытым небом»³.

Таким образом, не совсем понятно, какой смысл законодатель заложил в слово «улица»: как географическое название (например, улица Грибоедова, улица Семашко и т.п.) или как участок местности, находящийся на свежем воздухе, открытом пространстве, при выходе из помещения.

1 Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции : приказ МВД России от 13.04.2021 N 212 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2022).

2 Решение Верховного Суда Российской Федерации 21.06.2021 года по делу N 44АД21-5-К7. URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 17.02.2022).

3 Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 15-е изд., стереотип. М., 1984. С. 738.

Если все же «улица» рассматривается как индивидуальное название, то при выявлении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 20.20 или статьей 20.21 КоАП РФ, в переулке, проспекте, бульваре и т.п. будет отсутствовать состав административного правонарушения, а именно обязательный признак объективной стороны – место совершения проступка. Если только правоприменитель для квалификации административного правонарушения не прибегнет к расширительному толкованию – «другое общественное место».

Закон Брянской области «Об административных правонарушениях на территории Брянской области»¹ к общественным местам относит улицу, стадион, парк, сквер, транспортное средство общего пользования, объекты (территории, помещения) юридических лиц или граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, которые предназначены для обеспечения доступа к сети Интернет, для развлечений, досуга (дискотеках, клубах), а также для реализации услуг в сфере торговли и общественного питания (организации или пункты), где в установленном законом порядке предусмотрена розничная продажа алкогольной продукции, без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей (часть 2 статьи 14.3), остановку общественного транспорта, подъезды жилых домов, иные общественные места (статья 16).

Таким образом, осуществляя анализ действующего административного законодательства Российской Федерации, следует отметить, что на законодательном уровне единого

понимания определения «общественное место» не установлено, хотя оно применяется в материальных нормах как уголовного, так и административного права.

Важно отметить, что при отсутствии законодательной трактовки понятия общественного места правоприменитель субъективно квалифицирует то или иное правонарушение, посягающее на общественный порядок, и, к сожалению, не всегда правильно.

Указанная категория административных правонарушений ежедневно сопровождает граждан, и несвоевременное реагирование на них со стороны органов внутренних дел подрывает авторитет правоохранительных органов.

Вместе с тем не только отсутствие правовой реакции со стороны органов внутренних дел, но и незаконное привлечение граждан к административной ответственности, применение к ним иных мер принуждения нарушает принятый в государстве режим законности и правопорядка.

Своевременное снятие противоречий между законодательством и правоприменительной практикой зависит от возможности в преодолении существующих пробелов и противоречий в правовом поле действующего законодательства Российской Федерации.

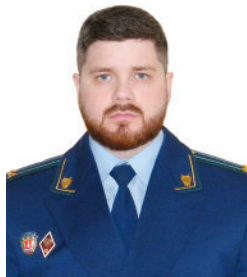
Поэтому в главе 20 КоАП РФ целесообразно закрепить понятие «общественное место» как территорию, пространство, помещение, в котором находится или может появиться физическое лицо в целях реализации жизненных потребностей, предназначенное для беспрепятственного доступа и использования неограниченным кругом лиц, оказания услуг, проведения досуга и отдыха.

¹ Об административных правонарушениях на территории Брянской области : Закон Брянской области от 15.06.2007 N 88. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 18.02.2022).

Библиографический список

1. Административная деятельность ОВД. Часть общая : учебник. – М.: МЮИ МВД РФ. 2001. – 309 с.
2. Вечканова, А.Н. Уголовно-правовая характеристика общественного места как факультативного признака объективной стороны преступления / А.Н. Вечканова, А.П. Некрасов // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т.16 (1-4). – N 4. – С. 503-511.
3. Границкий, Р.Б. Административно-правовые средства предупреждения правонарушений в общественных местах (по материалам ОВД Дальневосточного региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.Б. Границкий. – Хабаровск, 2011. – 23 с.
4. Пашкова, Е.Н. Актуальные проблемы реализации института административной ответственности / Е. Н. Пашкова // Современное общество и право. – 2020. – N 5 (48). – С. 105-111.
5. Рыдченко, К.Д. К вопросу об определении общественного места в административно-деликтном законодательстве / К.Д. Рыдченко // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. – 2020. – N 2. – С. 184-189.
6. Границкий, Р.Б. Проблемы административно-юрисдикционной деятельности участкового уполномоченного полиции по административным правонарушениям, совершаемым в общественных местах / Р.Б. Границкий // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2015. – N 2 (29). – С. 14-16.
7. Деятельность участкового уполномоченного полиции : курс лекций / под ред. А.Г. Гришакова. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. – 199 с.

Константин Дмитриевич ВИШНЕВСКИЙ,

заместитель прокурора
Ужурского района Красноярского края,
советник юстиции

333t1@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ПОДГОТОВКИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ К СУДЕБНОМУ ПРОЦЕССУ
ПРИ АГРЕССИВНОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ СО СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ**

**FEATURES OF THE METHODOLOGY OF PREPARING
A PUBLIC PROSECUTOR FOR LITIGATION
WITH AGGRESSIVE OPPOSITION FROM THE DEFENSE**

Статья посвящена исследованию проблем подготовки государственного обвинителя к участию в рассмотрении уголовного дела в суде. Автором сформулированы понятия «сформированная позиция стороны защиты», «тактический прием противодействия обвинению, используемый стороной защиты», «агрессивное противодействие стороне государственного обвинения». Рассмотрены подходы к порядку подготовки государственного обвинителя к участию в рассмотрении дела в суде в зависимости от позиции стороны защиты, ее возможностей по противодействию представленным стороной обвинения доказательствам.

The article is devoted to the study of problems of preparing a public prosecutor for participation in the consideration of a criminal case in court. The author formulates the concepts of «the generated position of the defense side», «a tactical method of countering the prosecution used by the defense side», «aggressive counteraction to the state prosecution». The approaches to the procedure for preparing the state prosecutor to participate in the consideration of the case in court are studied, depending on the position of the defense, its capabilities to counteract the evidence presented by the prosecution.

Ключевые слова: государственный обвинитель, прокурор, методика подготовки, агрессивное противодействие, уголовно-процессуальное законодательство, обвинение.

Keywords: state prosecutor, prosecutor, training methodology, aggressive counteraction, criminal procedure legislation, prosecution.

Государственное обвинение является завершающим этапом в структуре уголовного преследования, призванного поставить точку в работе всех правоохранительных органов, принимавших участие в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений.

Положение, закрепленное в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, пред-

усматривает осуществление судопроизводства на основе состязательности сторон.

Как справедливо отмечают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, состязание будет справедливым только тогда, когда противоборствующие стороны находятся в одной «весовой категории», то есть обладают сравнимыми возможностями по отстаиванию сво-

их интересов. Однако в ч. 4 ст. 15 УПК РФ говорится не о равенстве, а о равноправии сторон перед судом, то есть равенстве прав, а не процессуальных возможностей. Тем не менее фактически процессуальный статус государственного уголовного преследователя во многом не совпадает с правами и обязанностями обвиняемого и защитника. Даже в судебном заседании, где стороны, казалось бы, имеют внешне тождественные права по представлению и исследованию доказательств, заявлению ходатайств и отводов, высказыванию мнений, выступлению в судебных прениях и т.д., в целом их процессуальное положение весьма различается. Так, бремя доказывания, как правило, лежит на обвинителе, а все возникающие сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Последний к тому же имеет на своей стороне и такое бесспорное преимущество, как возможность самому давать (или не давать) показания и объяснения, тем самым непосредственно и оперативно воздействуя и влияя в свою пользу на ход судебного процесса. Государственный обвинитель может противопоставить этому лишь логические контратаки либо ходатайства о получении и представлении дополнительных доказательств [8, с. 471].

Государственное обвинение – это абсолютно иная стадия уголовного судопроизводства. Тактические приемы, разработанные для получения и закрепления доказательств при расследовании уголовного дела на стадии досудебного производства, возможно применить в ходе судебного следствия только отчасти. Это связано прежде всего с тем, что исследуемые доказательства поступили в суд уже в окончательном и закреплённом виде.

Таким образом, в настоящее время функция государственного обвинителя на стадии судебного следствия сводится к проверке и оценке уже имеющихся доказательств. На практике сторона защиты обладает значительно большими правами и возможностями на стадии судебного следствия, нежели сторона государственного обвинения.

Так, прокурор ограничен рамками судебного процесса и собранными доказательствами, изложенными в обвинительном заключе-

нии. Сторона защиты, напротив, не только имеет право представить в суд дополнительные доказательства – пригласить свидетелей, экспертов, специалистов, ходатайствовать о приобщении к материалам уголовного дела предметов и документов и т.д., о которых государственный обвинитель может не знать. Сторона защиты также имеет возможность производить подготовку своих свидетелей, формировать их позицию, инструктировать о возможных вопросах судьи и государственного обвинителя и подготовить варианты ответов на них. Указанной функцией прокурор ни практически, ни законодательно не наделен.

Помимо этого защитник не ограничен в своих действиях, как следует из практики, он беспрепятственно встречается и беседует со свидетелями обвинения, получая от них дополнительную информацию, которой прокурор также обладать не может. Установив со свидетелем психологический контакт, защитник может повлиять на мнение свидетеля, тем самым склонив его в свою сторону. При этом указанные действия защитника, действующего в рамках судебного следствия, ничем не ограничены, напротив, согласно ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2012 г. N 61 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат вправе: собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы; опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь; собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Государственный обвинитель в обычной ситуации без наличия у него информации об оказании на свидетеля какого-либо воздействия со стороны защиты не имеет оснований для встречи с ним до его допроса в суде. Полагаем, что при такой расстановке сил нельзя говорить о соблюдении принципа

состязательности и равноправия сторон. По мнению автора, это может указывать на необходимость совершенствования отдельных норм действующего уголовно-процессуального законодательства по данному вопросу.

С учетом изложенного на первое место выходит то, каким образом государственный обвинитель должен подготовиться к судебному процессу. В данном случае нас интересует методика его подготовки. Методика, как известно, это совокупность методов, приемов практического выполнения чего-либо [10].

Выбор метода, используемого для подготовки государственного обвинителя к судебному следствию, напрямую зависит от имеющейся позиции стороны защиты, а дальнейший выбор тактических приемов поддержания государственного обвинения должен быть основан на анализе полученной об этом информации.

Таким образом, для эффективной подготовки государственного обвинителя к судебному процессу необходимо определить позицию стороны защиты, ее возможности по противодействию представленным стороной государственного обвинения доказательствам.

Противодействие государственному обвинению может протекать в двух формах:

– организованной (активной). Данная форма может проявляться в виде действий по сообщению заведомо ложной информации в суде, сокрытию и фальсификации доказательств, склонению свидетелей и потерпевших к даче ложных показаний и др.;

– неорганизованной (пассивной). В рамках указанной формы государственные обвинители часто сталкиваются с такими ее проявлениями, как отказ в суде от показаний, данных в ходе предварительного следствия, отрицание подсудимым причастности к преступному деянию и других фактов, сокрытие информации, неявка свидетелей в судебное разбирательство и др. [5, с. 131; 3, с. 6; 7, с. 103].

С учетом этого предлагаем рассмотреть следующие виды избранных позиций стороны защиты при проведении судебного следствия.

Первый вид представляет собой позицию подсудимого и его защиты, выраженную в полном признании своей вины; как правило, это подкрепляется его сотрудничеством на досудебной стадии уголовного судопроизводства с органами предварительного следствия. Основной целью подсудимого в конечном счете является смягчение наказания при вынесении судом приговора. Данная позиция не требует от государственного обвинителя применения активных действий, глубокого анализа совершенного преступления, планирования и применения специальных тактических приемов, изыскания и представления суду дополнительных доказательств, а также принятия мер по опровержению доказательств невиновности подсудимого, представленных стороной защиты.

Второй вид представляет собой позицию подсудимого и его защиты, выраженную в противодействии стороне государственного обвинения, но без злоупотребления защитой своих прав. Данная позиция, как правило, формируется на стадии предварительного расследования и не меняется по ходу судебного следствия. Подсудимый и его защита, используя тактические приемы, обнаруживают имеющиеся недостатки и пробелы доказательной базы, а также процессуальные нарушения, допущенные на стадии предварительного расследования.

Это выражается в заявленных стороной защиты соответствующих ходатайствах:

а) об отсутствии прямых доказательств, указывающих на совершение преступления именно подсудимым;

б) о наличии в имеющихся доказательствах недостатков, свидетельствующих о невиновности подсудимого;

в) о допущенных процессуальных нарушениях, указывающих на недопустимость полученных следствием доказательств и, как следствие, об их исключении.

Таким образом, защита, пользуясь данной позицией, действует строго в рамках имеющихся в уголовном деле доказательств и противодействует им в рамках судебного процесса, не прибегая к сообщению заведо-

мо ложной информации в суде, сокрытию и фальсификации доказательств, а также к склонению свидетелей и потерпевших к даче ложных показаний.

Третий вид представляет собой позицию подсудимого и его защиты, выраженную в агрессивном противодействии стороне государственного обвинения, в ней используются тактические приемы позиции защиты, изложенные выше, при этом допускаются злоупотребления своими правами, выраженные в склонении свидетелей и потерпевших к даче ложных показаний, сообщении суду заведомо ложной информации, а также сокрытии, фальсификации и уничтожении доказательств. Данная позиция, как правило, меняется в зависимости от складывающейся следственной ситуации, в ряде случаев на стадии предварительного расследования имеет скрытый характер и раскрывается в полном объеме лишь в рамках судебного следствия.

Под агрессией в общепринятом смысле понимается следующее: нападение (от лат. *aggressio*) [4]; мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения [6]; действие, поведение, нацеленное на причинение ущерба другому существу или объекту [9].

Для того чтобы иметь четкое представление о мерах, которые необходимо принять прокурору для полноценной подготовки к судебному следствию и дальнейшему поддержанию государственного обвинения при наличии агрессивного противодействия со стороны защиты, необходимо определиться с общими понятиями.

Под сформированной позицией стороны защиты предлагаем понимать модель поведения подсудимого и его защиты в суде, направленную как на сотрудничество со стороной государственного обвинения, так и на противодействие государственному обвинителю в виде применения различных тактических приемов, направленных на опровержение имеющихся доказательств, изложенных в обвинительном заключении.

Под тактическим приемом противодействия обвинению, используемого стороной

защиты, предлагаем понимать избранный алгоритм действий подсудимого и его защитника, направленный на дискредитацию имеющихся в деле доказательств с целью формирования у суда мнения о невиновности подсудимого либо о невозможности вынесения судом обвинительного приговора ввиду наличия в материалах дела существенных нарушений закона.

По мнению С.Л. Кисленко, под дискредитацией доказательств следует понимать совокупность тактических приемов, направленных на создание у суда и участников судебного разбирательства сомнения в компетентности источника доказательства процессуального противника, а также в достоверности содержащейся в нем информации с целью получения тактического превосходства в процессе отстаивания своей позиции. Такое превосходство достигается путем постановки под сомнение обоснованности позиции процессуального противника за счет устранения нежелательного доказательства из его доказательственной базы. Дискредитация доказательств имеет две основные разновидности: дискредитация самого источника доказательств (свидетеля, потерпевшего, эксперта и др.) и дискредитация содержащихся в источнике доказательств данных [5, с. 132]. Автор считает, что указанное понятие является наиболее удачным.

Полагаем, под агрессивным противодействием стороне государственного обвинения следует понимать меры, принимаемые подсудимым и его защитой, направленные на дискредитацию имеющихся в деле доказательств, осуществляемые как в ходе судебного процесса в виде сообщения в суде заведомо ложной информации, так и за его рамками путем сокрытия и фальсификации доказательств, склонения свидетелей и потерпевших к даче ложных показаний.

Таким образом, для определения порядка и метода подготовки государственного обвинителя к судебному процессу необходимо определить позицию стороны защиты [подр.: 2, с. 25].

В ряде случаев государственный обвинитель, готовясь к судебному процессу, не зна-

комится с фактическими доказательствами по делу, а ограничивается лишь изучением обвинительного заключения, требования к составлению которого законом не конкретизированы, а представляют собой общие правила. Так, согласно п. 5 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении должен быть указан перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и приведено краткое изложение их содержания. Таким образом, детальные требования к обвинительному заключению предъявляются надзирающим прокурором. В практике часто встречаются случаи сокращения либо видоизменения следователями (дознателями) как свидетельских показаний, так и иной доказательной базы, что, в свою очередь, может дезинформировать государственного обвинителя.

Принимая во внимание тот факт, что на государственном обвинителе не лежит обязанность по раскрытию рассматриваемого судом преступления, а доказательства совершенного подсудимым преступления уже содержатся в материалах уголовного дела, предполагается, что после утверждения обвинительного заключения прокурором требования по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренные ст. 73 УПК РФ в рамках конкретного уголовного дела, выполнены в полном объеме.

Таким образом, естественно, возникает вопрос о целесообразности изучения материалов уголовного дела государственным обвинителем повторно, при уже существующей позиции надзирающего прокурора. Однако для компетентного поддержания государственного обвинения, формирования личной позиции обвинителя, позволяющей поддержать либо отказаться от предъявленного обвинения, с целью установления вероятных тактических приемов со стороны защиты и просчетов следователя (дознателя) изучение материалов уголовного дела государственным обвинителем является необходимым.

Грамотный порядок подготовки государственного обвинителя к участию в рассмотрении уголовного дела в суде является одним из главных факторов качественного

государственного обвинения. Только подготовленный и знающий все материалы дела прокурор может качественно поддержать государственное обвинение в суде, а также быстро и правильно реагировать на сложные и спонтанные ситуации, которые возникают в ходе судебного заседания [1].

Изучение материалов уголовного дела позволяет расширить представление о собранных по делу доказательствах и, как следствие, изменить уже сформированный порядок доказательной базы путем представления суду доказательств иным, отличным от предварительного следствия образом. В ряде случаев это может дать государственному обвинителю тактическое превосходство, поскольку обвиняемый и его защитник ожидают от стороны обвинения стандартного алгоритма его действий.

Выбор государственным обвинителем тактических приемов должен осуществляться на основе анализа материалов уголовного дела, личности подсудимого и его защитника, с учетом прогнозирования их возможных действий, направленных на исключение либо искажение доказательств, полученных в ходе предварительного расследования.

Многие ученые выделяют различные подходы к порядку подготовки государственного обвинителя к участию в рассмотрении дела в суде, один из наиболее удачных предложен М.В. Антонюком и заключается в следующих стадиях:

- 1) изучение материалов дела и обвинительного заключения;
- 2) обобщение и анализ материалов дела;
- 3) изучение нормативных правовых актов и судебной практики по конкретному делу;
- 4) подготовка конспекта дела, на котором будет построена обвинительная речь;
- 5) прогнозирование ситуаций, которые могут возникнуть в ходе судебного заседания, особенно от стороны защиты;
- 6) построение обвинительной речи;
- 7) комплексное планирование своей деятельности в суде [1].

С учетом полученной прокурором информации о позиции обвиняемого и его защиты в

виде агрессивного противодействия стороне государственного обвинения к вышеуказанным стадиям подготовки к участию в рассмотрении дела в суде *следует* добавить:

8) привлечение к анализу доказательной базы уголовного дела сотрудников следственных и оперативных органов, производивших предварительное следствие и его оперативное сопровождение;

9) прогнозирование действий подсудимого и его защиты, выраженных в агрессивном противодействии стороне государственного обвинения;

10) применение государственным обвинителем мер по защите доказательств вины подсудимого, содержащихся в материалах уголовного дела.

Для реализации указанных стадий подготовки к участию в рассмотрении дела государственный обвинитель должен организовать взаимодействие с данными лицами с целью применения мер, направленных на защиту доказательной базы.

Так, следовательно, производивший расследование уголовного дела, обладает достаточной информацией о подсудимом и его защитнике, их поведении на стадии следствия, возможных привычках и криминальных наклонностях, а также принятых ими мерах по противодействию расследованию дела, но в силу разных причин не нашедших отражение в процессуальных документах. Кроме того, следовательно уже имеет психологический контакт со свидетелями и потерпевшими, в силу этого он в состоянии ориентировать государственного обвинителя о наличии либо отсутствии среди указанных лиц «слабого звена» (лиц, склонных к изменению своей позиции при оказании на них воздействия), а также лиц, симпатизирующих подсудимому и, как следствие, являющихся наиболее вероятными объектами агрессивного воздействия.

Сотрудник оперативного подразделения может обладать информацией о свидетелях, на которых было оказано воздействие по склонению их к даче ложных показаний, либо о планировании подсудимым указанной деятельности.

Немаловажное значение в применении мер, направленных на «защиту» источников доказательственной информации, имеет реализация оперативно-розыскного обеспечения поддержания государственного обвинения, в ходе которого возможна реализация оперативно-розыскного контроля за поведением обвиняемых с целью предотвращения криминального воздействия на свидетелей и потерпевших в ходе судебного заседания [3, с. 131].

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что в целом успешное поддержание прокурором государственного обвинения зависит от ряда обстоятельств, базовым из которых является подготовка государственного обвинителя к судебному следствию, а также методика, избранная им для этого.

Подходы к порядку подготовки государственного обвинителя к участию в рассмотрении дела в суде зависят от позиции стороны защиты, ее возможностей по противодействию представленным стороной государственного обвинения доказательствам.

В заключение отметим, что в настоящее время нельзя в полной мере говорить о полной реализации принципа состязательности и равноправия сторон на стадии судебного следствия. По мнению автора настоящего исследования, существует необходимость дальнейшего совершенствования отдельных норм действующего уголовно-процессуального законодательства в указанной сфере, направленных на конкретизацию действий прокурора на стадии подготовки к судебному следствию.

Библиографический список

1. Антонюк, М.В. Порядок подготовки государственного обвинителя к участию в рассмотрении уголовного дела в суде / М.В. Антонюк // Студенческий: электронный научный журнал. – 2018. – N 11(31).
2. Вишневский, К.Д. Принципы оценки государственным обвинителем доказательств в уголовном судопроизводстве / К.Д. Вишневский, Н.В. Поляков // Научный компонент. – 2022. – N 1 (13). – С. 25-29.
3. Гармаев, Ю.П. Предупреждение коррупционных преступлений в органах предварительного расследования : учебное пособие. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – 52 с.
4. Большая советская энциклопедия. – URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 30.03.2022).
5. Кисленко, С.Л. Тактика преодоления противодействия поддержанию государственного обвинения в процессе судебного исследования / С.Л. Кисленко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – N 5. – С. 128-134.
6. Морфемно-орфографический словарь. – URL: <https://gufo.me/dict/tikhonov> (дата обращения: 30.03.2022).
7. Поляков, Н.В. К вопросу о противодействии при расследовании незаконной банковской деятельности Н.В. Поляков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: в 2 ч. : сборник материалов международной научно-практической конференции. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – Ч. 2. – С. 101-103.
8. Смирнов, А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб.: Питер, 2003. – 1008 с.
9. Социологический словарь. – URL: <https://gufo.me/dict/social/> (дата обращения: 30.03.2022).
10. Толковый словарь Кузнецова. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (дата обращения: 30.03.2022).

Алексей Александрович АЛИМПИЕВ,

начальник отделения

научно-исследовательского центра

Костанайской академии

МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева

lehaimovich@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ ИНСТИТУТОВ
НЕОКОНЧЕННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОУЧАСТИЯ
В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ON THE ISSUE OF THE APPLICABILITY OF INSTITUTIONS ABOUT
UNFINISHED CRIMINAL ACTIVITY AND COMPLICITY IN THE COMMISSION
OF A CRIME WHEN QUALIFYING MASS RIOTS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Статья посвящена рассмотрению проблемы применимости институтов о неоконченной преступной деятельности и соучастия в совершении преступления при квалификации массовых беспорядков в Российской Федерации. По итогам рассмотренных вопросов сформулированы выводы о применении отдельных институтов неоконченной преступной деятельности и положений УК РФ о соучастии в части определения юридического момента окончания совершения организации массовых беспорядков.

На основе выводов теоретического и практического характера приводится авторское видение устранения недостатков, связанных с применением институтов Общей части УК РФ в процессе квалификации массовых беспорядков.

The article considers the problems of the applicability of institutions about unfinished criminal activity and complicity in the commission of a crime when qualifying mass riots in the Russian Federation. According to the results of the considered issues, the conclusions are formulated on applying the certain institutions of unfinished criminal activity and the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on complicity in terms of determining the legal moment of the end of the organization of mass riots.

Based on the conclusions of theoretical and practical nature, the author's vision of eliminating the shortcomings associated with applying the institutions of the General part of the Criminal Code of the Russian Federation in the process of qualifying mass riots is given.

Ключевые слова: неоконченная преступная деятельность, соучастие, квалификация, массовые беспорядки.

Keywords: unfinished criminal activity, complicity, qualification, mass riots.

Несмотря на внешнюю видимость достаточной теоретической разработанности признаков деяний, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 212 УК РФ, при отсутствии

в доктрине уголовного права дискуссионности по вопросам, связанным с установлением юридического момента совершения массовых беспорядков как оконченого преступле-

ния и определением в них ролей по видам соучастников, изученная нами судебно-следственная практика говорит о наличии проблем применения в таких случаях институтов неоконченной преступной деятельности и соучастия.

Полагаем, что основным вектор совершенствования норм об уголовной ответственности за организацию и участие в массовых беспорядках, квалифицируемых по ч. 1 и ч. 2 ст. 212 УК РФ, должен быть направлен именно на разрешение вопроса о применимости двух обозначенных нами институтов уголовного права.

В целях совершенствования практики применения положений Общей части уголовного законодательства о неоконченной преступной деятельности и соучастии, считаем необходимым обратить внимание на ряд обстоятельств, связанных с установлением фактического окончания организации массовых беспорядков.

Например, Ростовский областной суд удовлетворил протест прокурора о привлечении гражданина С. к уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 212, ч. 2 ст. 212 УК РФ, ч. 3 ст. 30, со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ. Из материалов уголовного дела было установлено, что осужденный привлекал группу граждан (в количестве 200 человек) для участия в массовых беспорядках посредством проведения с ними личных встреч, обсуждения плана по захвату здания областного правительства, озвучивания плана по совершению коллективных насильственных действий, погромов и поджогов.

Основанием для вменения осужденному вины по признакам ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 212 УК РФ явилось пресечение действий указанных лиц прибывшими на место сотрудниками полиции, что в суде было воспринято как недоведение преступления до конца по независящим от лица обстоятельствам и квалифицировано как покушение на организацию массовых беспорядков¹.

Применение ссылки на ч. 3 ст. 30 УК РФ, усматривающей признаки покушения на преступление, может быть признано правомерным решением, так как конструкция организации массовых беспорядков в существующей редакции не относит ее к преступлению с усеченным составом преступления.

Связано это с тем, что гипотезой действия нормы ч. 1 ст. 212 УК РФ выступает фактическое применение коллективного насилия, погромов, поджогов и иных противоправных действий, так как на прошедшее время их совершения указывает употребленное в ней (норме) причастие «сопровождавшихся» (насилием, погромами, поджогами и т.д.), позволяющее отнести организацию массовых беспорядков к преступлению с материальной конструкцией состава.

Отсутствие события наступления массовых беспорядков должно снимать сомнения при установлении виновности за неоконченное преступление лиц, создававших условия для их наступления и вступавших в соответствующий сговор.

Поэтому позиция судей, применивших институт о неоконченной преступной деятельности, становится вполне понятной с точки зрения формальной логики в силу того, что в процессе законотворчества при конструировании нормы ч. 1 ст. 212 УК РФ было употреблено причастие «сопровождавшихся», которое, пожалуй, поверхно, снимает вопросы в уяснении момента окончания преступления.

Однако ввиду того, что данный аспект в специальной литературе широкого освещения не получил, вполне вероятно, что определенная часть ученых-теоретиков и должностных лиц следственных органов в действиях по созданию условий на подготовительном этапе будет усматривать признаки оконченого преступления по ч. 1 ст. 212 УК РФ, относя таким образом организацию массовых беспорядков к усеченному виду состава.

По смыслу, заложенному в ч. 1 ст. 212 УК РФ, факт наступления последствия в

¹ Постановление Ростовского областного суда от 25.04.2018 по делу N 4А-400/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/OFOjCjhM38Jp/> (дата обращения: 15.11.2021).

виде события, имеющего массовый характер, ориентирует правоохранительные органы на избрание организаторов только с началом расследования уголовного дела по признакам оконченного деяния, исключая основания для предупреждения данного вида преступлений, привлечения имеющихся криминалистических и оперативно-розыскных средств на подготовительной стадии.

Негативным следствием такого обстоятельства является фактическое лишение правоохранительных органов уголовно-правового механизма предупреждения массовых беспорядков, который мог бы явиться юридическим основанием их вмешательства в предварительную преступную деятельность организаторов деяния.

Полагаем, что в отдельных случаях характер подготовительных действий, еще не повлекших массовых беспорядков, может нести в себе неизмеримо большую общественную опасность по сравнению со случаями спонтанно возникших стихийных групповых насильственных действий, препятствуя тем самым реализации задачи предупреждения преступлений, предусмотренной ч. 1 ст. 2 УК РФ.

Конструкция современной нормы ч. 1 ст. 212 УК РФ не учитывает масштабность предполагаемого вреда и повышенную степень общественной опасности виновных лиц, позволяя привлекать к более строгой ответственности «случайных» лидеров стихийно возникающих волнений, нежели обладающих значительными финансовыми возможностями организаторов, чьи действия могут быть признаны неоконченным уголовно наказуемым деянием.

Проблема усугубляется положением, предусмотренным ч. 3 ст. 66 УК РФ, которое регламентирует правило о снижении верхнего предела наказания при недоведении преступления до конца по не зависящим от лица обстоятельствам.

Гипотетически окончательный размер и срок назначаемого судом наказания для предполагаемого организатора массовых беспорядков не может превышать одной второй максимального наказания, устанавливаемого за оконченное деяние.

В связи с изложенным полагаем, что исправление нормы об организации массовых беспорядков будет служить достижению целей предупреждения новых преступлений и восстановления социальной справедливости.

Перспектива устранения влияния на квалификацию организации массовых беспорядков положений Общей части УК РФ о назначении наказания за неоконченное преступление (ст. 66 УК РФ) и неоконченную преступную деятельность (ст. 30 УК РФ), на наш взгляд, является верным средством к достижению озвученных выше целей.

Осуществить упразднение влияния двух институтов на практику квалификации организации массовых беспорядков будет возможно посредством применения лексико-грамматического подхода, путем замены в современной редакции ч. 1 ст. 212 УК РФ употребленного в прошедшем времени причастия «сопровождавшихся» на звучащее в настоящем времени причастие «сопровождающихся».

Такой подход будет способствовать пониманию организации массовых беспорядков как преступления с усеченным составом, которое исключит необходимость ссылки на стадии приготовления и покушения [1, с. 172], создавая ситуацию фактического неприменения института о неоконченной преступной деятельности при квалификации рассматриваемого деяния.

Вопрос применения института о неоконченной преступной деятельности при квалификации участия в массовых беспорядках (ст. 212 УК РФ) также носит дискуссионный характер. Наиболее остро такой вопрос может встать применительно к случаям задержания лиц, объединенных в большое скопление (толпу), у которых обнаружено наличие оружия и установлен умысел на совершение массовых беспорядков. Такие действия, на наш взгляд, должны квалифицироваться как неоконченное преступление с признаками покушения на участие в массовых беспорядках.

Затрагивая аспект применимости института соучастия в анализируемом преступлении, хотим акцентировать внимание на встречающейся в судебной практике про-

блеме разграничения участия и организации массовых беспорядков, что в приговорах отражается применением ссылок на ч. 4 и ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Так, согласно приговору Ленинского районного суда г. Красноярск гражданин З. был осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 4 и ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 212, ч. 1 ст. 282 УК РФ. З. проводил встречи с лицами, изъявлявшими желание принять участие в противоправных действиях против силовых структур, и в частности полиции. Продолжая реализацию своего умысла 22 октября 2017 г. в период с 12 часов до 14 часов З. провел инструктаж с предполагаемыми участниками противоправной акции, дав им указание прибыть в назначенный пункт железнодорожным транспортом и доложить о своем прибытии. 24 октября 2017 г. предполагаемые участники массовой акции в вагоне N 02 пассажирского поезда сообщением «Москва – Красноярск» были задержаны сотрудниками УФСБ России по Красноярскому краю, в связи с чем не смогли довести до конца свой преступный умысел по не зависящим от них обстоятельствам¹.

По нашему мнению, вывод суда является неправомерным, так как фактически произошло неверное применение норм об участии в массовых беспорядках со ссылками на пособничество и подстрекательство к совершению преступления.

В обоснование неправомерности подобного рода судебных решений хотим привести следующую аргументацию. Подавляющее большинство авторов, исследовавших рассматриваемое нами уголовно-правовое явление, разделяют позицию, согласно которой предварительная преступная деятельность, предшествующая совершению массовых беспорядков, охватывает такие виды соучастия, как подстрекательство и пособничество, и не сводится к выполнению действий собственно одним организатором [3, с. 55, 74, 124, 488, 750].

Вместе с тем сказанное обуславливает иной вопрос относительно отличия подстрекательства и пособничества, проявляемого в

организации, от подстрекательства и пособничества при участии в массовых беспорядках.

Продемонстрированный выше пример с использованием ссылок на ч. 4 и ч. 5 ст. 33 УК РФ, подчеркивающих роль пособника и подстрекателя при участии в массовых беспорядках, может вызвать постановку вопроса о возможном применении ссылки на ч. 3 ст. 33 УК РФ, которая в действиях активного участника будет признавать выполненную роль организатора при квалификации преступления по ч. 2 ст. 212 УК РФ.

То есть, иными словами, по такой логике в практике может произойти казус, когда судья не усмотрит в действиях лица признаки организации массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ) и посчитает обоснованным признать его организатором преступления, квалифицируемого ч. 2 ст. 212 УК РФ (участие в массовых беспорядках).

Мы же склоняемся к позиции, ставящей под сомнение наличие в названном преступлении элементов сложного соучастия с распределением ролей организатора, подстрекателя и пособника.

Возвращаясь к практике использования судебными органами ссылок на чч. 3-5 ст. 33 УК РФ, выделяющих исполненную роль организатора, подстрекателя и пособника в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 212 УК РФ (организация массовых беспорядков), позволим выдвинуть тезис об отсутствии в ней какого-либо смысла. Связываем мы его с тем, что использование института соучастия в квалификации массовых беспорядков фактически не способствует реализации принципов индивидуализации наказания и дифференциации ответственности.

Применение данного института при назначении наказания за совершение массовых беспорядков решающего значения не оказывает, так как в российском уголовном законодательстве отсутствует норма, предполагающая более строгую ответственность в зависимости от роли соучастия в совершен-

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Красноярск от 25.07.2018 по делу N 1-487/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VVAV0abPw9mp/> (дата обращения: 04.10.2021).

ном деянии (организатор, подстрекатель, пособник, исполнитель).

При этом различия между всеми видами соучастников по степени общественной опасности в массовых беспорядках нивелированы.

Справедливо по этому поводу мнение В.В. Качалова, согласно которому нет никакой надобности в приведении ссылок на институт соучастия по причине того, что организация массовых беспорядков рассматривается законодателем как самостоятельный состав преступления [4, с. 120, 125]

В целом, подводя итог, хотим представить на рассмотрение сформулированные в обобщенном виде следующие выводы.

Норма о приготовлении, являющаяся составным элементом института неоконченной преступной деятельности, а также положения УК РФ о соучастии в части определения момента окончания совершения организации массовых беспорядков могут стать неприменимыми ввиду того, что:

– создание условий, сговор на совершение деяния, приискание соучастников, орудий и средств и так представляют собой всю совокупность организационных мероприятий, что аналогично понятию приготовления

к преступлению, сформулированному в ч. 1 ст. 30 УК РФ;

– такие виды соучастия, как подстрекательство и пособничество, фактически представляет собой не что иное, как способ организации массовых беспорядков, дополнительного указания о которых в форме ссылок на ч. 4 и ч. 5 ст. 33 УК РФ в приговоре суда не требуется.

Из всех видов неоконченной преступной деятельности, предусматриваемых ст. 30 УК РФ, применению подлежит лишь норма о покушении, которая должна распространяться исключительно на случаи квалификации деяния по ч. 2 ст. 212 УК РФ (участие в массовых беспорядках).

Проецируя использование настоящих выводов теоретического характера, полагаем, что определенную пользу для нужд судебной практики могли бы нести рекомендации о недопустимости указания ссылок на Общую часть УК РФ о выполненной организаторской роли субъектами преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 212 УК РФ, которые в перспективе могут войти в соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ¹.

¹ Накопленный материал судебной практики говорит об актуальности приведения ее к единообразию и необходимости будущей разработки постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам о массовых беспорядках (примечание автора).

Библиографический список

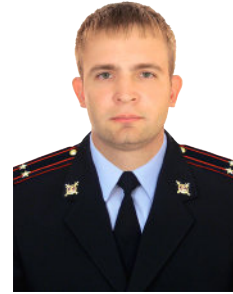
1. Актуальные проблемы уголовного права : курс лекций / под ред. О.С. Капинус ; рук. авт. кол. К.В. Ображиев ; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М.: Проспект, 2016.
2. Боровиков, В.Б. Вопросы уголовно-правовой борьбы с массовыми беспорядками в современных условиях развития российской государственности / В.Б. Боровиков // Российское правосудие. – 2013. – № 9 (89).
3. Вдовиченко, К.Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / К.Г. Вдовиченко – Краснодар, 2015.
4. Дуюнов, В.К. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / В.К. Дуюнов. – М.: Изд-во РИОР, 2008.

-
5. Ильясов, А.З. Уголовно-правовые и криминологические проблемы массовых беспорядков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. / Ильясов А.З. – Махачкала, 1999.
 6. Качалов, В.В. Организатор преступления в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Качалов – М., 2005.
 7. Лебедев, В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – 12-е изд., перераб. и доп. / В.М. Лебедев – М.: Юрайт, 2012.

Юрий Петрович ГАРМАЕВ,
профессор кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор
garmaeff1@mail.ru

Николай Владиславович ПОЛЯКОВ,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук
polyakov.nikolay.1987@mail.ru

СТРУКТУРА ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С НЕЗАКОННЫМ ОБНАЛИЧИВАНИЕМ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

THE STRUCTURE OF ORGANIZED CRIMINAL ACTIVITY RELATED TO THE ILLEGAL CASHING OF FUNDS

В статье дано определение незаконного обналичивания денежных средств в криминалистическом аспекте, раскрыта трехуровневая система соответствующих организованных преступных формирований: руководящее, исполнительно-контрольное и низшее исполнительное звенья. В каждом звене выделены субъектный состав и роль, функционал каждого субъекта, типичные личностные качества некоторых из них. Эти сведения имеют как много общего, так и существенные различия по сравнению с параметрами организованных преступных формирований иных типов и могут быть использованы как информационная основа для формирования соответствующей частной криминалистической методики расследования.

The article defines the illegal cashing of funds in a forensic aspect, reveals a three-level system of the relevant organized criminal groups: leading, executive-control and lower executive level. In each link, the subject composition and role, the functionality of each subject, the typical personal qualities of some of them are highlighted. This information has both much in common and significant differences compared to the parameters of other types of organized criminal groups, and can be used as an information basis for the formation of an appropriate private forensic investigation technique.

Ключевые слова: незаконное обналичивание денежных средств, организованные преступные формирования, организованная преступная группа, криминалистическая характеристика преступлений, организаторы и исполнители преступлений.

Keywords: *illegal cashing of funds, organized criminal formations, organized criminal group, forensic characteristics of crimes, organizers and perpetrators of crimes.*

Многочисленные исследования показывают, что незаконное обналичивание и транзитирование денежных средств чаще всего совершается группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (далее – ОПГ) [1, с. 320; 2; 3, с. 61; 7, с. 127]. Нередки случаи совершения указанных преступлений в составе организованного преступного сообщества (ОПС). Между тем изучение отдельных научных трудов показывает, что в них не всегда подробно раскрываются криминалистически значимые закономерности организованной преступной деятельности как элемента криминалистической характеристики незаконного обналичивания денежных средств.

Между тем по делам анализируемой категории эти закономерности имеют важные черты. Структура, субъектный состав и функционал преступных формирований определенным образом отличаются от тех, что характерны для большинства организованных групп (преступных сообществ), совершающих иные экономические и сопутствующие им преступления. В настоящей статье кратко выделим как общие, так и специфические криминалистически значимые признаки.

Прежде всего, под понятием «незаконное обналичивание денежных средств» в криминалистическом аспекте мы имеем в виду умышленную деятельность, подпадающую под признаки преступлений, предусмотренных ст. 172 УК РФ (основные), а также сопутствующих (ст. 159, 173.1, 173.2, 174, 174.1, 199, 210 УК РФ и т.д.), осуществляемую двумя сторонами – исполнителями и заказчиками:

– где первые с помощью расчетных счетов подконтрольных фирм-однодневок и индивидуальных предпринимателей, действующих без соответствующей регистрации и лицензии на осуществление банковской деятельности, по поручению заказчиков переводят безналичные денежные средства в наличную форму с использованием законно действующих кредитных организаций и оформлением подложных документов, создающих видимость внешне законных операций, действуя с

целью получения за их совершение преступного дохода;

– а вторые – заказчики – перечисляют безналичные денежные средства исполнителям, как правило, с целью уклонения от уплаты налогов, мошенничества, отмывания денег и совершения иных преступлений [подр.: 5, с. 35].

Результаты применения метода экспертных оценок показали, что респонденты считают: только в 20% известных им дел преступления совершались единолично, в 55% – организованными группами, в 20% – группой лиц по предварительному сговору, в 5% – в составе преступного сообщества.

Например, следователем возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 172 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 174.1. УК РФ, ч. 1 ст. 210 УК РФ в отношении членов межрегионального преступного сообщества. В ходе следствия установлено, что заместитель руководителя администрации района совместно с должностными лицами казенного учреждения организовал получение от руководителей строительных компаний денежных средств в виде взяток за незаконные действия, в том числе за общее покровительство по службе в форме «откатов» по заключенным контрактам, в размере от 5 до 15% от их сумм. Обвиняемые с целью получения взяток использовали реквизиты фирм-однодневок, на расчетные счета которых руководители строительных компаний переводили деньги, которые незаконно обналичивались под 8% и передавались заказчиком. К преступной деятельности преступного сообщества был причастен ряд организованных групп, имеющих различные задачи: первая группа отвечала за инкассацию денежных средств, вторая – за юридическое сопровождение сделок и бухгалтерскую отчетность, третья – искала заказчиков, четвертая – определяла оптимальные пути снятия наличных. Установлены более 25 членов преступного сообщества, в том числе организаторы, один из которых являлся советником председателя правления банка, что позволяло открывать расчетные счета фирм-однодневок. Выявлены преступные

связи преступного сообщества в банках и ФНС России¹.

Если взять в качестве объекта только деятельность организованной группы, то следственно-судебная практика и результаты интервьюирования респондентов позволяют констатировать, что для организованных групп, совершающих анализируемые преступления, в целом характерна небольшая численность. В их состав входят от 2 до 10 человек. В структуре типичной организованной группы, как правило, преобладает трехуровневая система:

- 1) руководящее звено: организатор(ы) преступления;
- 2) исполнительно-контрольное звено: главный бухгалтер, бухгалтеры, кассиры, регистраторы, администраторы-операторы, нотариусы, адвокаты;
- 3) низшее исполнительное звено: водители-курьеры, водители-инкассаторы, номинальные руководители (учредители, участники) фирм-однодневок и т.д.

Средняя продолжительность преступной деятельности составляет от 1 до 4 лет. Большую часть преступного дохода получает организатор и приближенные к нему лица в соответствии с занимаемым в структуре организованной группы положением.

1. *Руководящее звено ОПГ.* Возглавляет группу организатор (лидер), являющийся руководящим звеном, генератором идей и мозговым центром. Организаторов в группе может быть несколько. Организатор принимает решение о создании группы, учитывая потребность в неучтенных средствах среди представителей бизнеса и криминальных структур того региона, где планируется преступная деятельность, и выполняет следующие функции:

- 1) разработка плана преступной деятельности;
- 2) подбор соучастников и распределение ролей между ними в зависимости от их умений и навыков;

3) выбор способа совершения преступления;

4) общее руководство членами организованной группы;

5) определение мер конспирации при общении между соучастниками и заказчиками;

6) поиск заказчиков;

7) общий учет движения денежных средств по расчетным счетам фирм-однодневок (индивидуальных предпринимателей);

8) контроль ведения бухгалтерского учета и подготовки налоговой отчетности подконтрольных фирм-однодневок (индивидуальных предпринимателей);

9) удержание с заказчиков преступного дохода в зависимости от сроков и суммы операции;

10) учет по приходу и выдаче средств заказчикам;

11) выдача денег заказчикам;

12) оплата аренды офиса, приобретение компьютерной техники, средств связи;

13) распределение преступного дохода.

Организаторы, как правило, изобретательны и стараются модифицировать старые или придумать новые способы совершения преступления. Так, в 2017 году в Костромской области возбуждено уголовное дело по п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ по факту осуществления преступной деятельности в отношении трех лиц, которые впервые в России незаконно обналичили денежные средства через биткойны на сумму более 500 млн руб. Для обмена и перевода криптовалют преступники оформили на своих родственников более 300 банковских и сим-карт².

Организаторам присущи следующие личностные качества: предприимчивость, целеустремленность, коммуникабельность, уверенность в себе, властолюбие, наличие опыта и авторитета среди соучастников, наблюдательность, расчетливость, эрудированность, аналитический склад ума, хитрость, жадность. Они до мельчайших подробностей продумывают способ преступной деятель-

1 Экспресс-информация Главного информационно-аналитического центра МВД России, подготовлена по материалам Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России. Эл. тираж.

2 Первое уголовное дело за обналичивание биткоинов. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/09/01/732040-politsiya-fsb-zaderzhali>. (дата обращения: 22.04.2022).

ности, учитывая ошибки предшественников. Они же зачастую подготавливают алиби, подтверждаемые фиктивными бухгалтерскими и иными отчетными документами.

2. Исполнительно-контрольное звено ОПГ.

На следующей ступени в иерархии организованной группы располагается исполнительно-контрольное звено. В него, по мнению В.Г. Стаценко и Ю.Б. Самойловой, могут войти главный бухгалтер, бухгалтеры, кассиры, нотариусы, адвокаты и т.п. [6, с. 265]

Например, Советским районным судом г. Казани в 2017 году по п. «а» ч. 2 ст. 172 УК РФ осуждены К., Г., К1., Н., Х., Ш. В ходе следствия установлено, что К. организовал и возглавил организованную группу. Исполнительно-контрольное звено состояло из следующих лиц: на Г. были возложены функции по созданию фирм-однодневок, ведению переговоров с заказчиками и передаче им денег. На Х. и Ш. – ведение фиктивной бухгалтерской документации. На К1 и Н. – встречи с заказчиками для передачи фиктивных документов¹.

К числу лиц, входящих в исполнительно-контрольное звено, также относятся регистраторы, сопровождающие деятельность фирм-однодневок, и администраторы-операторы, обеспечивающие деятельность группы в Интернете.

Изучение уголовных дел по ст. 172 УК РФ позволяет констатировать, что главный бухгалтер выполняет следующие функции:

1) поиск кредитных организаций с благоприятными условиями открытия и управления счетами подконтрольных фирм-однодневок (индивидуальных предпринимателей). В них могут работать лица, входящие в состав группы;

2) прием заявок от заказчиков (в офисе, посредством телефонных переговоров, переписки);

3) учет движения средств по счетам фирм-однодневок и индивидуальных предпринимателей;

4) перечисление средств по расчетным счетам фирм-однодневок (индивидуальных предпринимателей);

5) учет по приходу и выдаче наличных заказчикам;

6) выдача денег заказчикам и их представителям (как правило, в офисе);

7) подготовка и выдача заказчикам фиктивных бухгалтерских документов, подтверждающих финансово-хозяйственные отношения с фирмами-однодневками (индивидуальных предпринимателей);

8) хранение печатей фирм-однодневок (индивидуальных предпринимателей), программно-аппаратных комплексов для управления счетами, электронными кошельками, в том числе, вероятно, аккаунтами интернет-бирж обмена криптовалюты;

9) бухучет фирм-однодневок (индивидуальных предпринимателей);

10) подготовка и передача налоговой отчетности фирм-однодневок (индивидуальных предпринимателей) в ФНС России;

11) оплата налогов и выплат в ФНС России, ФСС России, ПФ России от имени подконтрольных фирм-однодневок (индивидуальных предпринимателей) и подставных лиц;

12) предоставление в банки и надзорные органы документов, подтверждающих финансово-хозяйственную деятельность подконтрольных организаций (индивидуальных предпринимателей), например, для разблокировки расчетных счетов.

Важную роль в типичной организованной группе играет некий «регистратор», выполняющий юридическое сопровождение ее деятельности. По мнению К.П. Маляновой, лица, которым, согласно распределенным ролям в составе группы было поручено создание юридического лица на подставных лиц, обладали определенными профессиональными знаниями и навыками в данном направлении. Нередко в прошлом они работали в налоговых, правоохранительных органах либо даже продолжали совмещать госслужбу с преступной деятельностью [4, с. 94].

К функциям регистраторов относятся:

1) подбор номинальных учредителей (руководителей) фирм-однодневок и индивидуальных предпринимателей. Их отбирают при

¹ Решение Советского районного суда г. Казани от 02.06.2017 N 1-410/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Eu6Cn9opCSWj/>. (дата обращения: 22.04.2022).

личном общении среди знакомых и путем переписки с лицами, нуждающимися в заработке, откликнувшимися на объявления о высокооплачиваемой работе;

2) подготовка документов для образования юридических лиц;

3) взаимодействие с нотариусами, удостоверяющими документы и доверенности на регистрацию, реорганизацию и ликвидацию организаций, регистрацию в качестве индивидуальных предпринимателей, на открытие их счетов и управления ими, на совершение любых действий в их интересах;

4) регистрация фирм-однодневок (индивидуальных предпринимателей) в ФНС России и МФЦ;

5) открытие и закрытие счетов фирм-однодневок (индивидуальных предпринимателей);

6) заказ печатей фирм-однодневок (индивидуальных предпринимателей), факсимиле подписей номинальных руководителей;

7) поиск помещений для фирм-однодневок.

Особое место в структуре организованной группы занимают администраторы-операторы. Исследуемая преступная деятельность является, условно говоря, одним из лидеров во всемирной паутине по количеству размещенной в ней противоправной информации. В Интернете активно развиваются блоги, сообщества, форумы, в том числе в мессенджерах Whats App, ICQ, Telegram, на которых преступники обмениваются опытом, обсуждают меры конспирации и способы противодействия расследованию, налаживают криминальные связи и подыскивают заказчиков. Функции администратора-оператора заключаются в следующем:

1) создание и продвижение сайтов (в том числе ботов), сообществ, блогов и форумов;

2) размещение рекламы в Интернете с указанием срока, способа, цен и другой интересующей заказчиков информации;

3) общение с заказчиками по электронной почте (в мессенджерах);

4) регистрация адресов электронной почты, электронных кошельков, кошельков на биржах обмена криптовалют на подставных лиц;

5) обеспечение участников организованной группы банковскими картами, оформленными на неосведомленных лиц («дропов»);

6) приобретение компьютерных, в том числе мобильных, устройств, программного обеспечения для шифрования и конспирации разговоров и переписки;

7) обеспечение кибербезопасности членов организованной группы;

8) оформление сим-карт на подставных лиц;

9) смена и уничтожение компьютерных и мобильных устройств и т.д.

Отдельные организованные группы имеют постоянные взаимоотношения с адвокатами. Основная задача адвокатов, защищающих интересы таких групп либо даже входящих в их состав, состоит в том, чтобы не допустить привлечения членов группы к уголовной ответственности.

3. Исполнительное звено ОПГ.

В структуре организованной группы имеется и низшее исполнительное звено. В него могут входить водители-курьеры, водители-инкассаторы, перевозящие наличные средства в расчетные узлы, где они пересчитываются и упаковываются кассирами. Кассир фиксирует поступление и расход наличных, а также может производить их выдачу заказчику лично или через водителей-курьеров.

Среди фактических участников организованной группы, не всегда являющихся соучастниками в значении ст. 33 УК РФ, могут быть случайные лица, вовлеченные в организованную преступную деятельность соблазном заработка, неосведомленные о последствиях и всех деталях преступных операций. В их числе могут быть секретари, курьеры, мелкие служащие, которым предлагают оформить или подписать какие-либо документы, получить денежные средства в банке и т.п., а также безработные, пенсионеры и другие низкооплачиваемые категории людей, люмпенизированные слои населения, которых используют в качестве подставных лиц, номинальных руководителей [1, с. 319-323].

Упомянутые признаки и закономерности должны учитываться в борьбе с организованной преступной деятельностью в данной

сфере и не только, а также стать важной частью информационной основы формирования частной криминалистической методики расследования незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств. При-

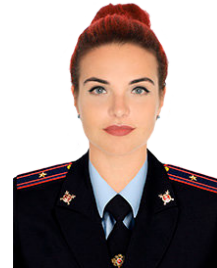
веденные научные положения и прикладные рекомендации также могут использоваться в рамках дальнейших исследований организованной преступной деятельности в различных сферах деятельности.

Библиографический список

1. Данилова, Н.А. Характеристика личности субъектов преступлений в сфере банковской деятельности и ее криминалистическое значение / Н.А. Данилова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – N 2. – С. 319-323.
2. Зайцева, Е.В. Тактика и методика выявления, раскрытия и расследования незаконной банковской деятельности и лжепредпринимательства : учебное пособие / Е.В. Зайцева. – Волгоград: ВА МВД России, 2008. – 80 с.
3. Лозовский, Д.Н. Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере незаконной банковской деятельности, совершенных в составе организованной группы / Д.Н. Лозовский // Вестник Могилевского института МВД России. – 2020. – N 2. – С. 61-66.
4. Малянова, К.П. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук / К.П. Малянова. – Ростов-на-Дону, 2018. – 264 с.
5. Поляков, Н.В. Особенности методики расследования незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств : дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Поляков. – Красноярск, 2021. – 241 с.
6. Стаценко, В.Г. Особенности возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 172 УК РФ / В.Г. Стаценко, Ю.Б. Самойлова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – N 11-1. – С. 265.
7. Степушов, М.Ю. Проблемы правового регулирования деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью / М.Ю. Степушов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2020. – N 4 (8). – С. 127-133.

Марина Александровна ГАЛИМОВА,
начальник научно-исследовательского и редакционно-
издательского отдела Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск); доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент
marina_bestujeva@mail.ru

Алина Олеговна АСТАХОВА,
преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат юридических наук
ao_astakhova@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР С УЧАСТИЕМ ПОСРЕДНИКА В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

ISSUES OF THE INTEGRATION OF CONCILIATION PROCEDURES WITH PARTICIPATION OF A MEDIATOR INTO CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

В статье авторы аргументируют необходимость детальной проработки законодательных изменений, направленных на расширение сферы действия уголовно-процессуального института примирения сторон, в том числе с участием посредника. В настоящий момент все представляемые проекты оставляют открытым вопрос относительно взаимодействия ставшего традиционным и эффективно используемого правоприменителем вида уголовно-процессуального примирения – прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и вновь вводимых примирительных процедур.

In the article, the authors argue the need for a detailed study of legislative changes aimed at expanding the scope of the criminal procedure institution for reconciliation of the parties, including the participation of a mediator. At present, all submitted projects leave open the issue regarding the interaction of the type of criminal procedural reconciliation that has become traditional and effectively used by the law enforcer - the termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties (Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) and the newly introduced conciliation procedures.

Ключевые слова: примирение, потерпевший, примирительное соглашение, примиритель, прекращение уголовного дела.

Keywords: reconciliation, victim, conciliation agreement, reconciler, termination of a criminal case.

Институт примирения сторон в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России представлен двумя видами: производством по делам частного обвинения (ст. 20, 318, 319 УПК РФ) и пре-

кращением уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ). Оба этих вида исторически обусловлены для уголовного судопроизводства России, стали достаточно традиционными. Они имеют сходную

правовую природу, но различаются по ряду признаков и достаточно автономны в сфере реализации [подр.: 5, с. 15-17].

Рассмотрим подробнее относительно новый вид уголовно-процессуального примирения – прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ)¹. Данный вид примирения достаточно молод, но уже можно говорить о правоприменительном «юбилее», его «возраст» насчитывает 25 лет – он действует с 1 января 1997 г. Нормативной основой уголовно-правового элемента служит ст. 76 УК РФ, процессуального элемента – являлась ст. 9 УПК РСФСР (в редакции Федерального закона от 21 декабря 1996 г. N 160-ФЗ), а ныне – уже указанная статья УПК РФ.

Напомним, что ст. 25 УПК РФ совместно со ст. 76 УК РФ содержат ряд обстоятельств, выполнение (соблюдение) которых необходимо для принятия решения об освобождении подозреваемого (обвиняемого) от уголовной ответственности и его процессуального оформления в виде прекращения уголовного дела (уголовного преследования):

- преступление относится к категориям небольшой и средней тяжести;
- преступление совершено подозреваемым (обвиняемым) впервые;
- потерпевший и подозреваемый (обвиняемый) примирились;
- подозреваемый (обвиняемый) загладил вред, причиненный преступлением, потерпевшему;
- имеется заявление потерпевшего (его законного представителя) о прекращении уголовного дела;
- подозреваемый (обвиняемый) согласен на прекращение уголовного дела;
- имеется согласие руководителя следственного органа (для следователя) или прокурора (для дознавателя) на прекращение уголовного дела.

Здесь необходимо отметить, что под примирением сторон (в уголовно-процессуаль-

ном смысле) следует понимать достижение взаимной договоренности между сторонами (потерпевшим и лицом, совершившим преступление) относительно отсутствия претензий друг к другу по поводу совершенного деяния. Потерпевший отказывается от первоначального требования о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности в ответ на его позитивное посткриминальное поведение, адресно направленное потерпевшему (заглаживание причиненного вреда).

По мнению Конституционного Суда РФ, «примирение сторон предполагает своим необходимым условием в буквальном смысле достижение или наступление между подозреваемым, обвиняемым и потерпевшим такого мирного состояния, которое знаменует отказ от продолжения конфликта в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном его течении с решением сторон считать его в этом отношении исчерпанным»².

При этом примирение в уголовно-процессуальном смысле не означает прощение, полное восстановление мирных «допреступных» взаимоотношений между сторонами. В данном вопросе авторы категорически не согласны с исследователями, утверждающими, что «для того, чтобы примирение произошло, а именно чтобы суд увидел добровольность и осознанность, необходимо, во-первых, чтобы подозреваемый или обвиняемый признал свою вину и загладил причиненный вред (моральный, материальный), а во-вторых, чтобы потерпевший простил виновное лицо» [4, с. 27].

По нашему мнению, согласие подозреваемого (обвиняемого) участвовать в примирении сторон, а также совершение им действий, направленных на заглаживание причиненного вреда, не свидетельствуют о признании им своей вины и не являются доказательством его виновности в совершении преступления. Уголовно-процессуальный закон уже реализует ситуацию, когда согласие с предъявлен-

1 Здесь и далее мы будем использовать понятия «прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон» и «примирение сторон» как синонимичные понятия. При этом примирение сторон рассматривается в «узком» смысле – как вид примирения, регламентированный ст. 25 УПК РФ.

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзикова Ю.Н. на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2022 N 188-О // СПС «КонсультантПлюс».

ным обвинением при особом порядке судебного разбирательства не означает полного или частичного признания себя виновным (гл. 40 УПК РФ).

Мотивы примирения для обеих сторон могут быть различными (для потерпевшего – стремление восстановить родственные отношения, уменьшить время участия в производстве по уголовному делу, материальные ожидания; для обвиняемого, подозреваемого – смягчение негативных последствий для себя, восстановление родственных отношений и т.п.), но неотъемлемым условием является добровольность и действительность примирения. Мнимым примирением в данном случае следует считать соглашение между сторонами, достигнутое под влиянием запугивания, обмана, угроз, заблуждения относительно связанных с ними существенных обстоятельств, при недобросовестном поведении подозреваемого, обвиняемого.

За прошедшие четверть века институт примирения сторон получил заслуженную оценку правоприменителя, он активно используется как в досудебном производстве, так и в суде¹.

Действующий институт примирения сторон имеет глубокую социально-правовую направленность – он является выражением диспозитивности в уголовном судопроизводстве, служит определенным механизмом разрешения уголовно-правового конфликта путем

реализации идеи компромисса в уголовном законодательстве, способствует повышению эффективности уголовного процесса, обеспечивая в ряде случаев достижение оптимального результата при минимальной затрате сил субъектов уголовно-процессуальных правоотношений.

В настоящее время едва ли не первоочередной задачей является системное, планомерное встраивание вновь вводимых (либо изменяемых) институтов в систему действующего правового регулирования, их интеграция в уголовный процесс.

Не секрет, что изменения и дополнения, вносимые в УПК РФ в течение всего периода его действия, в большинстве своем лишены логичности, системности и продуманности [1, с. 90-97; 2, с. 15-19; 3, с. 19-25], в связи с чем очень важно четко продумать роль и место вновь вводимых элементов, средств и методов реализации примирительных посреднических процедур.

Сегодня медиация в судопроизводстве России существует в качестве посреднических услуг для достижения примирения сторон правового конфликта в сфере административных, семейных, жилищных, земельных, трудовых, обязательственных, наследственных отношений. В прошедшем десятилетии существенным образом была укреплена нормативная база медиации².

1 Анализ судебной статистики свидетельствует, что около двух третей уголовных дел из числа прекращенных по нереабилитирующим основаниям прекращаются в связи с примирением сторон («Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел (по годам). URL: www.cdep.ru). На стадии предварительного расследования решение о прекращении уголовного дела ввиду примирения сторон имеет место несколько реже, потенциал реализации примирения ограничивался различными причинами как объективного, так и субъективного характера. В настоящее время имеет место устойчивая положительная тенденция – в среднем около половины уголовных дел, прекращаемых в досудебном производстве, прекращаются по основаниям ст. 25 УПК РФ (Форма 1-Е (120). Сведения о следственной работе и дознании ОВД. Сводный отчет по России / ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России»).

2 Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» создал правовые условия для развития в России альтернативных судебным (юрисдикционным) способам урегулирования правовых конфликтов при участии независимых лиц (медиаторов), определил сферы применения указанной процедуры, установил юридические последствия ее использования. В развитие посреднических формул Федеральным законом от 26.07.2019 N 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлены новые примирительные процедуры при осуществлении судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, в том числе судебное примирение. Указанным законом внесены изменения и дополнения в Закон Российской Федерации от 26.06.1992 N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 N 4462-1, федеральные законы от 14.03.2002 N 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ включены блоки (практически аналогичного содержания), где определены виды примирительных процедур, порядок и сроки их проведения, результаты примирительных процедур и др.

С середины прошлого десятилетия ученые активно включились в научный поиск приемлемых форм и методов медиации при производстве по уголовному делу.

Так, направление расширения сферы деятельности института медиации, его использование в сфере уголовного судопроизводства практически получило статус государственного задания¹. В 2016 г. в рамках деятельности межрегиональной общественной организацией «Центр «Судебно-правовая реформа» был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» (авторы С.А. Пашин, Р.Р. Максудов). Указанный проект прошел апробацию и обсуждение с Минюстом России, советом судей Российской Федерации, различными общественными формированиями.

По итогам проведенной работы подготовлен новый законопроект и в конце 2019 г. направлен для обсуждения научной общественности России, в том числе в федеральные университеты России². В 2020 г. после учтенных замечаний данный проект рассматривался в рамках научно-представительских мероприятий и вновь подвергся критике.

Это послужило поводом для разработки проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о введении в уголовное судопроизводство института примирения»³ (далее – Проект), который прошел апробацию в рамках Всероссийского

круглого стола с международным участием, организованного Северо-Западным филиалом ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» совместно с Верховным Судом РФ 22 апреля 2022 г. в г. Санкт-Петербурге. Целью круглого стола явилось обсуждение теоретико-практических проблем, связанных с более широким применением института примирения в уголовном судопроизводстве с учетом предложенных моделей изменения его правового регулирования. В ходе круглого стола обсуждались вопросы соотношения частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве, права потерпевшего отказаться от уголовного преследования, ответственности за вмешательство в процедуру примирения, содержания процедуры примирения, обеспечения ее проведения, содержания договора о примирении, процессуального положения примирителя и его участия в процедуре примирения, последствий неисполнения условий примирения и другие⁴.

Безусловно, необходимость представленных проектов, их теоретическое значение для выработки концепции уголовно-правовых примирительных процедур с участием посредника (медиатора, примирителя) трудно переоценить. Их актуальность не вызывает сомнения, отдельные моменты заслуживают поддержки и одобрения.

Интересна идея законодателя о том, что субъекты, ведущие процесс, по аналогии с защитой по назначению могут не только по инициативе сторон, но и по собственной инициативе поставить вопрос о примирительной

1 См., напр.: Концепция развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.07.2014 N 1430-р; Перечень поручений Президента Российской Федерации от 06.10.2017 N Пр-2042.

2 Подготовлен рабочей группой в составе: эксперт Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ канд. юрид. наук С.А. Пашин, руководитель направления «Программы восстановительного правосудия по уголовным делам» Общественного центра «Судебно-правовая реформа» доцент Департамента дисциплин публичного права НИУ «Высшая школа экономики» канд. психол. наук Л.М. Карнозова, руководитель направления «Международное сотрудничество» Общественного центра «Судебно-правовая реформа» аспирант факультета права НИУ «Высшая школа экономики» О.П. Киселева.

3 Проект разработан кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (руководитель коллектива – К.А. Корсаков, канд. юрид. наук, доцент) в рамках Студенческого научного проекта «Институт примирения в уголовном судопроизводстве», руководителями которого являются доценты кафедры канд. юрид. наук, доцент Т. В. Исакова и канд. юрид. наук, доцент К.А. Корсаков.

4 URL: <https://www.iuaj.net/node/3109>.

процедуре, пригласив на любой стадии производства реального примирителя, разъяснив участникам суть примирительной процедуры и предоставив время и возможность решить с примирителем вопрос – быть или не быть примирительной процедуре. Вместе с тем системный анализ проектов вызывает ряд вопросов и возражений. Например, относительно последнего из названных проектов следует обратить внимание на отдельные моменты как содержательного, так и технического характера. Обозначим некоторые из них.

Во-первых, центральной фигурой, по сути дела, нового уголовно-процессуального производства становится такой незаинтересованный участник процесса, как примиритель (в законопроекте очень похожий на такого уже известного уголовному процессу участника, как специалист). По мнению разработчиков, примиритель – это лицо, прошедшее специальную подготовку, привлекаемое для организации и проведения примирительной процедуры в качестве независимого от сторон посредника в случаях, предусмотренных УПК РФ, он содействует в примирении, выработке его условий и составлении договора о примирении (ст. 58.1 Проекта). Сразу же возникают вопросы: где примиритель должен пройти эту специальную подготовку и какой документ будет подтверждать такую подготовку, кого привлекать в статусе примирителя, как оплачивать их труд?

На наш взгляд, возможно в компетенции органов Министерства юстиции РФ лицензировать такую подготовку примирителей, выдавать им сертификаты (свидетельства) государственного образца, вести реестр примирителей. В идеальном варианте в качестве примирителей необходимо привлекать лиц с высшим юридическим, педагогическим, психологическим образованием, социальных работников, а в приоритете – судей в почетной отставке, находящихся на пенсии прокурорских и следственных работников, адвокатов (как, например, судебный примиритель в соответствии с Федеральным законом от 26.07.2019 N 197-ФЗ).

Материальные расходы, связанные с процедурой примирения, согласно ч. 6

ст. 317.10 Проекта распределяются по соглашению сторон либо могут быть отнесены на судебные издержки. С учетом, как правило, низкой платежеспособности заинтересованных в примирении участников уголовного процесса оплату труда примирителей должно взять на себя государство (проблематично даже рассматривать вопрос о частно-государственном партнерстве, как в ситуации с возрождаемыми медвытрезвителями).

Во-вторых, в законопроекте необходимо более четко предусмотреть, что не все материалы уголовного дела представляются примирителю, а лишь те, которые важны для примирительной процедуры и не составляют предмета следственной тайны. Кроме того, следователь может составить для примирителя подробную справку-меморандум по делу, которая необходима для примирительной процедуры. В противном случае широкое (без конкретного ограничения) право примирителя на ознакомление с материалами может затруднить расследование по уголовному делу, особенно доказывание вины субъекта преступления.

В-третьих, вряд ли оправданным является использование таких явно «цивилистических» терминов, как «договор» (в контексте с примирительным документом как результатом примирительной процедуры), «мнимый договор».

На наш взгляд, более подходящим данной ситуации является термин не договор, а примирительное *соглашение* (УПК РФ уже использует понятие «соглашение о сотрудничестве», которое заключается на досудебной стадии между прокурором и подозреваемым, обвиняемым в порядке гл. 40.1 УПК РФ). Уголовно-процессуальный закон использует термин «договор», но лишь в контексте международного договора и в рамках осуществления международного сотрудничества. Примирительное соглашение в уголовном судопроизводстве по сути своей представляет систему взаимных уступок: потерпевший отказывается от уголовного преследования лица, совершившего деяние, в обмен на совокупность определенных действий, производимых этим лицом в целях примирения с потерпевшим и заглаживания ему вреда. Та-

ким образом, стороны устанавливают между собой определенные обязательства.

Можно и дальше продолжать этот список. Но что, по нашему мнению, является концептуальным и краеугольным, – это отсутствие синхронизации предлагаемых процедур с ныне действующим (и, как указывалось выше, достаточно эффективно действующим) институтом прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, сферы его распространения в части категории совершенных преступлений.

При обсуждении практически всех законопроектов рассматривались вопросы, касающиеся разграничения действия ст. 25 УПК РФ и вновь вводимых примирительных процедур. В связи с этим высказывались различные идеи, порой противоположные по смыслу: от расширения действия ст. 25 УПК РФ до ее полного упразднения¹. Разработчики Проекта предлагают ст. 25 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия начальника подразделения органа дознания, на основании ходатайства о прекращении уголовного дела и договора о примирении, при отсутствии препятствий его удовлетворения, прекращает уголовное дело в отношении лица, подозреваемого, обвиняемого или подсудимого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации.».

С такой редакцией категорически нельзя согласиться – из буквального смысла следует, что, не расширяя сферу действия примирения сторон (относительно категории совершенного преступления), возможность реализации примирения дополняется такими обязательными элементами, как проведение примирительной процедуры и достижение (составление) договора о примирении. То есть, по сути, упраздняется существующий институт примирения сторон, а на смену ему приводится другой, более громоздкий,

продолжительный и запутанный. В результате достигнется обратный эффект, нежели заявленный разработчиками – «гуманизация уголовного судопроизводства, экономия уголовной репрессии и перераспределения высвобождающихся резервов на расследование и рассмотрение других уголовных дел» (пояснительная записка к Проекту).

В новейшей истории российского уголовного и уголовно-процессуального права достаточно много примеров, когда отменяемый по различным причинам какой-либо правовой институт через некоторое время вновь возвращался законодателем в сферу правового регулирования (конфискация имущества как мера наказания была вначале отменена, затем возвращена в урезанном и искаженном виде; институт административного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, был отменен, в том числе по мотивам его «антидемократичности», затем возрожден как одно из важнейших средств профилактики рецидивной преступности).

Интересно отметить, что на постсоветском пространстве в законодательстве стран СНГ примирительные процедуры различными способами интегрированы в официальный уголовный процесс и достаточно эффективно действуют в целях наиболее быстрого и полного разрешения уголовно-правовых конфликтов с тем, чтобы права и интересы всех сторон конфликта были максимально удовлетворены. Государства используют различную технику включения примирительных процедур в систему уголовного судопроизводства.

Так, процедура медиации интегрирована в систему уголовного судопроизводства Республики Казахстан, служит дополнением к официальным мерам реагирования на преступление. Правовая основа медиации включает в себя нормативные акты общего порядка, которые относятся ко всем сферам применения медиации (Закон РК о медиации и Правила прохождения обучения по программам подготовки медиаторов), и специ-

1 См.: Позиция Совета судей РФ по проекту федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» // Вестник «Прецеденты и позиции». 2016. N 5. С. 22.

альные – УК РК, УПК РК, нормативное постановление Верховного Суда РК от 21 июня 2001 г. N 4 «О судебной практике по применению ст. 68 УК РК».

В Республике Кыргызстан примирительные процедуры, в том числе с участием посредника (медиатора), интегрированы в систему уголовного судопроизводства Кыргызской Республики по отраслевому признаку. Правовой основой медиации являются нормы, включенные в УК КР, Кодекс КР о проступках и УПК КР.

Закрепление и использование медиации в уголовном процессе России, ее интеграция в уголовно-процессуальное законодательство имеет как сторонников, так и противников.

Так, Л.В. Головкин обращает внимание, что «уголовно-правовая медиация полностью выпала из поля зрения или даже считается теоретически невозможной и на концептуальном уровне логически противоречивой, поскольку идеи и техника якобы несовместимы с механизмом действия уголовного права и уголовного процесса» [6, с. 127]. О.В. Лукьяновская отмечает, что «с одной стороны, к данной процедуре наблюдается повышенный интерес со стороны юридического сообщества, но, с другой стороны, нужно признать, что даже некоторыми правоведами, не говоря уже об обычных гражданах, медиация воспринимается как бесполезный механизм разрешения конфликтов» [9, с. 14-17]. По мнению К.М. Кожевникова, применение процедуры медиации по уголовным делам публичного характера не позволяет достичь целей уголовного наказания, «породит у виновного лица чувство безнаказанности и вседозволенности. Кроме того, в уголовном процессе сторонами выступает, с одной стороны, обвиняемый (подсудимый), а с другой – государство, в связи с чем возможность применения медиации в уголовном процессе ставится под сомнение» [8, с. 24].

Практически все исследователи едины в том, что для возможности и эффективного использования примирительных процедур

при производстве по уголовному делу необходима, в первую очередь, соответствующая нормативная основа. Относительно юридической техники закрепления правовой регламентации примирительных процедур можно выделить три точки зрения.

Сторонники первой отмечают, что примирительные процедуры необходимо закрепить в отдельном нормативном правовом акте, «так как принятие отдельного самостоятельного закона поможет легитимизировать медиацию и повысить доверие к ней. Единый закон – это также возможность в полной мере в одном нормативном акте установить нормативную регламентацию всех вопросов, касающихся применения медиации»¹. К. Сесар считает: «Если восстановительная юстиция все же будет учреждена, ее не следует включать в систему уголовной юстиции. Опасность заключается в том, что инструментарий восстановительной юстиции не будет применяться или будет применяться главным образом в декоративных целях; либо же механизмы восстановительной юстиции будут превращены в карательные (что произошло со многими процедурами общественной службы). Лучшим выходом, несомненно, является учреждение автономной системы восстановительной юстиции» [10, с. 162-171]. По мнению И.Г. Смирновой, «медиация не должна регулироваться нормами УПК РФ, так как принципы медиации не всегда в полной мере корреспондируют уголовно-процессуальным принципам. Например, принцип презумпции невиновности: право подозреваемого, обвиняемого не признавать свою вину действует в течение всего производства по уголовному делу. Другое дело – медиация. Примирительное производство невозможно по определению, если правонарушитель не признает своей вины» [11].

Сторонники отраслевого законодательства предлагают закрепить примирительные процедуры в рамках уголовно-процессуального законодательства. В частности, уголовно-процессуальное закрепление требуют процессуальный статус медиатора, его права

¹ Еременко Г. Медиация в Украине: «за» и «против» // Юрист & Закон : информационно-политический портал. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/EA002546.html.

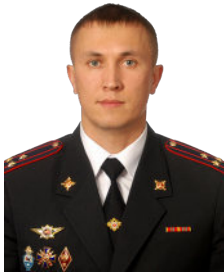
и обязанности, а также правовые условия и основания допуска медиатора к участию в уголовном деле, основания его отвода; формы взаимодействия медиатора с органом, ведущим уголовный процесс, равно как и с иными субъектами уголовного процесса; возможность использования результатов акта медиации в качестве доказательств; признание права инициативы медиации за органом, ведущим уголовный процесс, если это служит обеспечению законных прав и интересов участников процесса; определение круга возможных и обязательных участников медиации в уголовном процессе, процессуальной формы (решения) процедуры медиации, процессуальные сроки производства медиации [7, с. 22-30].

Третьи считают целесообразным установление межотраслевого института медиации, правовая основа которого будет содержаться как в специальном законодательстве (федеральный закон о медиации), так и в отраслевом – УПК РФ [12, с. 231-235].

Подводя итог, заметим, что развитие альтернатив уголовному преследованию путем расширения действия примирительных процедур, в том числе с участием посредника (примирителя), являются очевидным и общепризнанным трендом как международного, так и отечественного законодательства. Развитие предлагаемого института видится интересным и перспективным с учетом введение аналогичного института в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Бахта, А.С. Разрешение коллизий, возникающих в ходе применения норм уголовно-процессуального права / А.С. Бахта // Научный портал МВД России. – 2011. – N 11. – С. 90-97.
2. Божьев, В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации / В.П. Божьев // Российская юстиция. – 2000. – N 10. – С. 15-19.
3. Гаврилов, Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – N 1. – С. 19-25.
4. Гаврицкий, А.В. Возможности медиации в уголовном процессе / А.В. Гаврицкий, М.М. Коблева // Мировой судья. – 2019. – N 7. – С. 26-29.
5. Галимова, М.А. Примирительные процедуры в уголовном судопроизводстве : монография / М.А. Галимова. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – С.
6. Головкин, Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации / Л.В. Головкин // Закон. – 2009. – N 4. – С. 122-130.
7. Зорин, Р.Г. Тенденции и перспективы совершенствования механизма правового регулирования процедуры медиации в уголовном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации / Р.Г. Зорин, А.Г. Клименко, А.А. Шатликова // Евразийская адвокатура. – 2014. – N 2 (9). – С. 22-30.
8. Кожевников, К.М. К вопросу о применении медиации в уголовном процессе / К.М. Кожевников // Судебные известия. – Липецк. – 2017. Спецвыпуск. – С. 21-27.
9. Лукьяновская, О.В. Медиация в России: первые итоги и дальнейшие перспективы / О.В. Лукьяновская // Российский судья. – 2016. – N 3. – С. 14-17.
10. Сесар, К. Карательное отношение общества: Реальность и миф / К. Сесар // Правоведение. – 1998. – N 4. – С. 162-171.
11. Смирнова, И.Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве / И.Г. Смирнова // Право. – URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/350/image/350-132.pdf>.
12. Чепрасова, Ю.В. Проблемы и перспективы внедрения процедуры медиации в уголовное судопроизводство (на примере Липецкой области) / Ю.В. Чепрасова, Н.А. Шатурина // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – N 6. – С. 231-235.

Даниил Георгиевич ШАШИН,
начальник кафедры оперативно-разыскной
деятельности Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент
shashin06@mail.ru

ЗАКОННОСТЬ, ОБОСНОВАННОСТЬ И МОТИВИРОВАННОСТЬ ЗАПРОСОВ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, К ГРАЖДАНАМ, В ОРГАНИЗАЦИИ, ПРЕДПРИЯТИЯ, УЧРЕЖДЕНИЯ

LEGALITY, VALIDITY AND MOTIVATION OF REQUESTS OF BODIES CARRYING OUT OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES TO CITIZENS, ORGANIZATIONS, ENTERPRISES, INSTITUTIONS

В работе автором на основе оперативно-разыскной практики органов внутренних дел исследованы проблемы направления запросов оперативными подразделениями органов, ее осуществляющих, в организации, предприятия, учреждения. Изучены правовые основания для этого, законность, обоснованность и мотивированность обращения с целью получения оперативно значимой информации, а также судебная практика обжалования действий и решений оперативно-розыскных органов со стороны организаций, предприятий, учреждений, и на этой основе даны рекомендации и приведены примеры запросов.

In the article the author based on the operational – search practice of the internal affairs bodies, studies the problems of directing requests by operational units of the bodies carrying it out to organizations, enterprises and institutions. The legal grounds for this issue, the legality, validity and motivation of addressing for the purpose of obtaining operationally relevant information, as well as judicial practice of appealing actions and decisions of operational-search bodies by organizations, enterprises, institutions are studied, and on this basis, recommendations and examples of requests are presented.

Ключевые слова: запрос, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскная практика, органы внутренних дел, оперативные подразделения, организации, предприятия, учреждения, прокурор, акт прокурорского реагирования.

Keywords: request, operational-search activity, operational-search practice, internal affairs bodies, operational units, organizations, enterprises, institutions, prosecutor, prosecutor's response act.

Поводом для обращения к представленной для освещения научно-практической проблеме послужило письмо одного из управлений полиции, в составе которого имеется оперативное подразделение, в связи

с отказом организации (далее – предприятие), находящейся в оперативном обслуживании указанного управления, представить запрашиваемую информацию (сведения) и направлением последней письменного обращения

(жалобы) и в данное управление, и прокурору, осуществляющему надзор. Отметим, что некоторые аспекты осуществления прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) и использования информационных систем и ресурсов юридических и физических лиц в ОРД органов внутренних дел (далее – ОВД) уже освещались в специальной литературе [1; 3-5; 7].

Так, сотрудник оперативного подразделения в рамках Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД), ссылаясь на его ст. 6 («Оперативно-розыскные мероприятия»), направил на предприятие запросы о предоставлении информации без указания целей ее получения:

– запрос 1: о работниках, которые выезжали в служебные командировки в определенный период. Суть запроса сводилась к тому, что предприятию необходимо было представить следующие сведения: ФИО, число, месяц и год рождения; срок командировки (с указанием даты отъезда и даты прибытия); место пребывания в командировке (населенный пункт, гостиница); сведения о проживании в гостинице (копии предоставленных работниками по итогам командировки документов);

– запрос 2: о заключенных договорах гражданско-правового характера между предприятием и физическими лицами в определенный период с указанием анкетных данных лиц, имеющейся контактной информации, периода выполняемых работ по договору.

Ответ на поступившие запросы предприятие не дало и информацию (сведения) не представило. Вместо этого инициатору запросов (управление полиции) и в прокуратуру юридической службой предприятия были направлены обращения, с указанием, что содержание запросов не позволяет установить правовых оснований для предоставления сведений и просьбой к прокурору дать правовую оценку запросам оперативного подразделения. Полагаем это очевидным и предсказуемым актом противодействия законной деятельности оперативного подразделения полиции по выявлению противоправной де-

ятельности со стороны предприятия, его работников и контрагентов.

В обращении в управление полиции и прокуратуру юристконсульт предприятия привел следующие аргументы (цитируется из обращения предприятия направленного в адрес управления полиции. – Д.Ш.):

1) в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – закон о персональных данных) персональными данными является любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес;

2) согласно ст. 86, 87 Трудового кодекса РФ (ТК РФ) работодатель обязан обеспечить защиту персональных данных работника, а ст. 88 ТК РФ установлен запрет на передачу персональных данных работника третьей стороне;

3) в запросах отсутствует ссылка на материал проверки, уголовное дело либо иные аргументы, указывающие на *мотивированность истребования информации и документов, в том числе персональных данных* (курсив здесь и далее наш. – Д.Ш.) со ссылкой на п. 4 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»;

4) пункт 2 ст. 6 закона об ОРД содержит оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ) «наведение справок», которое *«проводится для получения именно справок, поскольку понятие «справка» и «документация» не идентичны между собой*. Вышеуказанное ОРМ в данном случае может проводиться в виде гласного и подразумевает собой получение согласия лица (организации), в отношении которого оно направлено. ОРМ, указанное в п. 5 статьи (исследование предметов и документов), относится только к тем предметам и документам, которые уже находятся у сотрудников полиции, то есть добыты ими в рамках ранее проведенных ОРМ.

Анализ аргументов юристконсульта приводит к выводу об ошибочности его представлений о природе и сущности ОРД. Как видно

из аргумента N 3, им осуществлена подмена правового регулирования ОРД Федеральным законом «О полиции» (далее – закон о полиции), хотя, отметим, частично отдельные аспекты ОРД им урегулированы. Указанный закон взаимосвязан с законом об ОРД, а оперативные подразделения органов внутренних дел (ст. 13 закона об ОРД) входят в структуру полиции в Российской Федерации. Не выдерживает критики толкование юрисконсультom положений п. 2 ст. 6 закона об ОРД в части того, что ОРМ «наведение справок» «проводится для получения именно справок, поскольку понятие «справка» и «документация» не идентичны между собой», даже в силу того, что запрашиваемая информация или сведения могут быть оформлены предприятием различными документами: списками, перечнем, в том числе и справкой. Более того, название ОРМ – «Наведение справок» – отражает не существо какого-либо документа, а процесс получения искомой информации, отражающего сущность этого ОРМ.

При возникновении сомнений в правомерности действий полиции согласно ч. 3 ст. 5 закона об ОРД граждане и должностные лица имеют право обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, прокурору или в суд, чем и воспользовались руководитель предприятия и юрисконсульт.

Органы прокуратуры в соответствии с предписаниями ч. 2 ст. 1, ч. 2 ст. 21, ст. 29 Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – закон о прокуратуре) и ст. 21 закона об ОРД имеют право осуществлять прокурорский надзор в сфере ОРД, в том числе знакомиться с документами оперативно-розыскного производства (в том числе секретного): основаниями проведения ОРМ, заведения дел оперативного учета и т.д. [2]

Надзирающей прокуратурой по результатам рассмотрения направленного руководителем предприятия обращения вынесено представление «Об устранении нарушений законодательства об оперативно-розыскной

деятельности» при направлении указанных запросов на предприятие со стороны управления полиции. Признаться, ожидать какой-либо иной реакции со стороны прокуратуры в данном случае не приходится в силу того, что, во-первых, даже на первый взгляд очевидна ошибка (не столь существенная, о чем будет сказано ниже) оперативного подразделения при подготовке запросов, что дало «возможность» прокурору оценить его как нарушение законодательства об ОРД; во-вторых, подобное обращение в органы прокуратуры со стороны граждан, предприятий или организаций является законным поводом для проведения прокурорской надзорной проверки¹ изложенных в ней доводов с вынесением одного из актов прокурорского реагирования (в данном случае представления).

Как указано в представлении прокурора, по результатам проведенной прокуратурой проверки «выявлены допущенные должностными лицами оперативного подразделения управления полиции нарушения федерального законодательства, регулирующие вопросы проведения ОРМ». По мнению прокурора, направление запросов к числу ОРМ не отнесено и возможно лишь при наличии установленных законом оснований, к числу которых осуществление ОРД (при отсутствии расследуемых уголовных дел и зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлении) не относится. В обжалуемых запросах отсутствует ссылка на расследование находящегося в производстве уголовного дела, дела об административном правонарушении, на зарегистрированное в установленном порядке заявление или сообщение о преступлении, о происшествии, не указаны цель и основания истребования документов. Получение информации путем направления запросов, по мнению прокурора, предусмотрено лишь ч. 4 ст. 13 закона о полиции в случаях, определенных п.п. 4, 12, 17, 21, 22, 27 ч. 1 указанной статьи.

Анализ доводов прокурора приводит к выводу, что он согласился с аргументацией

¹ Проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки (ч. 2 ст. 21 закона о прокуратуре).

юрисконсульта и не проводил исследования вопроса самостоятельно, так как на момент вынесения представления в январе 2022 года в закон об ОРД уже год как была внесена ст. 12.1 «Недопустимость разглашения сведений об осуществлении оперативно-розыскной деятельности»¹, имеющая непосредственное отношение к подобной ситуации. Вместо анализа положений закона об ОРД прокурор также акцентировал внимание на законе о полиции, в данном случае являющемся «второстепенным» в правовом регулировании проблемной ситуации.

Целями (задачами) настоящей работы являются, во-первых, исследование с позиций науки, законодательства и практики (в том числе и судебной) соответствия закону об ОРД направляемых оперативными подразделениями запросов на получение информации (сведений) и, во-вторых, определение формы и содержания запросов на получение информации (сведений) в рамках ОРД.

По первой поставленной задаче в первую очередь необходимо определить место оперативного подразделения полиции в системе субъектов, имеющих право осуществлять ОРД. В ст. 13 закона об ОРД установлено, что на территории Российской Федерации право осуществлять ОРД, кроме прочего, предоставляется оперативным подразделениям органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД).

Согласно ч. 1 ст. 4 закона о полиции она является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, то есть ОВД Российской Федерации. В свою очередь, п. 1 ст. 1 закона о полиции устанавливает назначение полиции – «...предназначена... для противодействия преступности...».

Как представляется, одним из направлений такого противодействия выступает ОРД.

При этом одной из задач, закрепленных в п. 1 ст. 2 закона об ОРД, является «выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших».

Перечень оперативных подразделений, которым предоставлено право осуществлять ОРД в системе ОВД, представлен в ведомственном нормативном правовом акте – приказе МВД России², к ним относятся в том числе оперативные подразделения данного управления полиции.

Таким образом, оперативные подразделения управления МВД России имеют право осуществлять ОРД в полном объеме, т.е. проводить все ОРМ и осуществлять иные действия, предусмотренные законом об ОРД.

Одним из таких ОРМ согласно п. 2 ч. 1 ст. 6 закона об ОРД является наведение справок. Законодатель не определил сущность и содержание данного, как и других, мероприятия, однако это в соответствии с ч. 2 ст. 4 закона об ОРД³ сделал ведомственный нормодатель – министр внутренних дел – путем издания ведомственных нормативных правовых актов (приказов) по организации и тактике ОРД. Поскольку нормативный правовой акт, регламентирующий в том числе рассматриваемое мероприятие, имеет ограничительный гриф и содержит сведения, составляющие государственную тайну, то, как указано в ч. 1 ст. 12 закона об ОРД, «сведения об... организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность».

С учетом сказанного мы можем лишь дать определение рассматриваемого понятия: «Наведение справок – это оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается

1 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об осуществлении оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 30.12.2020 N 515-ФЗ.

2 О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России : приказ МВД России от 19.06.2012 N 608.

3 Органы, осуществляющие ОРД, издают в пределах своих полномочий в соответствии с законодательством Российской Федерации нормативные акты, регламентирующие организацию и тактику проведения ОРМ.

в получении информации, имеющей значение для решения конкретных задач ОРД, путем направления запроса юридическому или физическому лицу, располагающему или могущему располагать таковой, а равно и ее получение путем непосредственного ознакомления с соответствующими материальными носителями, в том числе из оперативных, криминалистических и иных баз данных (учетов), информационных систем и других источников» [6].

Для проведения любого ОРМ необходимы основания, наиболее существенные из которых содержатся в ч. 1 ст. 7 закона об ОРД, а также условия, представленные в ст. 8 этого же закона.

Что касается оснований, то в рассматриваемой ситуации, судя по имеющимся у оперативного подразделения материалам, последнее использовало основание, предусмотренное пп. 1 п. 2: «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

Данное предписание определяет, что если органу, осуществляющему ОРД, поступила информация о готовящемся, совершающемся или совершенном противоправном деянии, подпадающем под признаки преступления, и при отсутствии достаточных данных для возбуждения уголовного дела и проведения расследования оперативное подразделение вправе производить сбор информации об этом событии для целей последующего расследования.

В законе об ОРД в отношении ОРМ «наведение справок» не заложено никаких особых условий, в связи с чем данное мероприятие возможно осуществлять при наличии указанных выше оснований.

Законодатель в законе об ОРД не использует словосочетание «мотивированный запрос», как им это сделано в ст. 13 закона о полиции, что давало бы возможность пони-

мать под этим наличие в запросе информации о том, в рамках каких мероприятий и с какой целью запрашивается искомая информация: по расследуемым уголовным делам и находящимся в производстве делам об административных правонарушениях (п.п. 3 и 4 ч. 1 ст. 13 закона о полиции); в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, разрешение которых отнесено к компетенции полиции (п.п. 3 и 4 ч. 1 ст. 13 закона о полиции); по поручениям следователя и дознавателя (п.п. 3 и 4 ч. 1 ст. 13 закона о полиции) и т.п.

Как представляется, мотивация запроса должна иметь две составляющие: а) правовое обоснование, то есть ссылка на соответствующие нормы закона об ОРД; б) фактическое обоснование – описание конкретной ситуации, в связи с которой отправлен запрос, например, проверка каких-либо фактов, в том числе и противоправной деятельности.

Согласно п. 85 Перечня, утвержденного Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 г. N 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне», сведения, раскрывающие силы, средства, источники, методы, планы, результаты оперативно-розыскной деятельности, а также данные о финансировании этой деятельности, если эти данные раскрывают перечисленные сведения, относятся к государственной тайне.

В соответствии с ч. 1 ст. 12 и ч.ч. 1, 2 ст. 12.1 закона об ОРД сотрудники оперативного подразделения не обязаны представлять предприятию, учреждению или организации, в которой запрашиваются те или иные сведения, фактические основания для проведения проверки, в том числе в силу того, что эти сведения относятся как минимум к информации ограниченного распространения (например, информация от конфиденентов и т.д.), и следовательно, просто не имеют на это право, при обязательной ссылке на основания, указанные в законе (законные основания).

Отметим, что подобные споры между предприятиями, учреждениями, организациями и органами, осуществляющими ОРД, уже

становились предметами судебных разбирательств.

Так, открытое акционерное общество «Буденновская энергосбытовая компания» (далее – ОАО «Буденновскэнергосбыт», Общество) обратилось в суд с административным иском заявлением, в котором просило признать незаконными и неправомерными действия межрайонного отдела управления экономической безопасности и противодействия коррупции г. Буденновска Главного управления Министерства внутренних дел по Ставропольскому краю (далее – МО г. Буденновск УЭБиПК ГУ МВД России по Ставропольскому краю), которые выразились в направлении запроса от 6 декабря 2019 г. № 6/10-782 о предоставлении документов и информации. В обоснование требований указано, что оспариваемый запрос о предоставлении документов и информации, касающейся финансово-хозяйственной деятельности Общества, не содержит указания на нормы материального права, предоставляющие должностным лицам запрашивать документацию, а также в нем нет ссылки на мотивировку требований по предоставлению документов и информации. По мнению административного истца, требование о предоставлении информации без каких-либо оснований, лишь с целью возможного обнаружения в деятельности Общества признаков преступления, нарушает его законные интересы, в том числе по причине вынужденного отвлечения работников от основной деятельности в целях исполнения запроса.

Ранее решением Буденновского городского суда Ставропольского края от 14 января 2020 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Ставропольского краевого суда от 9 июня 2020 г., в удовлетворении административного иска ОАО «Буденновскэнергосбыт» отказано.

Из материалов административного дела следует, что 6 декабря 2019 г. начальником межрайонного отдела г. Буденновск УЭБиПК ГУ МВД России по Ставропольскому

краю со ссылкой на ст. 1, 2, 6 закона об ОРД в адрес генерального директора ОАО «Буденновскэнергосбыт» направлен запрос о предоставлении копий документов, отражающих взаиморасчеты с ООО «Старт» за период с 1 января 2016 г. по 31 июля 2019 г.; финансово-хозяйственной и технической документации, отражающей взаимоотношения с иными субъектами в связи с продажей электрической энергии в точках поставки Ф111, Ф112 подстанции «Прикумск 330/110/35/10»; технической документации на приборы учета, установленных в электрических сетях, присоединенных к Ф111, Ф112 подстанции «Прикумск 330/110/35/10»; сведений, полученных от сетевой организации с приборов учета в точках поставки Ф111, Ф112 подстанции «Прикумск 330/110/35/10» о почасовых нагрузках за период с 1 января 2016 г. по 31 июля 2019 г. В запросах указывалось, что указанные в запросе документы и информация необходимы в целях предупреждения, выявления и пресечения экономических и налоговых преступлений.

Пятый кассационный суд общей юрисдикции указал, что с суды первой и апелляционной инстанций обоснованно пришли к выводам об отсутствии оснований для удовлетворения заявленного ОАО «Буденновскэнергосбыт» требования, поскольку несоответствия действий административного ответчика (МО г. Буденновск УЭБиПК ГУ МВД России по Ставропольскому краю) требованиям закона о полиции и закона об ОРД, нарушения прав и интересов административного истца в результате направления ему запроса о предоставлении информации и документов не установлено¹.

В другом деле имеется и иное решение. Так, ООО «Домоуправляющая компания Сормовского района «Сормово» обратилось в суд с административным иском, в котором просило признать незаконными действия отдела полиции № 8 УМВД России по городу Нижнему Новгороду и начальника отдела полиции Б., выразившиеся в направлении запроса от 25 февраля 2021 г. о предоставлении докумен-

¹ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 13.08.2020 по делу № 88А-5486/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

тов по финансово-хозяйственной деятельности общества за период с 1 апреля 2020 г. по настоящее время. В частности, затребованы: карточки счетов: 51, 60, 62, 76, 68, 68.01, 50, 70 или оборотно-сальдовые ведомости; анализ счетов 68, 68.01, 50, 51, 70 по месяцам за указанный период; договоры с поставщиками и покупателями товаров, услуг; деловая переписка и платежные поручения по ним; копии книг покупок, продаж; приказы о назначении на должность директора и главного бухгалтера; сведения о реализации и приобретении основных средств организации; первичные документы по кассе. Общество полагает, что действия административного ответчика по направлению такого запроса нарушают права административного истца в сфере предпринимательской деятельности и не соответствуют действующему законодательству. Запрос от 25 февраля 2021 г. не содержит оснований для истребования документов.

Основанием направления запроса указаны п. 10 ст. 13 закона о полиции и п. 2 ч. 1 ст. 6 закона об ОРД. Однако цель и основания истребования документов не указаны, ссылка на расследование находящегося в производстве уголовного дела, дела об административном правонарушении, на зарегистрированное в установленном порядке заявление или сообщение о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии отсутствует.

В результате решение Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода от 6 апреля 2021 г. и апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Нижегородского областного суда от 7 июля 2021 г. оставлены без изменения, кассационная жалоба управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Нижнему Новгороду – без удовлетворения¹.

Причина очевидна: в рамках оперативной проверки информации о противоправной деятельности в своем запросе начальник отдела полиции N 8 УМВД России по городу Нижнему Новгороду в обоснование своего

запроса указал лишь ст. 6 закона об ОРД, что явно недостаточно. При фактическом отсутствии находящегося в производстве уголовного дела, дела об административном правонарушении, зарегистрированного в установленном порядке заявления или сообщения о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии сослаться на п. 10 ст. 13 закона о полиции вообще не имелось оснований.

Следует признать, что указание в запросе оперативного подразделения управления полиции только лишь ст. 6 закона об ОРД как законного основания для получения искомой информации (сведений) не является достаточным и может быть оценено как основание общего характера. Применительно к рассматриваемой нами ситуации, как и в приведенном примере из судебной практики, в запросе целесообразно указывать конкретные (частные) законные основания, например, ссылки на ст. ст. 1, 2, 3, 6, ст. 7 (подп. 1 п. 2 ч. 1), 12, 12.1 закона об ОРД:

ст. 1 – цель запроса: «... в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств»;

ст. 2 – задачи ОРД применительно к ситуации: «выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших»;

ст. 3 – принципы, присущие ОРД: «законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств»;

ст. 6 – перечень ОРМ применяемых при осуществлении ОРД, в том числе и наведение справок;

ст. 7 (пп. 1 п. 2 ч. 1) – основание для проведения ОРМ, в частности «ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих,

¹ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2021 N 88а-24055/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела»;

ст. 12 – в части того, что «сведения об... организации и о тактике проведения ОРМ составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД»;

ст. 12.1 – в части того, что «сведения, содержащиеся в запросах, направляемых гражданам и организациям в процессе осуществления ОРД, не подлежат разглашению, о чем указывается в соответствующем запросе. Указанные сведения могут быть преданы гласности лишь с разрешения должностного лица органа, осуществляющего ОРД, и только в том объеме, в каком им будет признано это допустимым, если того требуют служебные интересы».

В исследуемом нами случае органами прокуратуры при рассмотрении обращения представителя предприятия и оценке действий должностных лиц оперативного подразделения по вопросу законности и обоснованности направления в их адрес запросов и приведенных полицией юридических (законных) оснований для этого в представлении об устранении нарушений законодательства об ОРД ошибочно сделан упор на исследование норм закона о полиции. В данном случае приоритетными являются правоотношения, урегулированные законом об ОРД, на нормы которого в запросе ссылаются сотрудники управления полиции.

С учетом изложенного полагаем вынесение представления об устранении нарушений законодательства об ОРД и содержащиеся в нем требования не основанными на законе, а значит – не подлежащими исполнению подразделением полиции, о чем должен быть уведомлен надзирающий прокурор.

Таким образом, направление запросов гражданам и организациям в процессе осуществления ОРД (в том числе и в процессе проведения ОРМ «Наведение справок») при наличии для этого соответствующих оснований представляют собой законные действия субъекта ОРД, в связи с чем акт прокурорского реагирования – представление – как документ, не подтверждающий нарушений, допущенных со стороны должностных лиц оперативного подразделения управления полиции, может быть признанным юридически не состоятельным.

Согласно второй поставленной цели работы полагаем, что содержание запросов на получение сведений в рамках ОРД в целом, как и при проведении ОРМ «наведение справок», в зависимости от поставленных целей, количества и видов запрашиваемых сведений будут отличаться. Вместе с тем в связи с рассмотренной ситуацией нами разработаны варианты (сокращенный и развернутый (расширенный)) запроса, который может быть использован в документообороте оперативных подразделений.

1. Примерный образец сокращенного варианта запроса.

О предоставлении информации

Уважаемый Евгений Сергеевич!

В соответствии со ст. 1, 2, 3, 6, ст. 7 (пп. 1 п. 2 ч.1), 12, 12.1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», прошу Вас предоставить в наш адрес сведения (информацию) о договорах гражданско-правового характера, заключенных между возглавляемой Вами организацией и физическими лицами в период с <...> по <...> с указанием: фамилии имени отчества (анкетных данных), имеющейся контактной информации, периода выполняемых работ по договору и т.д.

Указанные сведения необходимо представить в срок <...>.

В случае большого объема и невозможности представить запрашиваемую информацию в указанный срок прошу письменно согласовать разумные сроки с У МВД России по (Ф.И.О., тел. должностного лица).

Информируем, что согласно ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» сведения об организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Кроме того, ст. 12.1 Федерального закона «Об

оперативно-розыскной деятельности» устанавливает что сведения, содержащиеся в запросах, направляемых гражданам и организациям в процессе осуществления ОРД, не подлежат разглашению, о чем указывается в соответствующем запросе. Указанные сведения могут быть переданы гласности лишь с разрешения должностного лица органа, осуществляющего ОРД, и только в том объеме, в каком им будет признано это допустимым, если того требуют служебные интересы.

Невыполнение законных требований сотрудника полиции о предоставлении документов и информации влечет за собой ответственность по ст. 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (непредставление сведений, информации), санкция которой предусматривает наложение административного штрафа на должностных лиц – до пятисот рублей; на юридических лиц – до пяти тысяч рублей.

С уважением (не обязательно)

Начальник

2. Примерный образец развернутого (расширенного) варианта запроса.

О предоставлении информации

Уважаемый Евгений Сергеевич!

В соответствии со ст. ст. 1, 2, 3, 6, ст. 7 (подп. 1 п. 2 ч.1), 12, 12.1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», прошу предоставить в наш адрес сведения (информацию) о договорах гражданско-правового характера, заключенных между возглавляемой вами организацией и физическими лицами в период с <...> по <...> с указанием: фамилии имени отчества (анкетных данных), имеющейся контактной информации, периода выполняемых работ по договору и т.д.

Указанные сведения необходимо представить в срок <...>.

В случае большого объема и невозможности представить запрашиваемую информацию в указанный срок, прошу письменно согласовать разумные сроки с оперативным подразделением МВД России (Ф.И.О., тел. должностного лица).

Информируем, что согласно ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» сведения об организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Кроме того, ст. 12.1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает что сведения, содержащиеся в запросах, направляемых гражданам и организациям в процессе осуществления ОРД, не подлежат разглашению, о чем указывается в соответствующем запросе. Указанные сведения могут быть переданы гласности лишь с разрешения должностного лица органа, осуществляющего ОРД, и только в том объеме, в каком им будет признано это допустимым, если того требуют служебные интересы.

Трудовой кодекс РФ в ст. 88 определяет, что при передаче персональных данных работника работодатель должен соблюдать следующее требование – не сообщать персональные данные работника третьей стороне без письменного согласия работника, за исключением случаев, когда это необходимо в целях предупреждения угрозы жизни и здоровью работника, а также в других случаях, предусмотренных настоящим Кодексом или иными федеральными законами, коим в данном случае является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

Полученные сведения (информация) будут использоваться в рамках решения задач ОРД, указанных в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), что гарантирует режим конфиденциальности персональных данных.

Невыполнение законных требований сотрудника полиции о предоставлении документов и информации влечет за собой ответственность по ст. 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (непредставление сведений, информации), санкция которой предусматривает наложение административного штрафа на должностных лиц – до пятисот рублей; на юридических лиц – до пяти тысяч рублей.

С уважением (не обязательно)

Начальник

Библиографический список

1. Волынкин, Е.Н. Вопросы использования информационных систем и ресурсов юридических и физических лиц в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / Е.Н. Волынкин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2006. – N 6. – С. 28-30.
2. Железняк, Н.С. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: научно-практический комментарий / Н.С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013.
3. Луговик, В.Ф. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью: тотальный контроль или надзор за исполнением законов / В.Ф. Луговик // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2009. – N 3 (5). – С. 129-135.
4. Моляров, Е.А. Поисковый запрос в публичной сети Интернет как способ наведения справок в оперативно-розыскной деятельности / Е.А. Моляров, У.А. Седиев // Научный компонент. – 2022. – N 1 (13). – С. 56-61.
5. Никонов, И.С. Актуальные проблемы выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств с использованием средств информационно-телекоммуникационных технологий / И.С. Никонов // Оперативно-розыскное противодействие наркопреступности : материалы всероссийского научно-практического семинара. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. – С. 26-28.
6. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : электрон. учебник / под ред. д-ра юрид. наук, доцента В. А. Гусева. – 2-е изд., перераб. и доп. – ISBN 978-5-88651-777-4. – Омск : Омская академия МВД России, 2021. – 82,7Мб. – URL: <https://ordrf.ru/uchebnik/page144.html>.
7. Шашин, Д.Г. Прокурорский надзор и оперативно-розыскная деятельность / Д.Г. Шашин // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – N 2. – С. 242-246.

Анастасия Валерьевна ГАМЗИНА,
старший инспектор по делам несовершеннолетних
отдела участковых уполномоченных полиции
и по делам несовершеннолетних
отдела полиции N 7 Межмуниципального
управления МВД России «Красноярское»,
аспирант Юридического института Красноярского
государственного аграрного университета
gamzina_anastasia@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОГРАНИЧЕННОГО УЧАСТИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ

TO THE ISSUE OF THE NEED FOR LIMITED PARTICIPATION OF JUVENILE UNITS AND DISTRICT POLICE OFFICERS IN THE OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

В статье автор рассматривает проблемные аспекты взаимодействия с отделом уголовного розыска подразделений по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции, обусловленные отсутствием допуска у данных подразделений к проведению оперативно-розыскных мероприятий. С учетом схожести задач, исторического опыта и фактического состояния дел обосновывается необходимость их ограниченного участия в оперативно-розыскной деятельности по аналогии с подразделениями по обеспечению взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств. Высказывается аргументированное предложение по изменению нормативной правовой базы.

Problematic aspects of interaction between criminal investigation department and juvenile affairs units as well as district police officers due to the lack of the right to conduct operational search activities by these units are considered in the article. Taking into account the similarity of tasks, historical experience and the actual situation the need for the limited participation of the mentioned units in operational search activities is substantiated by the author by analogy with the units providing cooperation with foreign law enforcement agencies. A reasoned proposal to change the regulatory legal framework is expressed in the article.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, отделы уголовного розыска, инспекции по делам несовершеннолетних, участковые уполномоченные полиции, подразделения по обеспечению взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств, Интерпол, ограниченный доступ, повышение эффективности взаимодействия.

Keywords: operational search activities, operational search measures, criminal investigation departments, juvenile inspections, district police officers, units providing cooperation with foreign law enforcement agencies, Interpol, limited access, improvement of interaction efficiency.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) является важной составляющей частью работы правоохранительных органов.

Более того, мы, полностью поддерживая мнение ряда исследователей, беремся утверждать, что ОРД является не просто важной частью, но по своей эффективности является основой борьбы с преступностью в любом государстве. Так, в частности, А.С. Базарбаев утверждает: «Для более эффективного решения такого рода задач (борьбы с преступностью – А.Г.) человечество пока не придумало чего-либо такого, что могло бы сравниться со средствами и методами ОРД» [1, с. 174]. А.В. Богданов, Е.Н. Хазов и К.И. Озеров также указывают на то, что в современных условиях возрастает роль ОРД [4, с. 36].

Кроме того, мы хотели бы обратить внимание на уникальность средств и методов ОРД, поскольку их активное использование позволяет не только раскрыть уже совершенное противоправное деяние (что тоже немало важно), но и дает возможность (в намного большей степени, чем при процессуальных действиях) это преступление предотвратить.

Данное свойство ОРД по эффективности сравнимо (очень условно) только с длительными профилактическими мерами комплексного характера. При этом результаты последних можно наблюдать только в течение продолжительного времени.

С учетом вышесказанного возникает закономерный вопрос: «Если средства ОРД так эффективны, то почему же не все подразделения органов внутренних дел, непосредственно осуществляющих предупреждение и раскрытие преступлений, имеют право их использовать в своей повседневной деятельности?».

В рассматриваемом нами случае речь идет именно о двух таких структурах, которые в силу различных причин фактически были исключены из числа субъектов ОРД. Это подразделения по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) и участковые уполномоченные полиции (далее – участковые уполномоченные).

Данное обстоятельство, на наш взгляд, отрицательно сказывается на общей эффектив-

ности их работы как самостоятельной, так и, что крайне важно, во взаимодействии с отделами уголовного розыска (далее – ОУР), в состав которого они входили в позднесоветский период времени.

Ранее мы неоднократно приводили аргументы в пользу того, что необходимо вернуть ПДН в штат ОУР, обеспечив таким образом их допуск к осуществлению ОРД [напр.: 5, с. 52-58]. В этом нас поддерживают большинство практических сотрудников, работающих «на земле», а также некоторые исследователи [12, с. 72].

Кроме того, по нашему глубокому убеждению, необходимо вернуть в состав ОУР и участковых уполномоченных. Схожесть задач, решаемых данными подразделениями, вполне логично предусматривает и схожесть методов их решения.

Поясним нашу позицию, рассмотрев исторический путь развития данных служб в части взаимодействия с ОУР с неизменным использованием средств и методов ОРД. При этом мы затронем только поздний период советской истории и этап после распада Советского Союза до наших дней.

Участковые инспектора до 1974 г. входили в состав службы охраны общественного порядка (именовавшейся в то время наружной службой милиции), а в 1974 г. они были введены во вновь созданную службу профилактики, являющуюся, в свою очередь, составной частью подразделений уголовного розыска. Предполагалось, что это укрепит организационное единство процессов профилактики и раскрытия преступлений.

Данная реформа доказала, с одной стороны, что возможности службы участковых инспекторов, их знание обслуживаемой территории и проживающих на ней людей, происходящих там процессов представляли неподдельный интерес для уголовного розыска. С другой – становится ясным, что государство на тот момент еще недостаточно осознало возможности и значение института участковых уполномоченных милиции (до 2002 г. – участковых инспекторов милиции – А.Г.) в охране правопорядка [9, с. 27].

Именно отсутствие этого осознания сыграло свою деструктивную роль. В 1983 г. служба профилактики была упразднена, а участковые инспекторы милиции выведены из подчинения аппарата уголовного розыска [10, с. 23].

При этом, согласно мнению А.В. Серова, нахождение участковых уполномоченных (до 2002 г. – инспекторов – А.Г.) в период с 1974 г. по 1983 г. в штате уголовного розыска свидетельствует о близости задач обеих служб [13, с. 81].

Данное мнение также коррелирует с высказанным нами в начале статьи предложением о включения участковых инспекторов в штат ОУР.

ПДН (их предшественники), в отличие от участковых уполномоченных, непосредственно в штате ОУР находились намного более продолжительный период времени – около двадцати восьми лет.

Начало этой совместной деятельности приходится на 1961 г. В соответствии с приказом МВД РСФСР от 5 июня 1961 г. N 285 «Об изменении организации работы по борьбе с преступностью несовершеннолетних и детской безнадзорностью» это направление деятельности было возложено на аппараты уголовного розыска и переведенные в их подчинение детские комнаты милиции.

В 1977 г. детские комнаты милиции были упразднены, а на их базе в структуре уголовного розыска созданы инспекции по делам несовершеннолетних (далее – ИДН) со значительным расширением полномочий сотрудников этой структуры¹.

В составе уголовного розыска ИДН функционировали до 1989 г.

Данный период многими исследователями оценивается очень положительно. Так, Н.И. Остапенко отмечает: «На период с 1979 по 1990 гг. приходится наиболее заметный

рост активности деятельности подразделений уголовного розыска по линии несовершеннолетних... Этот же отрезок времени отличается наибольшей активностью в разработке нормативных актов, учебных пособий, методических рекомендаций, указаний и других документов по проблематике взаимодействия уголовного розыска и ИДН... Главным же фактором было функционирование ИДН и оперативного состава в структуре аппаратов уголовного розыска» [11].

Будучи в штате уголовного розыска, ИДН активно привлекались к ОРД, даже с определенным риском для жизни. В данном контексте можно привести интересный пример: в 1984 г. во время операций «Лесополоса» и «Манок», направленных на поимку маньяка Чикатило, сотрудницы розыска, в том числе инспектора ИДН, в сопровождении оперативников в качестве «приманки» ездили в ночных электричках, гуляли в районах лесополосы, дежурили на лавочках вокзалов².

Как уже было отмечено, в 1989 г. в русле общей тенденции развала страны и ее правоохранительной системы, уже принявших необратимый характер, в ходе реорганизации службы профилактики (на тот момент в очередной раз созданной) было принято крайне необдуманное, на наш взгляд, решение о разъединении ИДН и аппаратов уголовного розыска.

Фактически начался процесс смещения ИДН на периферию деятельности милиции (полиции) с приданием ей показушно-бюрократического характера³.

30 июня 1991 г. инспекции по делам несовершеннолетних были реорганизованы в подразделения по предупреждению и пресечению правонарушений несовершеннолетних [2, с. 28], а затем в 1993 г. совместно с участковыми инспекторами милиции были введены в состав милиции общественной безопасности (местной милиции) Российской Федера-

1 Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Указ Президиума ВС СССР от 15.02.1977 N 5266-IX (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

2 Охота на маньяка. Как Чикатило провел последний день на свободе // Live.ru. URL: <https://life.ru/p/1171050> (дата обращения: 12.06.2022).

3 Данный вывод принадлежит не только автору, но и многочисленной «армии» ее коллег, ветеранов этой службы и иных неравнодушных сотрудников органов внутренних дел.

ции¹. При этом указанные подразделения тем не менее сохранили, хоть и в урезанном состоянии, реальную возможность участвовать в ОРД.

Следующим шагом, коснувшимся описываемых подразделений в области ОРД, стал Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). Несмотря на необходимость такого правоустанавливающего документа, он тем не менее далек от совершенства. В процессе его применения вплоть до настоящего времени проявились многие недочеты.

В данном вопросе нельзя не согласиться с Н.С. Железняком, указывающим на то, что специалисты в области ОРД вообще и ее законодательного регулирования в частности неоднократно подвергали анализу и обоснованной критике многие предписания действующего закона [7, с. 8].

В частности, важным недостатком – «острым углом» ФЗ «Об ОРД» – является положение этого закона, определяющего, что ОРД могут проводить только оперативные подразделения [8, с. 65].

При этом важно отметить, что список подразделений, являющихся оперативными, составляется непосредственно органами, осуществляющими ОРД, о чем прямо говорится в ст. 13 ФЗ «Об ОРД»: «Руководители указанных органов определяют перечень оперативных подразделений, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, их полномочия, структуру и организацию работы». Именно данная статья закона обеспечивает некоторую возможность для маневра в части участия в ОРД подразделений (в том числе и рассматриваемых нами), не являющихся оперативными.

Вот как это описывает Н.С. Железняк: «Ведомственный нормодатель в... нормативном правовом акте конкретизировал данное положение, объяснив правоприменителю, что за-

конодательное предписание не совсем верно и даже совсем не правильно, поскольку оперативно-розыскная деятельность обладает спецификой, позволяющей участвовать в осуществлении этой деятельности и должностным лицам, не являющимся сотрудниками оперативных подразделений... В системе МВД России к ОРД и контролю за ее осуществлением допускаются (данное положение действовало до 2011 г. – А.Г.) в числе других начальники милиции общественной безопасности» [8, с. 65].

Таким образом, подразделения по предупреждению и пресечению правонарушений несовершеннолетних, которые 26 мая 2000 г. в очередной раз были переименованы в отделы по делам несовершеннолетних (далее – ОДН) [2, с. 28] и участковые инспектора оставались опосредованно допущены к ОРД через начальников милиции общественной безопасности, в состав которой они входили. Также нужно подчеркнуть, что до 2003 г. происходило постепенное сокращение оперативно-розыскных полномочий практически всех сотрудников милиции общественной безопасности².

После 2003 г. в течение восьми лет ситуация оставалась практически неизменной, пока в 2011 г. ОДН и участковые уполномоченные милиции, как, впрочем, и все службы охраны общественного порядка, согласно приказу МВД России N 938³ были исключены из перечня подразделений системы МВД России, правомочных осуществлять ОРД.

Пришедший ему на смену и действующий в настоящее время приказ МВД России от 19 июня 2012 г. N 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» (далее – Приказ) такое, на наш взгляд, опрометчивое решение не устранил. Данным правовым актом утвержден Перечень оперативных подразделений системы МВД России, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность (далее – Перечень), в который ПДН и участковые уполномоченные не вошли.

1 О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 12.02.1993 N 209 (утратил силу) // СПС «Гарант».

2 Ведомственные нормативные правовые акты о данных изменениях не приводятся ввиду открытого характера публикации.

3 О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России : приказ МВД России от 15.08.2011 N 938 (утратил силу) // СПС «Гарант».

В таком аспекте, на наш взгляд, необходимо рассмотреть другие ведомственные документы, непосредственно регламентирующие повседневную деятельность обозначенных подразделений.

В настоящий момент деятельность инспекторов ПДН осуществляется в числе прочего в соответствии с Инструкцией по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации¹, согласно пп. 2.3 которой они «выявляют лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления, других противоправных и (или) антиобщественных действий...». Подобное «выявление» для обеспечения своей эффективности вполне логично должно предполагать применение хотя бы минимальных средств и методов ОРД.

И если инспектора ПДН, как уже мы пояснили выше, только «выявляют», то деятельность участковых уполномоченных в ведомственных документах трактуется значительно шире и уже включает в себя формулировку «раскрытие преступлений», а значит, и предусматривает подобное в практической их деятельности.

Так, в пп. 9.1 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке² прямо указывается, что участковый уполномоченный полиции в числе прочего «принимает меры, направленные на предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений, выявление и раскрытие преступлений...», что прямо говорит в пользу нашего утверждения.

Участковый уполномоченный является представителем органов внутренних дел, наиболее приближенным к населению и различным этническим группам, проживающим на административном участке [6, с. 50]. В силу указанного обстоятельства, а также общей специфики деятельности он получает всеобъемлющее представление об оперативной обстановке на обслуживаемой территории, что

создает уникальные возможности как раз в части раскрытия преступлений.

Здесь мы считаем необходимым отметить важное обстоятельство: фактически инспектора ПДН и участковые уполномоченные в ходе своей профессиональной деятельности проводят мероприятия (в том числе и в отношении несовершеннолетних), похожие на некоторые ОРМ до степени смешения, но формально таковыми не являющиеся. Наиболее часто осуществляются действия, сходные со следующими ОРМ, не требующими санкции руководства: опрос, наведение справок, отождествление личности.

Конечно, в своей работе сотрудники рассматриваемых подразделений осуществляют и другие мероприятия, напоминающие такие ОРМ, как сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, наблюдение.

Более того, некоторые (немногие) инспектора ПДН и практически все участковые уполномоченные имеют на своем участке информаторов – конфиденентов, осуществляющих за те или иные преференции (как материальные, так и выражающиеся в «закрытии глаз» на определенные правонарушения) добычу информации, представляющей оперативный интерес. Именно конфидененты, как обоснованно утверждает А.В. Шахматов, являются одним из основных источников оперативно значимой информации, которая ложится в основу для реализации практически всех форм ОРД [14, с. 216]. Это могут быть и простые жители (в том числе несовершеннолетние), и мелкие уголовные элементы, мигранты, лица без определенного места жительства, находящиеся на обслуживаемой территории.

Однако такая деятельность является уже очень сложной, и даже у оперативных подразделений, к ней законодательно допущенных, подобное требует санкции высшего руководства. Но три мероприятия (опрос, наведение справок, отождествление личности) не требуют подобного разрешения, а юридический

1 Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 15.10.2013 N 845 // СПС «Гарант».

2 О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России от 29.03.2019 N 205 // СПС «Гарант».

допуск к ним для описываемых подразделений представляется нам крайне необходимым в соответствии с имеющимся историческим опытом и реалиями сегодняшнего дня.

В данном контексте считаем вполне логичным допустить ПДН и участковых уполномоченных к перечисленным ОРМ.

При этом мы исходим из того, что в настоящий момент уже существуют примеры подобного ограниченного допуска. Так, в п. 7 Перечня включены подразделения по обеспечению взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств – членов Международной организации уголовной полиции – Интерпола и Генеральным секретариатом Интерпола – проведение по запросам международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств оперативно-розыскных мероприятий: опрос, наведение справок, отождествление личности. Под указанными подразделениями в первую очередь подразумевается Национальное центральное бюро Интерпола МВД России и его территориальные подразделения (далее – НЦБ Интерпола) – структура, предназначенная для участия России в деятельности Международной организации уголовной полиции и, дословно, согласно Перечню, «обеспечения взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств».

Конечно, в деятельности этой структуры присутствует иная специализация. Однако, учитывая, что это подразделение МВД являет-

ся весьма малочисленным (в условиях огромного санкционного давления на Российскую Федерацию со стороны недружественных стран остается под вопросом само членство нашей страны в Интерполе), а важность работы ПДН и участковых уполномоченных является никак не меньшей (хотя бы по сравнительной численности), то и их ограниченный доступ к ОРД видится нам, по крайней мере, не менее необходимым, чем подобный доступ у сотрудников НЦБ Интерпола.

Исходя из вышеизложенного и с целью повышения эффективности борьбы с преступностью ПДН и участковых уполномоченных, улучшения их взаимодействия с ОУР мы предлагаем указанные подразделения (по аналогии с НЦБ Интерпола) допустить к ОРМ, не требуя санкции руководства (опросу, наведению справок, отождествлению личности), для чего внести изменения в Приказ, дополнив Перечень п. 10, изложив его в следующей редакции: «подразделения по делам несовершеннолетних и участковые уполномоченные полиции: опрос, наведение справок, отождествление личности».

Подводя итог, мы также считаем необходимым учитывать, что предложенные нами шаги по ограниченному доступу ПДН и участковых уполномоченных к ведению ОРД не являются исчерпывающими, но представляются крайне важными и востребованными, а потому требующими дальнейшего исследования и реализации на практике.

Библиографический список

1. Базарбаев, А.С. Роль оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью / А.С. Базарбаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 1. – С. 174-176.
2. Беженцев, А.А. Историческое развитие государственных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в советский период / А.А. Беженцев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 2 (50). – С. 56-63.
3. Беженцев, А.А. Эволюция отечественных государственных органов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / А.А. Беженцев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – № 4 (8). – С. 22-28.

4. Богданов, А.В. Взаимодействие участковых уполномоченных полиции и подразделений уголовного розыска по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений / А.В. Богданов, Е.Н. Хазов, К.И. Озеров // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2020. – N 4. – С. 35-41.
5. Гамзина, А.В. Участие подразделений по делам несовершеннолетних в оперативно-розыскной деятельности: проблемы, пути решения / А.В. Гамзина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – N 1 (17). – С. 52-58.
6. Гришаков, А.Г. Профилактический обход административного участка, осуществляемый участковым уполномоченным полиции в жилом секторе: особенности работы с полученной информацией / А.Г. Гришаков // Алтайский юридический вестник. – 2021. – N 2 (34). – С. 49-54.
7. Железняк, Н.С. К вопросу о корректировке положений, регламентирующих понятие оперативно-розыскной деятельности / Н.С. Железняк // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – N 4(25). – С. 7-13.
8. Железняк, Н.С. «Острые углы» федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / Н.С. Железняк // Научный портал МВД России. – 2008. – N 2. – С. 65-69.
9. Игошин, Н.А. Глава 1. Введение в учебную дисциплину «Организация деятельности участкового уполномоченного полиции» / Н.А. Игошин // Организация деятельности участкового уполномоченного полиции : учебник. Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург: ООО «Р-КОПИ», 2017. – С. 12-28.
10. Лен, К.В. История службы участковых полиции / К.В. Лен. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. – 80 с.
11. Остапенко, Н.И. Проблемы взаимодействия сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и оперативных уполномоченных уголовного розыска в предупреждении преступности подростков, осужденных к условной мере наказания / Н. И. Остапенко // Российский следователь. – 2007. – N 9. – С. 23-26.
12. Решетов, Г.М. Некоторые вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых несовершеннолетними / Г.М. Решетов, А.В. Шахматов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – N 1(37). – С. 71-76.
13. Серов, А.В. О субъектах оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / А.В. Серов // Законодательство и практика. – 2016. – N 2 (37). – С. 81-83.
14. Шахматов, А.В. Современное состояние и проблемы конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел / А.В. Шахматов // Оперативно-розыскное противодействие преступлениям экономической направленности и коррупции: передовой опыт, проблемы и пути их решения : материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 мая 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 214-220.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.2/7

DOI 10.51980/2542-1735_2022_3_77

Денис Валерьевич ТОКМАНЦЕВ,
заместитель начальника кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент
den_tok@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ ИЛИ ДРУГИХ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

TO THE ISSUE OF THE CONCEPT AND MOMENT OF THE END OF THE ILLEGAL SALE OF DRUGS COMMITTED USING THE INTERNET OR OTHER INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

В статье рассматриваются предложенные в науке уголовного права и сформировавшиеся в судебной практике подходы к пониманию электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, уголовно-правовой оценке использования таких сетей для незаконного сбыта наркотиков и определению момента окончания данного преступления. Обосновывается вывод о том, что использование информационно-телекоммуникационных сетей не только на этапе передачи наркотиков, но и на этапе изготовления, приобретения, хранения, перевозки, переработки наркотиков с целью их реализации необходимо квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, даже если сама передача наркотиков была осуществлена из рук в руки. Предлагается при решении вопроса о моменте окончания незаконного сбыта наркотиков, совершенного дистанционным способом с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, исходить из того, было ли место закладки заранее обусловленным (предварительно оговорено с приобретателем) и каким способом информация о месте нахождения тайника-закладки была доведена до приобретателя (напрямую самим закладчиком или опосредованно через оператора).

The article discusses the approaches proposed in the science of criminal law and developed in judicial practice to the understanding of electronic and information and telecommunication networks, the criminal and legal assessment of using such networks for the illegal sale of drugs, and determining the moment when this crime ends. The conclusion is substantiated that the use of information and telecommunication networks not only at the stage of passing drugs, but also at the stage of manufacture, possession, storage, transportation, processing of drugs for the purpose of their sale must be qualified under paragraph «b» of Part 2 of Art. 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, even if the passing of drugs was carried out from hand to hand. It is proposed, when deciding the issue on the moment of the end of the illegal sale of drugs, committed

remotely using information and telecommunication networks, to proceed from whether the place of stashing drugs was predetermined (agreed with the customer beforehand) and in what way the customer was informed about the location of the hiding place (directly by the drug courier himself or indirectly through the operator).

Ключевые слова: сбыт, информационно-телекоммуникационные сети, сеть Интернет, электронные сети, средства массовой информации, изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка, наркотические средства, наркотики, психотропные вещества, оконченное преступление, неоконченное преступление.

Keywords: sale, information and telecommunication networks, Internet, electronic networks, mass media, manufacture, process, acquisition, possession, transportation, narcotic drugs, drugs, psychotropic substances, completed crime.

Глава государства В.В. Путин неоднократно отмечал опасность проникновения криминала в сферу информационных технологий и телекоммуникаций, а также в важность наращивания борьбы с незаконным оборотом наркотиков¹.

В настоящее время происходит процесс цифровой трансформации наркопреступности. Ежегодно наблюдается все более активное использование наркосбытчиками IT-технологий, электронных торговых площадок в теневом сегменте сети Интернет. По данным Генеральной прокуратуры РФ, более 40% всех выявленных фактов сбыта наркотиков происходит через сеть Интернет². Только в 2021 году по инициативе МВД России заблокированы порядка 70 тысяч интернет-ресурсов, используемых для распространения наркотиков. IT-технологии вытеснили «классический» способ незаконного сбыта наркотиков – «из рук в руки», позволили использовать маркетинговые уловки (предоставление скидок, «пробников» и др.) как для удержания постоянных наркоприобретателей, так и для привлечения новых покупателей [2, с. 3-5].

Следствием цифровой трансформации наркопреступности являются следующие тенденции:

- развитие дистанционных способов незаконного сбыта наркотиков и вербовки соучастников для закладки наркотиков;
- использование сервисов анонимизации личности (обезличивания персональных данных, «следов присутствия») наркосбытчика в цифровом пространстве;
- создание криптомаркетов, являющихся анонимными платформами для незаконного сбыта наркотиков.
- использование криптовалют в криминальных взаиморасчетах наркосбытчика и наркоприобретателя;
- расширение географических границ сбыта наркотиков;
- автоматизация процесса сбыта наркотиков, ввиду чего участие сбытчика может быть ограничено постановкой задачи компьютерной программе или чат-боту, работающим в IT-сети.

Как справедливо заметил Е.А. Рускевич, опасность незаконного сбыта наркотиков с использованием IT-технологии не только в том, что их использование позволяет законспирировать преступную деятельность, но и, что более важно, оно значительно упрощает распространение наркотиков [7, с. 202-203].

Введенный более 10 лет назад в ст. 228.1 УК РФ квалифицирующий признак

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России. Официальный сайт «Президент России». Режим доступа: URL: www.kremlin.ru (дата обращения 20.07.2022).

² Интервью ТАСС начальника Главного организационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры РФ А.Некрасова. URL: www.tass.ru (дата обращения 20.07.2022).

– незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)¹ (далее – СМИ, ЭС и ИТС соответственно) – в отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ не имеет единого понимания и применения в следственной и в судебной практике, что снижает эффективность уголовно-правового предупреждения данных преступлений. По-прежнему остаются актуальными вопросы о понятии электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, о том, что следует понимать под их использованием для незаконного сбыта наркотиков, и с какого момента данное преступление следует считать оконченным [4; 5; 8; 9].

Правоприменители не всегда обращают внимание на то, что указанные в п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ признаки являются самостоятельными, альтернативными по отношению друг к другу. Вменение любого из них, как и их совокупности, должно основываться на фактических обстоятельствах дела. Недопустимо вменение излишних, не нашедших фактического подтверждения, признаков.

Шестой кассационный суд общей юрисдикции указал, что поскольку судом установлено, что преступления были совершены С. с использованием информационной сети Интернет, квалификация действий осужденного помимо данного квалифицирующего признака еще и по признаку совершения их с использованием средств массовой информации является излишней².

Седьмой кассационный суд общей юрисдикции указал, что, поскольку судом установлено, что преступления были совершены В. с использованием информационной сети Интернет, описание действий осужденного помимо данного квалифицирующего признака еще и по признаку совершения их с использованием средств массовой информации является излишней, как следует из описания преступлений, средства массовой информации для совершения сбыта наркотических средств В. не использовались³.

При толковании и применении таких признаков, как СМИ и ИТС, следует основываться на положениях Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 «О средствах массовой информации» и Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴. В них приведены определения понятий СМИ и ИТС, соответственно.

Следует учитывать, что, если незаконный сбыт наркотиков совершен с использованием сетевых изданий (сайтов в ИТС Интернет, зарегистрированных в качестве СМИ в установленном порядке), содеянное следует квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ как совершенное с использованием СМИ. Использование для совершения указанного деяния сайтов в ИТС Интернет, не зарегистрированных в качестве СМИ в установленном порядке, квалифицируется по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ как деяние, совершенное с использованием ЭС или ИТС, в том числе сети Интернет⁵.

1 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.03.2012 N 18-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

2 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.12.2020 N 77-3390/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2021 N 77-2754/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Средство массовой информации – это периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (ст. 2 Закона РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации»); информационно-телекоммуникационная сеть – это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники (ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

5 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 (ред. от 03.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

Официального толкования понятия «электронная сеть» нет. В юридической литературе и в решениях судов понятие ЭС нередко отождествляется с понятием ИТС¹. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу о незаконном сбыте наркотиков отнесла сеть Интернет не только к ИТС, но и к ЭС, вменив два указанных признака². В отсутствие правовой определенности отличий ЭС от ИТС в настоящей работе для обозначения этих сетей будет использовано общее обозначение – IT-сети.

Пленум Верховного Суда РФ не разъясняет, что следует понимать под незаконным сбытом наркотиков с использованием IT-сетей³.

В 2015 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в одном из своих решений указала, что сбыт наркотиков следует признавать совершенным с использованием IT-сетей, когда их применение связано исключительно с выполнением объективной стороны преступления – с процессом передачи наркотиков потребителю, т.е. с получением информации о месте нахождения тайника-закладки⁴.

Подобный подход можно найти и в региональной судебной практике. Например, Свердловский областной суд, исключая из квалификации признак использование IT-сетей, сослался на то, что виновная использовала сотовый телефон исключительно для обсуждения с наркоприобретателем места их встречи для последующей контактной передачи наркотиков⁵.

В юридической литературе также есть мнение о том, что сбыт наркотиков с использованием IT-сетей – бесконтактный сбыт наркотиков, когда сбытчик использует такие сети

исключительно для информирования потребителя о месте нахождения тайника-закладки с наркотиком [1].

Заметим, что при таком подходе вменение данного признака исключается в следующих случаях:

1) если сбыт наркотиков осуществлялся из «рук в руки», а IT-сети использовались сбытчиком лишь для того, чтобы обсудить с приобретателем место их встречи и передачи наркотиков [1; 6];

2) если IT-сети использовались только соучастниками для связи между собой для обсуждения действий, направленных на незаконный сбыт наркотиков.

Показательным примером исключения из квалификации признака «использование IT-сетей» является решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Ф. Он руководил организованной группой, сбывающей наркотики. Для контроля деятельность участников группы и дачи им указаний Ф. использовал телефон с сотовой связью. Для связи с наркоприобретателями участники группы также использовали телефоны с сотовой связью. Передача наркотиков и оплата за него осуществлялись при личной встрече сбытчика и покупателя. Первоначально действия Ф. были квалифицированы как незаконный сбыт наркотиков с использованием IT-сетей. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила из квалификации данный признак, сделав ряд разъяснений:

1) лицо может быть осуждено по данному признаку только в тех случаях, когда это лицо с использованием IT-сетей выполняет объективную сторону состава данного преступления;

1 Например, С.И. Земцова полагает, что таковыми является сеть, предназначенная для передачи и получения информации посредством проводных и сотовых телефонов, компьютеров и электронных терминалов перевода денежных средств [3].

2 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.01.2018 N 48-АПУ17-30 // СПС «КонсультантПлюс».

3 В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 (в ред. от 30.06.2015) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» приводится лишь общее понятие незаконного сбыта наркотиков.

4 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.12.2015 N 48-АПУ17-30 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 14.04.20015 N 22-3195/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

2) само по себе использование сотовой телефонной связи при обращении приобретателя к сбытчику, с просьбой продать наркотики, не свидетельствует о том, что при непосредственной передаче наркотиков, их оплате, использовались IT-сети;

3) использование сотовой телефонной связи в переговорах, связанных со сбытом наркотиков, как между сбытчиком и приобретателем, так и между самими соучастниками по сбыту, по существу не отличается от использования данными лицами телефонной кабельной связи при осуществлении таких переговоров¹.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в приведенных решениях, с одной стороны, справедливо указала, что незаконный сбыт с использованием IT-сетей предполагает использование таких сетей именно при выполнении объективной стороны незаконного сбыта наркотиков, с другой стороны, что вызывает возражение, связала объективную сторону состава данного преступления исключительно с передачей наркотиков другим лицам.

Такое понимание объективной стороны незаконного сбыта наркотиков не соответствует «новому», однако уже действовавшему на момент принятия указанных судебных решений, разъяснению Пленума Верховного Суда РФ об объективной стороне незаконного сбыта наркотиков. Напомним, что 30 июня 2015 г. Пленум Верховного Суда РФ дополнил постановление «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» п. 13.2, в котором указал, что незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, веществ, растений, направленные на их последующую реализацию, также составляют часть объективной стороны сбыта. Соответственно, совершение любого из указанных действий с использованием IT-сетей с умыслом на реали-

зацию наркотических средств охватывается п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ.

Таким образом, первый подход не учитывает изменения, внесенные от 30 июня 2015 г. в постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в части расширения объективной стороны незаконного сбыта наркотиков. Однако именно этот подход получил распространение в практике кассационных судов общей юрисдикции.

Шестой кассационный суд общей юрисдикции в решении по делу Г., указал, что оснований для квалификации действий Г. по признаку «с использованием IT-сетей» не имелось. В обоснование своего решения суд пояснил, что данный признак вменяется только в тех случаях, когда виновный с использованием IT-сетей выполняет объективную сторону незаконного сбыта наркотиков. Использование сотовой связи при общении между участниками преступной группы, между приобретателями и лицами, сбывающими наркотики, а также использование платежной системы «QIWI» сами по себе не свидетельствуют о том, что при непосредственной передаче наркотиков и оплате за них использовались IT-сети².

В практике кассационных судов общей юрисдикции встречается и другой подход к пониманию незаконного сбыта наркотиков с использованием IT-сетей. Например, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в определении по делу в отношении П. указал на ряд принципиальных положений, связанных с толкованием и применением рассматриваемого признака, на наш взгляд, полностью соответствующих уголовному закону и руководящим разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ:

1) незаконный сбыт наркотиков как незаконная деятельность включает в себя ряд последовательных действий по изготовле-

1 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.12.2015 N 48-АПУ15-45 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2021 N 77-1466/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

нию, приобретению, хранению, перевозке, переработке наркотиков и передаче их приобретателю, совершаемых с конечной целью реализации наркотиков;

2) поскольку каждое из этих действий является элементом деяния, образующего объективную сторону незаконного сбыта наркотиков, совершение любого из перечисленных действий с использованием IT-сетей влечет квалификацию преступления по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ независимо от того, завершилось ли оно передачей наркотиков приобретателю, или нет;

3) для квалификации действий виновного по признаку незаконного сбыта наркотиков с использованием IT-сетей достаточно приобретения наркотиков с использованием таких сетей, даже если сама передача наркотиков была осуществлена из рук в руки, поскольку часть объективной стороны незаконного сбыта наркотиков совершена с использованием IT-сетей

4) квалифицирующий признак образует использование IT-сетей на любой стадии выполнения объективной стороны незаконного сбыта наркотиков.

Как следует из фактических обстоятельств, установленных судом, П. приобрел и оплатил криптовалютой биткоин посредством мобильной связи с использованием сети Интернет на интернет-ресурсе «Гидра» наркотические средства, которые в дальнейшем он намеревался сбывать. Однако в связи с задержанием и изъятием наркотического средства П. не удалось довести преступление до конца. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции указал, что, совершив действия по незаконному приобретению наркотических средств с использованием IT-сетей, осужденный П. фактически приступил к выполнению объективной стороны незаконного сбыта. Таким образом, для выполнения объективной стороны преступления – покушения на незаконный сбыт наркотиков – П. использовал IT-сеть¹.

При решении вопроса о моменте окончания незаконного сбыта наркотических средств с использованием IT-сетей дистанци-

онным способом через закладку следует учитывать два обстоятельства:

а) является ли место закладки заранее обусловленным (определенным) местом, т.е. оговорили ли сбытчик и приобретатель заранее (до размещения закладки) место, где будет размещена закладка с наркотическим средством или место нахождения закладки является тайным для приобретателя;

б) каким способом (напрямую приобретателю или опосредованно через оператора (куратора)) доведена до приобретателя информация о месте нахождения тайника-закладки (если место не было заранее обусловлено) или о том, что закладка с наркотическим средством размещена в обусловленном (заранее оговоренном с приобретателем) месте.

Ситуация первая: сбытчик-закладчик, используя IT-сети, заранее оговорил с наркоприобретателем место размещения закладки и после получения подтверждения оплаты наркотического средства разместил закладку с наркотическим средством в оговоренном месте.

В таком случае содеянное следует квалифицировать как оконченный незаконный сбыт наркотиков с использованием IT-сетей, даже если приобретатель не забрал наркотики из закладки.

Если сбытчику-закладчику по не зависящим от него причинам не удалось разместить закладку с наркотиками в оговоренном с приобретателем месте, его действия следует квалифицировать как покушение на незаконный сбыт наркотиков с использованием IT-сетей.

Ситуация вторая: в соответствии с заранее распределенными ролями закладчик предварительно разместил наркотики в несколько тайников (места, заранее не известные покупателям) и сообщил координаты этих мест сбытчику-оператору, который, используя IT-сети, установил контакт с покупателем, после получения от него подтверждения оплаты наркотиков сообщил ему место тайника с закладкой.

Содеянное в таком случае следует квалифицировать как оконченное преступление

¹ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.07.2022 по делу N 77-2731/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

– незаконный сбыт наркотиков с использованием IT-сетей – с момента сообщения сбытчиком-оператором координат (адреса) места закладки, даже если приобретатель не забрал наркотики. Высшая судебная инстанция разъясняет, что бесконтактный сбыт наркотиков квалифицируется как оконченное преступление, если сведения о месте закладки наркотиков, переданные закладчиком другому соучастнику преступления (оператору, куратору и т.п.), доведены последним до приобретателя этих средств¹.

Если сбытчик-оператор не смог найти потенциального покупателя и сообщить ему информацию о месте нахождения закладки с наркотиками, например, если до установления контакта с покупателем или после оплаты им наркотиков, но до сообщения ему (покупателю) сбытчиком-оператором информации о месте тайника с закладкой наркотиков, данные средства были обнаружены и изъяты сотрудниками правоохранительных органов, действия сбытчика-закладчика и сбытчика-оператора следует квалифицировать как покушение на незаконный сбыт наркотиков с использованием IT-сетей. Верховный Суд РФ разъясняет, что помещение в тайники наркотических средств и сообщение о местах их закладок куратору без доведения этой информации до наркозависимых не может рассматриваться как оконченное преступление².

Незаконный сбыт наркотиков не может квалифицироваться как оконченное преступление, если информация о местах произведенных лицом закладок наркотиков по не зависящим от него обстоятельствам не была доведена до приобретателей этих средств³.

М.М. и М.Я. дистанционно вступили в сговор с лицом, выполняющим функции оператора, на распространение наркотического средства – производного N-метилэфедрона – бесконтактным способом путем установления закладок. Оператор через тайник пере-

дал М.М. и М.Я. наркотическое средство для фасовки и последующего размещения в тайниках. М.М. и М.Я., осуществив фасовку наркотических средств, провели их закладку в б тайниках. Используя IT-сети, М.М. направил оператору отчет с описанием указанных мест (координат) произведенных закладок. Оператор приискал покупателей В. и Х. и, получив от них оплату, сообщил им место одной из закладок с наркотическим средством. В ходе проведения ОРМ сотрудники полиции выявили факт приобретения В. и Х. наркотиков через один из тайников. Позже сотрудники полиции обнаружили и изъяли наркотики, размещенные в оставшихся тайниках.

Действия М.М. и М.Я. судами первой, апелляционной и кассационной инстанций были квалифицированы как оконченный сбыт наркотиков с использованием IT-сетей. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переквалифицировала их действия на покушение на незаконный сбыт наркотиков, так как информации о местах нахождения оставшихся закладок с наркотиками не была доведена до приобретателей⁴.

С учетом изложенного можно сделать ряд наиболее значимых выводов:

1) в связи с отсутствием официального толкования термина «электронные сети» следственные органы и суды не всегда проводят отграничение этих сетей от информационно-телекоммуникационных сетей, допускают квалификацию «с запасом», вменяя виновному два отмеченных квалифицирующих признака, что приводит к искусственному увеличению объема обвинения и как следствие – к назначению наказания, не соответствующего общественной опасности совершенного преступления, т.е. к существенному нарушению уголовного закона;

2) квалифицирующий признак образует использование IT-сетей на любом этапе выполнения объективной стороны незаконного

1 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2021. N 3 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. N 1.

2 Определение Верховного Суда РФ от 01.07.2021 N 25-УД21-12-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2022. N 1 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. N 7.

4 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2021 N 72-УДП21-10-К8 // СПС «КонсультантПлюс»; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2022. N 1.

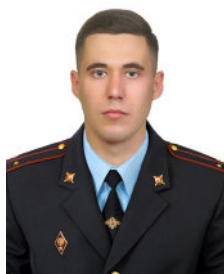
сбыта наркотиков, т.е. не только на этапе передачи наркотиков, но и на этапе изготовления, приобретения, хранения, перевозки, переработки наркотиков с целью их реализации;

3) при решении вопроса о моменте окончания незаконного сбыта наркотиков, совершенного дистанционным способом с исполь-

зованием IT-сетей, следует исходить из того было ли место закладки заранее обусловленным (предварительно оговорено с приобретателем) и каким способом информация о месте нахождения тайника-закладки была доведена до приобретателя (напрямую самим закладчиком или опосредованно через оператора).

Библиографический список

1. Винокуров, В.Н. Особенности квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей / В.Н. Винокуров, А.Р. Анциферова // Современное право. – 2019. – N 10. – С. 93-96.
2. Гаврилин, Ю.В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях : информационно-аналитические материалы (научный доклад) / Ю.В. Гаврилин, А.А. Васильченко. – М.: Академия управления МВД России, 2021.
3. Земцова, С.И. Предмет доказывания при расследовании преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) / С.И. Земцова // Современное право. – 2015. – N 4. – С. 126-133.
4. Курченко, В.Н. Квалификация сбыта наркотиков с использованием СМИ, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей / В.Н. Курченко // Уголовный процесс. – 2016. – N 7. – С. 32-37.
5. Курченко, В.Н. Специфика поддержания обвинения по делам о сбыте наркотиков / В.Н. Курченко // Законность. – 2019. – N 7.
6. Любавина, М.А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст. ст. 228 и 228.1 УК РФ : учебное пособие / М.А. Любавина. – СПб., 2016.
7. Русскевич, Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : дисс. ... докт.юрид.наук : 12.00.08 / Е.А. Русскевич. – М., 2020.
8. Типольская, Е.В. Проблемы квалификации сбыта наркотиков с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей / Е.В. Типольская // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXV международной научно-практической конференции. – Часть 2. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. – С. 165-168.
9. Хромов, Е.В. Проблемы квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») / Е.В. Хромов // Криминалистика. – 2021. – N 3. – С. 32-38.

Дмитрий Сергеевич ЗИНЧЕНКО,

научный сотрудник отделения организации
научно-исследовательской работы
научно-исследовательского отдела
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина
dmitriy.zinchenko.1998@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**FEATURES OF CRIMINOLOGICAL PREVENTION OF CRIMES RELATED
TO ILLICIT DRUG TRAFFICKING COMMITTED USING INFORMATION
AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES**

В статье рассматриваются вопросы криминологического предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, характеризующихся постоянным возникновением новых платформ и способов бесконтактной продажи наркотиков и психотропных веществ. Анализируются особенности незаконного оборота наркотиков, совершаемого посредством глобальной сети Интернет, проводимые мероприятия, вносятся предложения по их усовершенствованию с учетом динамики преступности в данной сфере, латентности и разнообразия способов их совершения. Указывается на необходимый комплексный подход, позволяющий противодействовать данному негативному явлению, который затрагивает органы государственной власти и законодательство.

The article deals with the issues of criminological prevention of crimes related to illicit drug trafficking committed using information and telecommunication technologies, characterized by the constant emergence of new platforms and methods of contactless sale of drugs and psychotropic substances. The features of drug trafficking committed via the global Internet are analyzed, the activities carried out, proposals are made for their improvement taking into account the dynamics of crime in this area, latency and variety of ways to commit them. The necessary comprehensive approach is indicated, which makes it possible to counteract this negative phenomenon, which affects public authorities and legislation.

Ключевые слова: предупреждение, наркотические средства, пресечение, незаконный оборот, Интернет, преступность, информационно-телекоммуникационные технологии.

Keywords: prevention, narcotic drugs, suppression, illegal trafficking, Internet, crime, information and telecommunications technologies.

Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, – это одна из главных проблем России и всего мира на сегодняшний день. Несмотря на то, что государство предпринимает достаточно серьезные усилия по предупреждению преступных посягательств в данной сфере, существенных успехов достичь пока не удастся. Статистические данные, отражающие динамику развития преступных деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, свидетельствуют об их росте: в 2015 г. возбуждены 323 уголовных дела, в 2018 – 734, в 2020 г. рассматриваемых деяний выявлено 5347¹.

Общественная опасность данной проблемы констатируется не только учеными, но и депутатами Государственной Думы Российской Федерации, которые предлагают внесение различных изменений в законодательство. Например, депутат Государственной Думы Российской Федерации В.М. Власов аргументировал позицию об увеличении сроков лишения свободы в санкции статьи, предусматривающей ответственность за незаконный оборот наркотиков, тем, кто осуществляет сделки в Даркнете (теневой части Интернета, принадлежащей частникам, контроль над которой отсутствует), однако каких-либо оперативных рычагов по их пресечению не имеется².

Как отмечается, российская площадка по продаже наркотиков «Гидра» в Даркнете «стала мировым лидером» и «спрос на наркотики в России уверенно растет». Более того, ее аудитория за первую половину 2019 г. оценивалась в 750 тыс. человек, ежедневно на данном сайте оставляются 13625 закладок с наркотическими средствами общей стои-

мостью около 227 млн рублей. Подчеркнем, что также с помощью не менее популярного мессенджера «Телеграм» в настоящий момент в России распространяется 99% наркотических средств³. Хотелось бы отметить, что американский технический специалист агент Эдвард Сноуден назвал еще один мессенджер («Signal»), который создан с использованием сквозного шифрования, что практически сводит к нулю шансы третьих лиц изучить переписку и получить сведения личного характера, он надежно защищен от спецслужб. Из этого можно сделать вывод, что с использованием этой интернет-сети также совершается большое количество преступлений, статистика которых даже не известна. Сотрудниками оперативных подразделений проводятся различные предупредительные и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на предотвращение, предупреждение и выявление данных преступлений. Например, последние проводимые оперативными подразделениями Федеральной службы безопасности предупредительные мероприятия констатировали высокий уровень распространения наркотических средств. Так, в 10 регионах изъято 440 кг наркотиков, стоимость которых оценивается в 650 млн рублей, при этом данную преступную деятельность осуществляли межрегиональные группировки, организовавшие один из крупнейших теневых интернет-магазинов⁴. Незаконный оборот наркотических средств посредством использования информационно-коммуникационных технологий получил наименование «бесконтактный», обозначающий, что приобретение и передача веществ осуществляется дистанционно, приобретатель не встречается с продавцом, а денежные средства за покупку направляются через электронные платежные системы.

1 Статистика и аналитика // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101761> (дата обращения: 15.01.2021).

2 Парламентарии и эксперты признают отсутствие контроля над распространением психотропных веществ // Официальный сайт газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/949060/natalia-bashlykova/torg-neumesten-za-sbyt-narkotikov-v-seti-predlagaiut-davat-25-let> (дата обращения: 02.12.2019).

3 Там же.

4 Россия: насколько эффективна война с наркотиками? // Официальный сайт новостного канала «Рамблер». URL: https://news.rambler.ru/other/42777492/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 05.09.2019).

Характерные особенности такого способа совершения преступного деяния состоят в их повышенной латентности, тщательной маскировке как при распространении с помощью различных мессенджеров, так и непосредственно на просторах Даркнета. Однако следует отметить, что первоначальный этап деятельности по предотвращению и в дальнейшем по предупреждению незаконного оборота наркотических средств состоит в производстве мониторинга электронных ресурсов, который осуществляет Роскомнадзор. Так, за девять месяцев 2020 г. блокировке подверглись 14 тысяч сайтов, размещенная информация на которых относилась к разряду запрещенной, то есть либо пропагандирующей употребление наркотических средств, либо предлагающей их приобретение.

Вместе с тем нередко установить владельцев данных электронных ресурсов не представляется возможным в связи с тем, что регистрация таких сайтов проводилась в зарубежных государствах, и, соответственно, пресечь их деятельность в полной мере и привлечь к ответственности довольно затруднительно, практически нереализуемо. Более того, владельцы интернет-сайтов, занимающихся распространением запрещенных веществ, зачастую «привлекают» покупателей различными маркетинговыми уловками: предоставлением наркотического средства впервые без взимания платы (применяется в отношении «новичков»), утверждением различных скидок (применяется в отношении постоянных приобретателей)¹.

Подчеркнем, что отыскание интернет-магазина или интернет-сайта, предлагающего приобрести наркотические средства, не требует больших затруднений, однако его основное предназначение может заключаться в том, что он используется в качестве маскировки для перенаправления на специализированные площадки или же владельцем данного ресурса является «новичок» в наркобизнесе. Указанные специализированные

площадки представляют собой интернет-сайты, на которых осуществляют регистрацию интернет-магазины, реализующие продажу наркотических веществ, например, наиболее популярным является Legal.RC2. В пространственных и территориальных границах нашего государства доступ к данному электронному ресурсу заблокирован соответствующим решением Роскомнадзора, но вместе с тем посетить этот сайт, а также воспользоваться его «специальными» предложениями представляется возможным с помощью программ свободного доступа (например, TOR).

Приведем пример одного из способов сбыта наркотических средств из судебной практики: Л., находясь на специализированном сайте «StarWars», получил посредством электронной переписки на данном сайте предложение о распространении наркотических средств. Затем с помощью мессенджера «Телеграм» вступил в обмен мгновенными сообщениями с неизвестным лицом и договорился о совместном распространении наркотических средств².

Отметим, что информирование потенциальных клиентов осуществляется следующим образом: сведения о структурных и размерных характеристиках наркотического средства, его количественная составляющая, а также цена устанавливаются на специализированных интернет-площадках, при посещении которых покупатель выбирает нужный ему товар, заказывает его и проводит оплату, используя электронные платежные системы (например, «Киви», «Яндекс.Деньги» и иные подобные системы). После оплаты заказанного товара в течение непродолжительного времени покупателю поступает уведомление о его местонахождении, приобретатель в отсутствие прямого межличностного контакта забирает «покупку» и покидает это место. Приведем пример из судебной практики, обстоятельства которого складывались следующим образом: Е., используя средство мобильной связи с установленными на нем

1 ФСБ пресекла деятельность одного из крупнейших в России онлайн-магазинов наркотиков // Официальный сайт газеты «RT». URL: <https://russian.rt.com/russia/article/686643-fsb-narkotiki-darknet-specoperaciya> (дата обращения: 13.11.2019).

2 Материалы Головинского районного суда. Уголовное дело N 1-2/2020.

программами (Jabber, ICQ), предназначенными для виртуального общения посредством подключения к сети Интернет, вступил в преступный сговор с неустановленным в период следствия лицом, имеющим псевдоним «SilentShopPenza», с целью осуществления преступного сговора, направленного на незаконный сбыт наркотических средств, и согласился с ролью закладчика. В его непосредственные обязанности входили получение сведений о местонахождении закладок, их изъятие и доставка по конкретным адресам, однако о том, в каких именно предметах они помещены (оконные рамы, горшки с цветами), Е. должен был сообщать неустановленному лицу через приложение Jabber. В случае успешного помещения закладок неустановленное лицо за каждую из них перечисляло денежные средства на счет Е., открытый в «Киви-кошельке»¹.

Построение подобной бесконтактной системы выступает отличительной чертой наркобизнеса: каждое из звеньев строго законспирировано, покупатель контактирует с продавцом исключительно посредством информационно-коммуникационных технологий, курьер, распространяющий наркотические средства, не имеет представления о личности покупателя, а также о личности «закладчика» – того лица, которое прибывает с наркотиком в установленное место.

Такая тенденция обуславливается несколькими аспектами: во-первых, соблюдение конфиденциальности – вероятность выявления правоохранительными органами организатора конкретной преступной схемы крайне мала ввиду незнания низшими звеньями своего работодателя; во-вторых, отсутствие личных контактов и осуществление связи исключительно посредством информационно-коммуникационных технологий обеспечивает быстрое информирование потенциальных клиентов о возможности приобретения запрещенных веществ, стремительный рост доходов.

Несмотря на отсутствие межличностного контакта, отличительной чертой наркобизнеса также выступает соблюдение строго

установленной иерархии, безусловного подчинения низшего звена высшему, при этом фиксируется широкий спектр правил, обязательных для соблюдения в целях как обеспечения безопасности, так и бесперебойного получения доходов.

В качестве низшего звена выступают закладчики, основное предназначение которых состоит в распределении веществ по конкретным адресам, указанным оператором [5, с. 78].

Деятельность закладчика напрямую зависит от деятельности курьера, который доставляет определенное количество наркотического средства в обусловленное место по распределению того же оператора (это может быть несколько штук или несколько десятков свертков, пакетов). Ключевая роль отводится вербовщикам, в обязанности которых входит привлечение как новых работников, так и выявление потенциальных клиентов.

Такая должность, как куратор, предназначена для осуществления контроля над деятельностью операторов в конкретном регионе, а высшую ступень в иерархии конкретного субъекта занимает финансовый директор [6, с. 86].

Важен также специалист, осуществляющий техническое и информационное обеспечение участников преступной организации, он отвечает за надлежащую конспирацию взаимодействия субъектов в мессенджерах, а также на сайтах интернет-магазинов, занимающихся распространением наркотических средств. Данные лица поддерживают связь посредством использования мессенджеров [4, с. 92].

Таким образом, можно констатировать, что безопасности функционирования преступной схемы уделяется особое внимание, как показывает практика, к уголовной ответственности зачастую привлекаются рядовые работники – непосредственные закладчики и курьеры. Несмотря на то, что с такими лицами проводятся разъяснительные беседы по обеспечению собственной безопасности, безопасности товара, его распространения, нередко именно низшее звено оказывается в

¹ Материалы Абakanского городского суда Республики Хакасия. Уголовное дело N 1-223/2019.

поле зрения сотрудников правоохранительных органов, что закономерно, так как крупные деятели наркобизнеса используют закладчиков в качестве расходного материала.

Однако привлечь к ответственности организатора наркобизнеса представляется возможным тогда, когда это лицо самостоятельно выполняет функцию закладчика; в подтверждение приведем пример из судебной практики. Так, К. являлся организатором и руководителем преступной группы, осуществлявшей деятельность по незаконному распространению наркотических средств. В его непосредственные обязанности входили планирование и подготовка преступлений, распределение обязанностей между участниками, приискание наркотических средств, обеспечение их фасовки и укладки, распределение между закладчиками, контроль получения денежных средств и иные функции. Исполняя обязанности оператора, К. выдавал указания закладчикам о доставлении веществ по конкретным адресам, а покупателям сообщал их местонахождение. К. задержали сотрудники полиции в процессе помещения наркотического средства в тайник¹. Анализируя данный пример, можем констатировать, что организатор пренебрегал мерами предосторожности и не обеспечивал безопасность на том уровне, который характерен для наркобизнеса (выполнял различные роли самостоятельно).

Процесс предупреждения и пресечения рассматриваемых нами преступных деяний отличается повышенной сложностью в связи в том числе с соблюдением преступниками конфиденциальности, мер безопасности и предосторожности.

Привлечение к ответственности закладчиков, конечно же, выполняет предупредительную роль для минимизации незаконного оборота наркотиков, однако на смену одним исполнителям приходят другие. Предупредительная деятельность также заключается в мониторинге объектов и предметов (средства мобильной связи и средства выхода в Интернет – мобильные телефоны, записные книжки, компьютерная техника, банковские

выписки, чеки, квитанции об осуществлении переводов и др.), при помощи которых могут совершаться преступления данной категории или которые указывают на наличие состава преступления. Исходя из этого в целях предупреждения представляется необходимым тщательным образом производить анализ и мониторинг указанных объектов [1, с. 110].

Кроме того, при осуществлении предупредительной деятельности нередко не представляется возможным истребовать информацию у владельцев конкретного электронного ресурса, на площадке которого осуществлялось взаимодействие между соучастниками, приобретателями, координаторами; на основании судебного решения сведения, содержащиеся в сообщениях, передаваемых посредством информационной связи, могут быть использованы в целях предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования, но для этого требуется определенное время, в течение которого информация может быть удалена заинтересованными лицами.

Предупреждение также складывается из процесса установления сотрудниками правоохранительных органов контакта с соучастниками, получения банковских выписок о движении денежных средств по счетам, а также выписок по конкретным счетам электронных кошельков с целью выявления злоумышленников. Нередко при осуществлении этих действий возникают различного рода проблемы. Хотя в некоторых регионах, например в Саратовской области, правоохранительные органы осуществляют тесное взаимодействие со службой безопасности «Киви-банка», которое проявляется в том, что если ранее ответ на запрос, поданный в адрес данной организации, приходилось ждать около трех месяцев, то в настоящий момент длительность ожидания составляет одни сутки [подр.: 2, с. 150].

Подчеркнем, что мероприятия, проводимые по предотвращению и предупреждению рассматриваемых преступлений, с каждым годом совершенствуются: в настоящий момент на территории нашего государства в семи регионах успешно функционирует АИС «НОН», основное предназначение которой

¹ Материалы Савеловского районного суда. Уголовное дело N 1-219/17.

состоит в том, что она содержит сведения относительно анкетных данных сбытчика, обстоятельств приобретения им запрещенных веществ, что позволяет проводить индивидуальную профилактическую деятельность. В данную базу вносятся ключевые сведения, по которым представляется возможным определить совпадения между раскрытым и нераскрытым преступлением: фиксируются использованные при сбыте наименования абонентов (никнеймы), IP-адреса, с которых осуществлялся выход в интернет-пространство, MAC-номера, номера учетных записей, используемых злоумышленниками в различных программах, электронных платежных системах, банковских счетах, «Киви-кошельках», а также картографические места закладок наркотических средств.

Таким образом, предупреждение преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотических средств, не представляется возможным без использования специальных технических средств, выше-рассмотренных баз данных, положительный опыт функционирования которых констатируется в регионах, внедривших данные системы в практической деятельности.

Исключительной важностью в предупредительной деятельности обладает налаживание сотрудничества между службами безопасности действующих банковских организаций, а также электронных банков. Однако нередко злоумышленники используют обезличенные сим-карты, интернет-сайты и мессенджеры, доменные адреса которых находятся в другом государстве, которые отказываются сотрудничать со спецслужбами. Это существенно тормозит деятельность правоохранительных органов по пресечению данных преступных деяний. Но некоторые мессенджеры изменяют собственную политику. Например, в настоящий момент руководство «Телеграм»

изменило условия конфиденциальности, но исключительно в отношении лиц, подозреваемых в терроризме (планируется предоставление IP-адреса и номера мобильного телефона)¹, поэтому представляется необходимым обязать данный ресурс предоставлять сведения и в отношении лиц, подозреваемых в незаконном обороте наркотиков, совершаемом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Кроме того, по мнению некоторых исследователей, является обоснованным внесение изменений в законодательные акты, регулирующие информационное обеспечение относительно возможности установления контроля над сведениями, передающимися посредством мессенджеров и иных информационных площадок.

В целях эффективной борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств, которые совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, необходимо расширить перечень киберпреступлений, сделав сами формулировки более прозрачными; совершенствовать государственно-частное партнерство в проведении исследований и экспертиз с привлечением лучших IT-специалистов и новейших технологий; организовать и в последующем развивать координацию усилий в борьбе с киберпреступностью между заинтересованными странами мира.

Эффективное противодействие наркопреступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, защита прав и законных интересов граждан, а также обеспечение информационной безопасности государства в целом возможны только на основе постоянного совершенствования комплекса мер защиты и предупреждения, включая и формирование криминалистических методов и средств [3, с. 123].

¹ Telegram согласился передавать спецслужбам данные пользователей // Официальный сайт новостного канала РосБизнесКонсалтинг. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/08/2018/5b8527749a7947318f857b0f (дата обращения: 28.08.2018).

Библиографический список

1. Бабкин, Л.М. О некоторых аспектах оперативно-розыскного противодействия сбыту наркотических средств, осуществляемого посредством сети Интернет / Л.М. Бабкин, С.В. Булатецкий // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – N 2. – С. 119–114.
2. Дикарев, В.Г. К вопросу о противодействии бесконтактному способу сбыта наркотиков через сеть Интернет / В.Г. Дикарев, А.Ю. Олимпиев // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – N 8. – С. 147–152.
3. Курушин, В.Д. Компьютерные преступления и информационная безопасность / В.Д. Курушин, В.А. Минаев. – М.: Новый Юрист, 1998. – 256 с.
4. Тихомирова, В.В. Правовые механизмы борьбы с незаконным оборотом синтетических психоактивных веществ / В.В. Тихомирова // Совершенствование взаимодействия правоохранительных органов, общественных, религиозных организаций и средств массовой информации в сфере противодействия незаконному обороту и потреблению наркотических средств и психотропных веществ : сборник статей международной научно-практической конференции. – Хабаровск, 2014. – С. 92-96.
5. Чирков, Д.К. Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков: современный криминологический взгляд / Д.К. Чирков, О.Н. Корчагин // Национальная безопасность. – 2014. – N 5. – С. 75-114.
6. Чистанов, Т.О. Незаконный сбыт наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств / Т.О. Чистанов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – N 11-1. – С. 86-88.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.1 + 343.2

DOI 10.51980/2542-1735_2022_3_92

Яна Михайловна ПЛОШКИНА,

доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического института
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук

ploshkina_yana@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН И КОМПЕНСАЦИЕЙ ВРЕДА ПРИ СОВЕРШЕНИИ МНОГООБЪЕКТНОГО УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО ДЕЯНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ

POSSIBILITY OF TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS BECAUSE OF THE RECONCILIATION OF THE PARTIES AND COMPENSATION OF DAMAGE IN THE CASE OF A MULTI-OBJECT CRIMINAL ACT UNDER THE LAWS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Статья посвящена исследованию проблемы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон в Российской Федерации и компенсацией вреда в Германии при совершении двухобъектного уголовно наказуемого деяния. Анализ новейшей судебной практики и различных теоретических подходов показал, что в настоящее время в России еще не сформированы унифицированные критерии, позволяющие прекращать уголовные дела по многообъектному преступлению в связи с примирением сторон. С учетом германского опыта предлагается более широкое применение прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон по двухобъектным преступлениям.

The article is devoted to the study of the problem of termination of a criminal case because of the reconciliation of the parties in the Russian Federation and compensation for harm in Germany when committing a two-object criminally punishable act. An analysis of the latest judicial practice and various theoretical approaches has shown that at present in Russia unified criteria allowing to terminate criminal cases on a multi-object crime because of the reconciliation of the parties have not yet been formed. Taking into account the German experience, a wider application of the termination of a criminal case because of the reconciliation of the parties on two-object crimes is proposed.

Ключевые слова: примирение сторон, примирение с потерпевшим, компенсация причиненного потерпевшему вреда, прекращение уголовного дела, многообъектные преступления, уголовный проступок.

Keywords: reconciliation of the parties, reconciliation with the victim, compensation for the harm caused to the victim, termination of the criminal case, multi-object crimes, criminal offense.

В целях защиты прав потерпевших, процессуальной экономии и уменьшения количества осужденных в современном мире приобретают все большее значение альтернативные способы прекращения уголовно-правового конфликта в рамках уголовного процесса, позволяющие помимо принуждения или угрозы его применения добровольно разрешить возникший в результате совершенного уголовно наказуемого деяния конфликт. Одним из таких способов является возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и компенсацией вреда (№ 5 § 153а УПК ФРГ), которые имеют большое практическое значение. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, абсолютным и бесспорным лидером среди оснований прекращения уголовного дела выступает примирение сторон: в 2021 г. были прекращены по данному основанию 99491 уголовных дел; в 2020 г. – 99115, в 2019 г. – 106091¹. В германском уголовном процессе компенсация причиненного потерпевшему вреда – это одна из многих потенциально возлагаемых на обвиняемого обязанностей, предусмотренных в § 153а УПК ФРГ, при выполнении которых можно прекратить уголовное преследование. Согласно данным Федерального ведомства статистики, в Германии в 2016-2020 гг. компенсация причиненного потерпевшему вреда занимала второе место по частоте возлагаемых на обвиняемого обязанностей с целью отказа от уголовного преследования (от 5,3% до 6,7% случаев в зависимости от года); абсолютным и бесспорным лидером среди обязанностей и предписаний

является обязанность внести денежную сумму в пользу общественно полезного учреждения или в государственную казну (от 81,8% до 85% случаев в зависимости от года)².

Схожесть данных альтернативных способов прекращения уголовно-правового конфликта заключается в их добровольности как со стороны подозреваемого/обвиняемого, так и со стороны потерпевшего, когда они достигают определенного компромисса, удовлетворяющего их, в том числе в части заглаженного и компенсированного вреда, что способствует также восстановлению нарушенных прав потерпевшего. Однако возникает проблема: возможно ли прекратить в связи с примирением сторон или компенсацией вреда уголовные дела, в которых в результате преступного посягательства вред причиняется одновременно двум защищаемым уголовным законом объектам, так называемым двухобъектным уголовно наказуемым деяниям, т.е. когда лицо совершает сложное единичное уголовно наказуемое деяние, посягая на разные объекты, например на здоровье и порядок управления (ст. 318 УК РФ), здоровье и безопасность дорожного движения (ст. 264 УК РФ).

В российской науке и судебной практике имеются разные подходы к возможности прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон по двухобъектным преступлениям. Согласно одной позиции невозможно прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ, по делам о двухобъектных преступлениях, к каковым относятся, например, преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ, в которых преступное посягательство осущест-

1 Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел : сводные статистические данные о состоянии судимости за 2019-2021 гг. N 10.2. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 12.05.2022).

2 Так, прокуратурой на досудебной стадии были прекращены уголовные дела с возложением на обвиняемого обязанностей, предписаний по § 153а УПК ФРГ в 2016 г. – 174143, в 2017 г. – 169801, в 2018 г. – 167775, в 2019 г. – 167561, в 2020 г. – 161621. Из них с возложением обязанности внести денежную сумму в общественно полезное учреждение и госказну в 2016 г. – 142602 (81,8%), в 2017 г. – 140369 (82,6%), в 2018 г. – 140035 (83,4%), в 2019 г. – 141598 (84,5%), в 2020 г. – 137639 (85%) уголовных дел. Прокуратурой на досудебной стадии было прекращено следующее количество уголовных дел по § 153а УПК ФРГ с возложением на обвиняемого обязанности компенсировать потерпевшему причиненный вред: в 2016 г. – 11815 (6,7%), в 2017 г. – 11213 (6,6%), в 2018 г. – 10542 (6,2%), в 2019 г. – 9734 (5,8%), в 2020 г. – 8586 (5,3%). См. Statistisches Bundesamt, Fachserie 10, Reihe 2.6, 2016-2020, 26ff. URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Staat/Justiz-Rechtspflege/Publikationen/Downloads-Gerichte/staatsanwaltschaften-2100260207004.html> (дата обращения: 12.05.2022).

вляется на иной охраняемый законом объект и которые расположены в соответствующих главах УК РФ, а потерпевший при этом выступает лишь как дополнительное объективное проявление этого посягательства. Вывод о невозможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон обусловлен тем, что при совершении преступлений против общественной безопасности, правосудия, порядка управления не только отсутствует возможность достичь примирение с основным объектом, так как преступления, посягающие на данные объекты, в силу их характера и общественно опасных последствий не могут быть прекращены по воле лица, признанного потерпевшим, но и примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный этому основному объекту преступного посягательства [6, с. 35-36]. Кроме того, некоторые правоприменители, например представители прокуратуры, считают, что прекратить уголовные дела о двухобъектном преступлении, где в качестве одного из объектов выступает публичный интерес, невозможно без согласия государственного обвинителя, так как публичный интерес в соответствии с законом находится в его компетенции (определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2021 N 77-5226/2021).

Согласно другой позиции ни действующие нормы уголовного и уголовно-процессуального закона, ни толкующие их положения разъяснения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ не предусматривают какого-либо ограничения в применении положений закона о примирении сторон по уголовным делам о преступлениях, посягающих на два объекта и причиняющих вред не только физическому лицу. Однако, по мнению Верховного Суда РФ, представляется ошибочным довод, что уголовные дела с двухобъектными составами преступлений могут прекращаться на основании ст. 25 УПК РФ не только потому, что запрета нет в законе, но и в связи с тем, что, помимо ходатайства об этом потерпевшего, то есть второстепенного объекта, с

таким прекращением соглашается государственный обвинитель, защищающий интересы основного объекта посягательства, и, таким образом, являющийся его представителем. В уголовном судопроизводстве потерпевший и государственный обвинитель являются самостоятельными участниками процесса, наделенными различными правами и обязанностями, совмещение которых недопустимо. Не случайно поэтому в ст. 61 УПК РФ предусмотрено, что прокурор не может участвовать в производстве по делу и подлежит отводу, если он является по нему потерпевшим¹.

Кроме того, в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» отражено, что при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76 УК РФ «судам следует также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет (курсив наш. – Я.П.), наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание». Возможность прекращения уголовного дела о двухобъектном преступлении по данным основаниям прямо предусмотрена разъяснениями, содержащимися в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. N 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

Так, если двое потерпевших от хулиганства (ч. 1 ст. 213 УК РФ) помирились со всеми тремя обвиняемыми по данному делу и полностью удовлетворились возмещением

¹ Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием : утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1.06.2005 // СПС «КонсультантПлюс».

причиненного вреда, прекращение уголовного дела в целом не противоречит общему смыслу комментируемого правила [1, с. 18].

На сегодняшний день ни в российской науке, ни в практике нет устоявшейся, общепринятой как теоретиками, так и практиками позиции относительно критериев, когда по двухобъектным преступлениям возможно прекращать уголовные дела в связи с примирением сторон, а когда нет.

Так, по мнению А.В. Бриллиантова, если посягательство на основной объект признается малозначительным и при этом с потерпевшим достигнуто примирение, то виновный может быть освобожден от уголовной ответственности в связи с примирением сторон [2, с. 87].

Схожую позицию, сформулированную в обзоре судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием, утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 июня 2005 г., занимает Верховный Суд РФ. Если по делам о двухобъектных преступлениях, в которых преступное посягательство осуществляется на иной защищаемый законом объект, по роду которого указанные преступления расположены в соответствующих главах УК РФ, а потерпевший при этом выступает лишь как дополнительное объективное проявление этого посягательства, то в подобных случаях не только невозможно достичь примирения с основным объектом, но и примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный этому основному объекту преступного посягательства, а значит, преступление в целом не теряет своей общественной опасности и уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено. Данный вывод подтверждается судебной практикой – уголовные дела в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, которые не посягают на права и интересы конкретных потерпевших, суды на основании ст. 25 УПК РФ практически не прекращают. Однако если по делам о двухобъектных преступлениях посягатель-

ство на основной, приоритетный объект в силу малозначительности может быть признано формальным, а с потерпевшим достигнуто примирение, то и они также могут быть прекращены за примирением с потерпевшим. Данное решение суд должен мотивировать в постановлении. Например, Четвертый окружной военный суд признал правильным прекращение на основании ст. 25 УПК РФ уголовного дела в отношении майора В., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 334 УК РФ, поскольку помимо наличия других необходимых для этого условий по делу было установлено, что преступление он совершил из ложно понятых интересов службы, каких-либо последствий в виде вреда здоровью потерпевшего в результате нанесенных им последнему побоев не наступило, обвиняемый по военной службе характеризовался исключительно положительно, в содеянном чистосердечно раскаялся, добровольно возместил потерпевшему моральный вред¹.

Однако на данную аргументацию некоторые исследователи приводят такой контраргумент: как можно избить начальника во время или в связи с исполнением им своих служебных обязанностей, не причинив при этом вред порядку военной службы? [5, с. 16-21]

В связи с этим, по мнению В.Н. Винокурова, решение вопроса о возможности прекращения уголовного дела по двухобъектным преступлениям в связи с примирением сторон зависит от важности объектов преступлений, которым виновный причиняет вред. При совершении неосторожных преступлений, выражающихся в нарушении правил, повлекших причинение вреда человеку, прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон допустимо. В то же время при совершении умышленных преступлений, посягающих на лиц, осуществляющих правосудие или управленческую деятельность, прекращение уголовного дела по ст. 25 УПК РФ недопустимо, так как виновный причиняет вред отношениям в сфере правосудия и управления. Кроме того, недопустимо прекращать уголовное дело в связи с прими-

¹ Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием : утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1.06.2005.

рением сторон при совершении хулиганства (ч. 1 ст. 213 УК РФ), поскольку такие действия совершаются умышленно и причиняют вред и другим людям [4, с. 52-55]. Так, следуя логике ученого, недопустимо прекращать уголовные дела в связи с примирением сторон по преступлениям, предусмотренным ст. 97, 319 и ч. 1 ст. 318 УК РФ. Основным объектом указанных выше преступлений следует признавать не порядок осуществления правосудия и управления, дополнительным – честь, достоинство и здоровье человека, а честь, достоинство участников судебного разбирательства при осуществлении правосудия (ст. 297 УК РФ) и здоровье представителя власти (ст. 318 УК РФ) в связи с исполнением служебных обязанностей. Возмещение ущерба потерпевшему – физическому лицу при совершении в отношении его преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, не восстановит умаленный авторитет государственной власти, что фактически невозможно [4, с. 52-55].

Однако анализ новейшей российской судебной практики показал, что суды не придерживаются подобных критериев при решении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон по двухобъектным преступлениям. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ абсолютным и бесспорным лидером по прекращению уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим по двухобъектным преступлениям выступает ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) (в 2021 г. – 5229 прекращенных уголовных дел, в 2020 г. – 4523, в 2019 г. – 4953), второе место делят три статьи: ст. 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа), 318 (применение насилия в отношении представителя власти), 319 УК РФ (оскорбление представителя власти) (в 2021 г. – 263 уголовных дел, в 2020 г. – 393, в 2019 г. – 609), а по ст. 213 УК РФ (хулиганство) в 2021 г. 50 прекращенных уголовных дел, в 2020 г. – 85, в 2019 г. – 97¹.

Новейшая судебная практика в Российской Федерации признает возможность прекращения уголовного дела по преступлениям, предусмотренным ст. 319 и ч. 1 ст. 318 УК РФ, в связи с примирением сторон. Например, суд кассационной инстанции оставил без изменения решения судов нижестоящих инстанций, в соответствии с которыми уголовное дело по преступлениям, предусмотренным ст. 319, ч. 1 ст. 318 УК РФ, прекращено на основании ст. 25 УПК РФ за примирением с потерпевшими. Подсудимый обвинялся в публичном оскорблении представителей власти (сотрудников полиции) при исполнении ими своих должностных обязанностей, а также в применении насилия, не опасного для жизни и здоровья, в отношении одного из представителей власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. Преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 318, ст. 319 УК РФ, относятся к категории преступлений средней и небольшой тяжести, подсудимый ранее к уголовной ответственности не привлекался, полностью признал свою вину, раскаялся в содеянном, возместил причиненный потерпевшим вред путем принесения им извинений. Потерпевшие претензий к подсудимому не имеют, он принес им свои извинения, которые они приняли, иного возмещения с него они не требуют. При этом потерпевшие, инициировав перед судом рассмотрение этого вопроса, настаивали на прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. Интересно аргументация суда, который сослался на п. 2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 19, что принесение извинений является одним из способов заглаживания вреда, при этом согласно п. 10 указанного постановления способы заглаживания вреда определяются потерпевшим. Суд учел данные о принятии подсудимым мер по возмещению причиненного преступлением вреда в денежном выражении, несмотря на отказ потерпевших от возмещения вреда в такой форме, попытки заглаживания им вреда перед обществом и государством

¹ Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел : сводные статистические данные о состоянии судимости за 2019-2021 гг. N 10.2.

путем оказания благотворительной помощи детскому учреждению, а также данные о согласии руководства оскорбленных сотрудников полиции на прекращение уголовного дела в отношении данного лица в связи с примирением сторон. Следовательно, суд посчитал, что по делу соблюдена совокупность всех условий для применения в отношении подсудимого положений ст. 76 УК РФ. При этом на возражение прокурора о невозможности прекращения в связи с примирением с потерпевшим уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 319, ч. 1 ст. 318 УК РФ, суд возразил следующее, что по смыслу закона потерпевшим по уголовным делам об указанных преступлениях признается представитель власти, то есть непосредственно то физическое лицо, в отношении которого высказаны оскорбления, к которому применено насилие, не опасное для жизни и здоровья, либо высказаны угрозы применения такого насилия. УК РФ и УПК РФ не содержат прямых указаний, запрещающих прекращать в связи с примирением с потерпевшими указанные выше уголовные дела о так называемых двухобъектных преступлениях. Таким образом, запретов для прекращения уголовного дела по мотивам и основаниям, указанным в кассационном представлении, уголовный и уголовно-процессуальный закон не содержат (определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2021 N 77-5226/2021).

Рассмотрим судебную практику прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон по бесспорному и абсолютному лидеру среди двухобъектных составов преступлений – по ст. 264 УК РФ. Как следует из данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, среди прекращенных по ст. 264 УК РФ в связи с примирением с потерпевшим абсолютное большинство были прекращены по ч. 1 и ч. 2 ст. 264 УК РФ (в 2021 г. – 4302 уголовных дела, в 2020 г. – 3776, в 2019 г. – 4103). При этом анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что в абсолютном большинстве случаев уголовные дела в свя-

зи с примирением сторон были прекращены по ч. 1 ст. 264 УК РФ. Второе место по частоте прекращенных дел по данному основанию занимают ч. 3 и 4 ст. 264 УК РФ (в 2021 г. – 886, в 2020 г. – 722, в 2019 г. – 823 уголовных дел), а третье место – ч. 5 и 6 ст. 264 УК РФ (в 2021 г. – 41, в 2020 г. – 25, в 2019 г. – 27 уголовных дел)¹.

Особо заслуживает внимания аргументация судов при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон даже и по ч. 3 ст. 264 УК РФ. Так, согласно кассационному определению Третьего кассационного суда общей юрисдикции «законом указан исчерпывающий перечень оснований, необходимых для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. УПК РФ не содержит каких-либо ограничений в процессуальных правах лиц, признанных потерпевшими в порядке, установленном ч. 8. ст. 42 УПК РФ. Несмотря на особенности, число объектов преступного посягательства, их приоритет, уголовный закон не содержит запрета на применение ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, о чем свидетельствуют разъяснения п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. N 25. Как следует из материалов уголовного дела, подсудимая в ходе предварительного слушания ходатайствовала о рассмотрении уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ и в ходе судебного разбирательства вину признала полностью, впервые совершила преступление средней тяжести при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств, причиненный преступлением вред, определенный потерпевшей, полностью возместила, а также принесла свои извинения. Потерпевшая заявила, что простила подсудимую, они помирились, и она не желает привлекать ее к уголовной ответственности. Приведенные обстоятельства указывают на изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потер-

1 Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел : сводные статистические данные о состоянии судимости за 2019-2021 гг. N 10.2.

певшей. Таким образом, все условия, необходимые для освобождения В. от уголовной ответственности по указанным в ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ основаниям, были выполнены. Между тем указанные обстоятельства не были приняты во внимание судами первой, апелляционной инстанций.

Что же касается ссылки суда первой инстанции на то обстоятельство, что рассматриваемое преступление посягает на жизнь человека и безопасность движения и эксплуатации транспорта и тем самым создает повышенную общественную опасность для окружающих, то, приводя указанные основания, которые, по мнению суда, исключают возможность освобождения лица, его совершившего, от уголовной ответственности в связи с примирением, районный суд не принял во внимание, что в ст. 25 УПК РФ и в ст. 76 УК РФ законодателем установлены условия, соблюдение которых и дает возможность освобождения лица от уголовной ответственности. При этом ни характер, ни общественная опасность содеянного не предусмотрены уголовным законом в качестве условия или основания для отказа в применении ст. 76 УК РФ и освобождении подсудимой от уголовной ответственности. Поскольку способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим, нельзя согласиться с доводом районного суда, согласно которому размер возмещенного подсудимой морального и материального вреда не может повлечь переоценку наступивших последствий. Указания же суда первой инстанции на то, что принятие решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим является правом, а не обязанностью суда, сделаны без учета того, что предоставление суду правомочий принимать решения о прекращении уголовного дела по своему усмотрению не дает права на вынесение произвольного, без учета требований законности, обоснованности и справедливости судебного решения» (кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2021 N 77-391/2021).

Таким образом, анализ новейшей российской судебной практики свидетельствует о возможности прекращения уголовного дела

по ст. 25 УПК РФ по двухобъектным составам преступлений, но в то же время свидетельствует и об отсутствии в настоящее время каких-либо унифицированных критериев, позволяющих прекращать уголовные дела в связи с примирением сторон.

В связи с этим предлагаем обратиться к зарубежному опыту, в частности к германскому, поскольку германский и российский процессы имеют много общего: оба относятся к романо-германскому типу уголовного процесса, оба построены на принципе легальности или законности [7, с. 52], т.е. обязанности возбуждать и осуществлять уголовное преследование уполномоченными должностными лицами вне зависимости от каких бы то ни было иных соображений (ч. 2 ст. 21 УПК РФ и §§ 152(2) и 170(1) УПК ФРГ).

В германском уголовном процессе правовые последствия компенсации причиненного потерпевшему вреда зависят от того, идет ли речь об уголовном проступке или преступлении. В соответствии с § 12 УК ФРГ уголовный проступок – противоправное деяние, за совершение которого закон предусматривает в качестве минимального наказания денежный штраф или лишение свободы сроком до одного года. Все иные уголовно наказуемые противоправные деяния, за совершение которых законом предусмотрено минимальное наказание в виде лишения свободы на срок от одного года и выше, – преступления. Компенсация причиненного потерпевшему вреда – это одна из многих потенциально возлагаемых на обвиняемого обязанностей, предусмотренных в § 153а УПК ФРГ, при выполнении которых можно прекратить уголовное преследование. Так, если обвиняемый совершил уголовный проступок и компенсировал причиненный потерпевшему вред, то у уполномоченных государственных органов есть возможность прекратить уголовное преследование, исходя из принципа целесообразности в соответствии с N 5 § 153а УПК ФРГ, как на досудебной стадии прокуратурой, так и в суде судом. Если компенсация по каким-либо причинам не состоялась, то расследование проводится в общем порядке. При этом прекращение уголовного преследования с возложением на обвиняемого при его согласии

обязанности по компенсации причиненного потерпевшему вреда – это только право, а не обязанность государственных органов. Решающее слово – прекратить уголовное дело или нет – остается за уполномоченными госорганами, и, таким образом, элемент восстановительной юстиции гармонично сочетается с публично-состязательным процессом.

Однако на практике в абсолютном большинстве случаев при компенсации потерпевшему вреда уголовное преследование прекращается. В большинстве случаев компенсация вреда происходит на досудебной стадии. Чем раньше будет достигнута договоренность с потерпевшим о компенсации вреда, тем у обвиняемого больше шансов рассчитывать на благоприятные правовые последствия этого. Как следует из данных Федерального ведомства статистики в Германии, в 2016-2020 гг. прокуратура на досудебной стадии в три раза чаще, чем суд в судебной стадии прекращала уголовные дела с возложением на обвиняемого обязанности компенсировать вред¹. Так, прокуратурой на досудебной стадии было прекращено следующее количество уголовных дел по § 153а УПК ФРГ с возложением на обвиняемого обязанности компенсировать потерпевшему причиненный вред: в 2016 г. – 11815 (6,7%), в 2017 г. – 11213 (6,6%), в 2018 г. – 10542 (6,2%), в 2019 г. – 9734 (5,8%), в 2020 г. – 8586 (5,3%)².

Если же обвиняемый совершил преступление, то компенсация причиненного потерпевшему вреда является обстоятельством, смягчающим наказание, и суд может смягчить наказание в соответствии с § 49 (абз. 1), или воздержаться от наказания, если исполнитель подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не свыше одного года или денежного штрафа размером до трехсот шестидесяти дневных ставок (ч. 1 § 46а УК ФРГ). При этом речь идет не о полном отказе от государственного осуждения, как при прекращении уголовного преследования, исходя из принципа целесообразности. При отказе судом от уголовного наказания подсудимый признается виновным путем постановления обвинительного приговора, но суд не нала-

гает на него уголовное наказание в силу § 60 УК ФРГ, если последствия деяния для самого лица, его совершившего, настолько тяжелы, что назначенное наказание явно не достигнет результата.

В германском процессе также существует проблема: возможно ли прекратить уголовное преследование при исполнении обвиняемым обязанности по компенсации вреда при совершении деликтов конкретной и абстрактной опасности (общеопасных деликтов, когда вред причиняется общим правовым ценностям в отсутствие конкретного потерпевшего).

В германской теории уголовного права в зависимости от интенсивности причинения вреда охраняемому объекту существует классификация уголовно наказуемых деяний на деликты, направленные на причинение вреда, и деликты опасности. К деликтам, направленным на причинение вреда, относятся такие составы, которые предусматривают причинение вреда охраняемому законом объекту (например, убийство (§ 211 УК ФРГ), причинение вреда здоровью (§ 223 УК ФРГ), повреждение имущества (§ 303 УК ФРГ). Деликты опасности – такие составы уголовно наказуемых деяний, которые считаются оконченными при возникновении опасности предусмотренному в составе противоправного деяния и охраняемому объекту. Различаются деликты абстрактной и конкретной опасности. Деликты конкретной опасности основаны на том, что запрещенное законом поведение может представлять опасность для охраняемого объекта и заслуживает уголовного наказания в случае возникновения конкретной опасности (§§ 221, 308, 315-315с УК ФРГ). Возникновение опасности является признаком состава уголовно наказуемого деяния, поэтому при назначении наказания судья обязан ее установить. Деликты абстрактной опасности основаны на законном предположении, что определенное поведение в принципе опасно для охраняемого объекта (§§ 231, 306а I, 316, 326, 328 I, II УК ФРГ). Опасность не является признаком состава уголовно наказуемого деяния, а только причиной появления нормы в уголовном за-

¹ Statistisches Bundesamt, Fachserie 10, Reihe 2.6, 2016-2020, 26ff.

² Там же.

коне. Поэтому судья по каждому конкретно-уголовному делу не обязан устанавливать возникновение опасности [3, с. 25; 12, с. 8].

Так, с учетом персональной, личной заинтересованности компенсация вреда при совершении деликтов абстрактной опасности, в том числе общепасных уголовно наказуемых деяний, например при управлении транспортным средством в состоянии алкогольного или иного опьянения (§§ 316 УК ФРГ) или коррупционных преступлений (должностные деликты – § 331 и последующие параграфы УК ФРГ), не применима, поскольку отсутствует конкретный потерпевший, которому персонально причинен вред, следовательно, нет персональной, личной заинтересованности потерпевшего [9, с. 26-27]. В связи с этим показательна устойчивая практика Верховного Суда ФРГ, которая не признает возможность применения компенсации вреда при совершении налоговых преступлений [8, с. 427; 11, с. 821].

При совершении деликтов конкретной опасности, т.е. когда возникает конкретная опасность для охраняемого объекта, например угроза причинения вреда жизни, здоровью человека, нельзя изначально исключать возможность применения компенсации вреда. Речь идет о таких деяниях, как, к примеру, нарушение правил безопасности дорожного движения, сопряженных с угрозой жизни или здоровью другого человека либо повреждению или уничтожению чужого имущества (§ 315с УК ФРГ), сопротивление должностному лицу при осуществлении им служебных обязанностей с применением насилия или его угрозы (§ 113 УК ФРГ), при совершении которых нарушаются прежде всего общие, коллективные интересы, но одновременно с этим дополнительно интересы и права конкретного человека (в частности, сопротивление, оказываемое конкретному полицейскому). Поэтому в случае, когда имеется конкретный пострадавший, которому причинен уголовно наказуемым деянием вред, ряд ученых и специалистов в сфере медиации признают возможность компенсации вреда как возможность прекращения уголовного преследования, так как для применения данной нормы достаточны как возмещение

последствий совершенного деяния (полностью или в большей части), так и в исключительных случаях наличие «серьезных» стремлений лица к их возмещению, что позволяет в принципе не исключать из сферы применения деликты конкретной опасности [9, с. 25-27]. В подобных случаях хотя компенсация вреда конкретному пострадавшему лицу, например полицейскому, не обеспечивает полное восстановление нарушенного в результате совершенного противоправного деяния правопорядка, поскольку определенное пострадавшее лицо не может распоряжаться коллективным благом и представлять его полностью, однако подобные постпреступные действия свидетельствуют о стремлении лица компенсировать причиненный уголовно наказуемым деянием вред в виде наступивших неблагоприятных последствий.

Таким образом, в германском уголовном процессе критерием, позволяющим прекращать уголовное преследование в связи с компенсацией вреда в отношении многообъектных уголовно наказуемых деяний, выступает возможность конкретизации, персонификации потерпевшего. С учетом этого при совершении деликтов абстрактной опасности уголовное дело в связи с компенсацией вреда не прекращается, поскольку отсутствует конкретный, персонифицированный потерпевший, которому персонально причинен вред, следовательно, нет персональной, личной заинтересованности потерпевшего [9, с. 26-27; 10, с. 284]. При совершении деликтов конкретной опасности возможность прекращения уголовного дела в связи с компенсацией вреда теоретиками и судебной практикой в Германии признается. Следовательно, германский правоприменитель значительно шире в отличие от российского применяет возможность прекращения уголовного преследования в связи с компенсацией вреда. Вместе с тем следует отметить отсутствие однозначного общего подхода по данной тематике в судебной практике. Так, при нарушении правил безопасности дорожного движения, сопряженном с угрозой жизни или здоровью другого человека, либо повреждению или уничтожению чужого имущества (§ 315с УК

ФРГ), Верховным Судом ФРГ признается возможность прекращения уголовного дела в связи с компенсацией вреда¹. Однако в ситуации совершения деяния, предусмотренного § 315b УК ФРГ (опасное вмешательство в дорожное движение с созданием угрозы жизни и здоровью другого человека или повреждения чужого ценного имущества), суд не признал возможным прекратить уголовное дело в связи с компенсацией вреда².

Резюмируя изложенное выше, укажем: и в российском, и в германском уголовных процессах существует проблема, связанная с возможностью прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон/компенсацией вреда по многообъектным уголовно

наказуемым деяниям. При этом суды как в России, так и в ФРГ признают возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон/компенсацией вреда. Однако в настоящее время в России пока еще не выработаны унифицированные критерии, позволяющие прекращать уголовные дела по двухобъектным преступлениям по данному основанию. Учитывая германский опыт, а также тенденции российской судебной практики, полагаем возможным более широко применять возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон по двухобъектным преступлениям, в частности, когда имеется возможность персонифицировать конкретного потерпевшего.

¹ BGH 309, 333f.

² NStZ 15, 263.

Библиографический список

1. Безлепкин, Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный) / Б.Т. Безлепкин. – М., 2021.
2. Бриллиантов, А.В. Освобождение от уголовной ответственности: обобщение судебной практики / А.В. Бриллиантов. – М., 2010.
3. Вессельс, Й. Уголовное право ФРГ. Общая часть / Й. Вессельс, В. Бойльке ; пер. с нем. Я.М. Плошкиной. – Красноярск, 2006.
4. Винокуров, В.Н. Возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим при совершении многообъектного преступления / В.Н. Винокуров // Законность. – 2019. – № 6.
5. Винокуров, В.Н. Объект преступления и освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / В.Н. Винокуров, Е.А. Федорова // Уголовное право. – 2018. – № 6.
6. Гарбатович, Д. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Д. Гарбатович // Уголовное право. – 2014. – № 2.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М., 2017.
8. Fischer, T. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen / Hrsg. T. Fischer. 66. Auflage. – München, 2019.
9. Kaspar, J. Der Täter-Opfer-Ausgleich. Recht. Methodik. Falldokumentation / J. Kaspar, E. Weiler, G. Schlickum. – München, 2014.
10. Kommentar. Strafgesetzbuch / Hrsg. U. Kindhäuser, U. Neumann, H-U. Paeffgen, H-U. Nomos. Band 1. 5. Auflage. – Baden-Baden, 2017.
11. Strafgesetzbuch. Kommentar / Hrsg. A. Schönke, H. Schröder. – 30. Auflage. – München, 2019.
12. Wessels, J. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Die Straftat und ihr Aufbau / J. Wessels, W. Beulke, H. Satzger-Heidelberg. – 49. Auflage. – Heidelberg: Verlagsgruppe Hüthig Jehle Rehm, 2019.

Наталья Павловна КИРИЛЛОВА,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
kirillova59@mail.ru

Александр Дмитриевич НАЗАРОВ,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Санкт-Петербургского
государственного университета,
заведующий и профессор кафедры уголовного
процесса и криминалистики Сибирского
федерального университета (г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент
anazarovb1@mail.ru

ПОДДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОКУРОРСКОЙ ВЛАСТИ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ

SUPPORTING STATE PROSECUTION IN A CRIMINAL TRIAL AS AN ELEMENT OF PROSECUTOR'S AUTHORITY IN GERMANY AND RUSSIA

В статье представлены основные характеристики, связанные с процессуальным статусом прокурора в Германии и России, реализующего прокурорскую власть в суде при поддержании государственного обвинения. Как позитивные особенности выделены проведение в Германии предварительного расследования под руководством прокурором, составление им обвинительного заключения и поддержание по нему в суде обвинения при самой активной роли суда, устанавливающего истину по делу. Сделаны предложения в адрес российского законодателя имплементировать этот опыт в российский уголовный процесс.

The article presents the main characteristics related to the procedural status of the prosecutor who exercises prosecutor's power in the court while supporting public prosecution in Germany and Russia. As positive peculiarities the author highlights conducting a preliminary investigation in Germany under the prosecutor's supervision, drafting an indictment by him/her and supporting charges on it in the court, with the most active role of the court establishing the truth in the case. Proposals addressing to the Russian legislator to implement this experience into the Russian criminal procedure are made.

Ключевые слова: государственное обвинение, прокурорская власть, прокурорский надзор, установление истины, обвинительное заключение.

Keywords: state prosecution, prosecutor's authority, prosecutor's supervision, establishing the truth, indictment.

Противодействие преступности и контроль над ней являются задачами любого цивилизованного государства и возлагаются на правоохранительные органы. Своевременное раскрытие совершенных преступлений, их качественное расследование имеют существенное значение для достижения назначения уголовного судопроизводства. Однако не менее важным является качество поддержания обвинения в суде, позволяющее суду установить все значимые обстоятельства совершенного преступления и вынести законный, обоснованный и справедливый приговор.

Процессуальное положение государственного обвинителя, объем полномочий, критерии оценки эффективности его деятельности в различных странах зависят от существующей там формы уголовного процесса и правовых традиций [2; 3; 6; 9; 10; 12; 13].

В.Н. Додонов и В.Е. Крутских [5, с. 5-7, 25] выделяют в современном мире несколько моделей прокуратуры, исходя из ее места в системе государственных органов. Первую модель используют страны, где прокуратура входит в состав министерства юстиции, хотя при этом она может относиться к органам правосудия и действовать при судах (например, Германия, Франция, США и др.). Другая группа стран включает прокуратуру в состав судебной системы либо предоставляет ей административную автономию в рамках судебной власти (Испания, Латвия, Болгария и др.). Некоторые постсоветские государства, в том числе и Россия, выделяют ее в самостоятельную систему, которая подотчетна парламенту или главе государства. Наконец, есть страны, где прокуратуры или ее прямого аналога вообще нет (например, в Великобритании).

Указанные авторы отмечают следующую закономерность: чем сильнее у той или иной нации традиции «сильного» государства, сфера его «социальной ответственности», тем шире функции прокуратуры, выше ее роль в системе государственных институтов.

Рассмотрим некоторые вопросы института поддержания государственного обвинения

как эффективного инструмента прокурорской власти на примере России и Германии.

Деятельность прокуратуры по поддержанию государственного обвинения в Германии регулируется Уголовно-процессуальным кодексом, принятым 1 февраля 1877 г. и действующим в редакции от 7 апреля 1987 г. Нормы процессуального характера содержатся в Законе о судостроительстве 1877 г., действующем в редакции от 1975 г., и некоторых других нормативных актах¹.

В Германии прокуратура не всегда была самостоятельным органом, поддерживающим государственное обвинение. На этапе партикулярного немецкого законодательства земель в XIX веке по существу роль прокуратуры была сведена в большей степени до организационного придатка суда, самостоятельно осуществляющего уголовное преследование в контексте инквизиционного процесса, где рассмотрение и разрешение уголовного дела не имело четкого разделения с раскрытием и расследованием преступления. Изменение такого порядка начало происходить шаг за шагом после французской революции. И уже к концу первой половины XIX века среди процессуалистов господствовало единство мнений о необходимости функциональной дифференциации органов уголовного преследования, государственного обвинения и суда. Однако такое историческое наследие прокуратуры привело немецких юристов к представлению о прокуратуре как о беспристрастном, независимом «органе мира», надзирающем за законностью и содействующем суду в поиске истины [17, с. 53].

Процессуальное положение прокурора, поддерживающего государственное обвинение в Германии, основано на концепции уголовного процесса, содержанием которой является отрицание процессуальных правоотношений, понятия сторон, принципа состязательности и закрепления особого процессуального положения председательствующего судьи.

Прокуратура (равно как и защитник) не сторона уголовного процесса, и, по смыслу

¹ Strafprozeßordnung (StPO) in der letzten Fassung vom 3. März 2020 // BGBl. I. 7. April 1987. S. 1074, ber. S. 1319; BGBl. I. S. 431; Gerichtsverfassungsgesetz // BGBl. I. S. 1077; I. S. 2633, 2634.

немецкой уголовно-процессуальной доктрины, не может ею быть. Она собирает доказательства как вины, так и невиновности. Иное бы не позволило согласовать обязанности прокуратуры с принципами истины и справедливости [17, с. 56].

Если говорить о России, то прокурор (как, собственно, и все субъекты, ведущие уголовный процесс, – следователь и его руководитель, дознаватель и его начальники) искусственно оказался на стороне обвинения в состязательной модели российского уголовного судопроизводства. Фактически прокурор в суде представляет сторону государства, у него государственный интерес в достижении назначения уголовного судопроизводства, а наименование его миссии в суде первой инстанции и в апелляции – «государственный обвинитель» – не более как дань сложившейся в России традиции именно так именовать прокурора на суде. А по своим полномочиям немецкие и российские прокуроры практически не различаются.

Председательствующий судья в Германии наделен исключительными полномочиями не только по руководству разбирательством дела, но и по единоличному ведению судебного следствия. Часть 1 параграфа 238 УПК ФРГ предусматривает, что руководство рассмотрением уголовного дела, допрос подсудимого и проведение всего судебного следствия осуществляет председательствующий. Иные участники процесса, в том числе и прокурор, только с разрешения судьи вправе задавать вопросы свидетелям, экспертам, подсудимому¹. Для судебного следствия в немецком процессе не характерен перекрестный допрос. Судья осуществляет процесс доказывания, целью которого является установление истины по делу [1, с. 223].

Так, согласно абз. 2 параграфа 244 Уголовно-процессуального кодекса Германии суд в силу занимаемой должности по собственной инициативе для достижения истины должен распространять судебное следствие

на все обстоятельства и доказательства, которые имеют значение для принятия решения².

Это основополагающий для немецкого уголовного процесса принцип, по которому суд обязан по собственной инициативе проявлять доказательственную активность. В Германии рассматриваемый принцип – это отражение элементов розыскного процесса. Обязанностью суда является достижение истины по делу на основе построения доказательственной базы.

Прокуратура в настоящий момент – самостоятельный орган уголовного преследования в уголовном судопроизводстве Германии, а не только «неотделимая» часть судебной власти, как это было на заре становления этого органа.

В немецкой доктрине осуществление задач прокуратуры является отражением идеи о том, что прокуратура – это «госпожа предварительного расследования» (*Herrin des Ermittlungsverfahren*) [14, с. 99-100]. Соответственно, поле ее основной деятельности, в отличие от России, – это именно предварительное расследование.

Деятельность прокуратуры в Германии строится на двух ключевых принципах, закрепленных в законе, – официальности и легальности.

Согласно абз. 1 и 2 параграфа 152 УПК Германии предъявление публичного обвинения относится к обязанностям прокуратуры. Если законом не установлено иное, то она обязана организовывать уголовное преследование всех преступных деяний при наличии на это достаточных оснований.

Обязанность прокурора осуществлять уголовное преследование закреплена в ст. 21 УПК РФ.

Также в силу абз. 1 и 2 параграфа 160 УПК Германии, когда прокуратура получает информацию о совершении преступного деяния на основании заявления или иным образом, она должна изучить фактические обстоятельства, чтобы принять решение о том,

¹ При этом не следует рассматривать установленное параграфом 240 УПК Германии правило о предоставлении права задавать вопросы (*Fragerecht*) как ограничение самостоятельности прокурора или защитника.

² *Strafprozeßordnung (StPO) in der letzten Fassung vom 3. März 2020 // BGBl. I. 7. April 1987. S. 1074, ber. S. 1319; BGBl. I. S. 431.*

должно ли быть предъявлено публичное обвинение. Прокуратура должна устанавливать не только обстоятельства, существенные для обвинения, но и обстоятельства, существенные для оправдания, и обеспечивать собирание доказательств, которые могут быть утрачены.

В контексте всех ранее рассмотренных законодательных положений, прокуратура не имеет прямой цели «состояться» с защитником и подсудимым. В первую очередь немецким законодателем подчеркивается необходимость отстаивать интересы законности, которые выражаются в достижении цели, продекларированной в немецком УПК [15, s. 212-217].

Основным аспектом государственного обвинения в Германии является то, что прокуратура полностью ответственна за результаты предварительного расследования. При этом фактически основная часть работы по расследованию ложится на полицию, осуществляющую дознание [1, s. 103-106]. Но так как прокуратура настолько сильно вовлечена в осуществление предварительного расследования, то законодательно и доктринально для прокуратуры основной задачей выступает подготовка обвинительного заключения таким образом, чтобы суд самостоятельно на основе полученных доказательств мог восстановить события прошлого в их действительном виде [15, s. 211-212]. Законодательно предопределенная активность немецкого суда в рассматриваемом отношении изменяет характер и степень влияния прокуратуры на судебные стадии уголовного судопроизводства.

Прокурор, не являясь стороной в процессе, хотя и представляет в суде обвинение, ограничивается надзорной функцией и по существу не участвует в судебном следствии. Доминирующее положение председательствующего обычно обрекает прокурора и защитника на пассивное участие в судебном разбирательстве. Их активизация в процессе может быть истолкована председательствующим как критика техники его допроса. Прокурор является как бы помощником судьи в судебном разбирательстве. В прениях он

предлагает свое видение результатов судебного следствия, делает вывод о виновности или невиновности подсудимого и вносит предложение о постановлении того или иного приговора [4, с. 454-455].

В параграфе 156 УПК ФРГ сказано, что «после открытия судебного разбирательства обвинительное заключение не может быть отозвано». Следовательно, после поступления уголовного дела с обвинительным заключением в суд последний решает все сам и не связан позицией других участников. Прокурор в Германии может отказаться от обвинения до направления дела в суд.

Судья в ФРГ наделен в судебном разбирательстве широкими дискреционными полномочиями, он не связан позицией сторон и занимает активную позицию в судебном следствии. В частности, он первым проводит допрос участников процесса (подсудимого, потерпевшего, свидетелей). В отличие от немецкого судьи российский судья в соответствии с принципом состязательности судебного разбирательства в определенных законом ситуациях связан позицией прокурора. Если прокурор отказывается от обвинения полностью или частично, предлагает суду смягчить квалификацию общественно опасного деяния, инкриминированного подсудимому, то суд в России обязан прекратить уголовное дело или уголовное преследование или вынести приговор в объеме обвинения, поддержанного государственным обвинителем.

В судебном разбирательстве в Германии участие прокурора должно быть обязательным. Участие прокурора – не государственного обвинителя, а именно *Sitzungsvertreter* (представителя прокуратуры) выражается в прочтении обвинительного заключения (параграф 243 УПК Германии), формулировании вопросов подсудимому, свидетелям и (параграфы 240, 244 УПК Германии).

Прокурор, по сути, поддерживает суд в реализации последним процессуального поиска истины, а также в поддержании или опровержении позиции по заявлениям других участников судопроизводства [16, s. 60].

Вывод о том, что возможности прокурора в уголовном процессе Германии снижаются

за счет активности суда, может следовать из логики законодательного построения и описания хода судебного заседания. В частности, согласно параграфу 243 УПК Германии после подготовительной части судебного заседания сначала председательствующий допрашивает подсудимого о данных, касающихся его личности, а после этого прокурор зачитывает¹ резолютивную часть обвинительного заключения.

Таким образом, в Германии прокурор поддерживает в суде именно то обвинение, которое он сам сформулировал по результатам полицейского дознания. Как представитель государственной власти он направляет в суд уголовное дело со своим обвинением, представляет его в суде, оставаясь при этом по своему процессуальному статусу прокурором.

В Российской Федерации прокурор в суде первой и апелляционной инстанций, поддерживающий государственное обвинение, именуется государственным обвинителем. Его процессуальный статус определяется принципом состязательности, в полной мере действующим в судебном разбирательстве. Государственный обвинитель является процессуально самостоятельной фигурой, но он поддерживает обвинение, хотя и утвержденное прокурором, но сформулированное не прокуратурой, а следователем или дознавателем, поэтому нередки случаи, когда обвинение не находит подтверждения в суде. В этом случае государственный обвинитель не только вправе, но и обязан отказаться от обвинения или изменить его в сторону смягче-

ния, поскольку помимо функции уголовного преследования он осуществляет и правозащитную функцию в суде [подр.: 7, с. 96].

В контексте имплементации немецкого опыта в российской доктрине обсуждается вопрос о возложении на прокурора обязанности по составлению обвинительного заключения по уголовному делу. Данную идею, как показывают результаты проведенного нами исследования, поддерживают 20,7% адвокатов, 20,5% следователей и руководителей следственных органов, 12,4% судей, но не поддерживают сами прокурорские работники. Так, 5,6% работников прокуратуры, 5,1% следователей и их руководителей считают, что составлять обвинительное заключение прокурор может при участии следователя. 7,7% следователей и руководителей следствия, а также 5,6% судей и 3,4% прокурорских работников полагают, что прокурор при участии следователя мог бы составлять обвинительное заключение по определенным категориям уголовных дел («сложным», «громким», «резонансным», когда обвиняемый содержится под стражей и т. п.) [подр.: 11, с. 233].

Представляется, что участие прокурора наряду со следователем в составлении обвинительного заключения могло бы уменьшить количество следственных ошибок, усилить прокурорский надзор, а также ответственность прокурора за утвержденное обвинительное заключение. Качественное расследование уголовного дела и прокурорский надзор в значительной степени служат гарантией эффективной работы прокурора в суде.

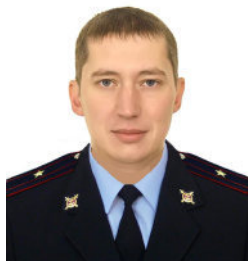
¹ Свободное изложение не допускается: закон предписывает именно зачитывание текста.

Библиографический список

1. Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ : учебник. 6-е изд., с доп. и изм. / В. Бойльке ; пер. с нем. Я.М. Плошкиной ; под ред. Л.В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. – 352 с.
2. Галимов, О.Х. Институт следственных судей в Российской Федерации требует комплексного подхода / О.Х. Галимов, М.А. Галимова // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – N 4(25). – С. 83-90.

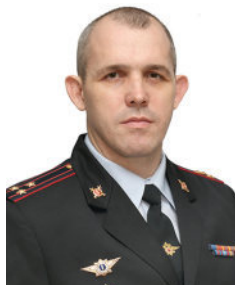

3. Головкин, Л.В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве / Л.В. Головкин // Государство и право. – 2009. – №11. – С. 67-71.
4. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов ; под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: Изд-во «Зерцало-М», 2001. – 480 с.
5. Додонов, В.Н. Прокуратура в России и за рубежом. Сравнительное исследование / //В.Н. Додонов В.Е. Крутских ; под ред. С. И. Герасимова. – М.: Норма, 2001.
6. Карпов, Н. Нравственные основы прокурорской деятельности / Н. Карпов // Законность. – 2008. – № 12. – С. 12-15.
7. Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. Монография. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербурга, гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007. – 408 с.
8. Клевцов, К.К. Субъекты передачи уголовного преследования (судопроизводства) в рамках международного сотрудничества. Часть I. Суд и участники со стороны обвинения / К.К. Клевцов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2021. – № 1. – С. 11-15.
9. Кругликов, А.П. Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства – принцип уголовного судопроизводства / А.П. Кругликов, И.А. Бирюкова // Законность. – 2019. – № 2. – С. 38-42.
10. Махов, В.Н. Начальная стадия уголовного процесса в Российской Федерации и зарубежных странах / В.Н. Махов // Российский следователь. – 2018. – № 3. – С. 75-77.
11. Назаров, А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : монография / А.Д. Назаров. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 400 с.
12. Шмарев, А.И. Международно-правовая основа дискреционных полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве / А.И. Шмарев // Законность. – 2021. – № 2. – С. 30-34.
13. Шерба, С.П. Полномочия прокуроров иностранных государств в уголовном судопроизводстве и вне уголовно-правовой сферы / С.П. Шерба, В.Н. Додонов, Е.А. Архипова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 3 (53). – С. 27-45.
14. Kühne, H.-H. Strafprozessrecht. Eine systematische Darstellung des deutschen und europäischen Rechts / H.-H.Kühne. – C.F. Müller, 2015. – 838 s.
15. Münchener Kommentar zur Strafprozeßordnung. In 3 Bänden. – 1. Aufl. München: Verlag C.H. Beck, 2016. – 2472 s.
16. Ranft, O. Strafprozessrecht. Systematische Lehrdarstellung für Studium und Praxis / O.Ranft. – RichardBoorbergVerlag, 2005. – 794 s.
17. Roxin, C. Strafverfahrensrecht / C. Roxin, B. Schünemann. – 29. Aufl. – München: Verlag C.H. Beck, 2017. – 576 s.

**Виктор Александрович
ШЕСЛЕР,**

старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук
victor444@inbox.ru

**Николай Николаевич
ЦУКАНОВ,**

заместитель начальника (по научной
работе) Сибирского юридического
института МВД России
(г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент
nikolai_zukanov@mail.ru

**Татьяна Владимировна
КУПРИЯНЧИК,**

заведующий кафедрой иностранных
и русского языков Сибирского
юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат педагогических наук, доцент
tatuk56@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРКОПРАВОНАРУШЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

THE LIABILITY FOR DRUG OFFENCES IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

В работе приводятся данные о наркоситуации в Китайской Народной Республике, а также о состоянии её административно-деликтного и уголовного законодательства об ответственности за наркоправонарушения в контексте сравнения с законодательством Российской Федерации.

Data on drug situation in the People's Republic of China (PRC) as well as the state of its administrative and tortious, and criminal legislation about the liability for drug offences are presented in the article in the context of comparison with the legislation of the Russian Federation.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, ответственность за правонарушения, связанные с оборотом наркотиков, опыт КНР, наркоситуация в КНР, зарубежный опыт.

Keywords: the People's Republic of China, liability for offences related to the drug trafficking, the PRC experience, drug situation in the PRC, foreign experience.

История потребления наркотических средств и психотропных веществ в Китайской Народной Республике (далее – КНР, Китай) исчисляется столетиями. Уже в XI в. китайские врачи считали опиум лекарством и использовали его для лечения психических и соматических заболеваний [7, с. 141]. Начало

массового немедицинского потребления данного наркотика в Китае принято связывать с входом на рынок незаконного оборота наркотиков в XVIII в. британской компании по производству опия, в результате которого к началу XIX в. 13,5 млн китайцев регулярно посещали опиные курильни [3, с. 18-19].

Такая ситуация побудила Китай принять различные меры по противодействию незаконному обороту наркотиков и их потреблению без назначения врача на международном и внутреннем уровнях. 23 января 1912 г. Китай ратифицировал первое международное соглашение о контроле за оборотом наркотических средств – Международную опиумную конвенцию, заключенную в Гааге.

В результате реализации «Циркулярного приказа о строгом запрещении опиума и других наркотиков» (24 февраля 1950 г.) в течение трех лет удалось добиться коренного изменения наркоситуации. В основе лежали действия репрессивного характера, применяемые к производителям, распространителям и потребителям наркотиков. Производство и распространение наркотиков каралось смертной казнью. Лица, страдающие наркоманией, подвергались принудительному лечению, которое зачастую сводилось только к отказу в доступе к наркотическим средствам [1, с. 137].

Впоследствии Китаем был ратифицирован ряд ключевых нормативных правовых актов международного характера в сфере борьбы с наркотическими средствами: Единая конвенция о наркотических средствах (1961 г.), Конвенции о психотропных веществах (1971 г.), Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.).

28 декабря 1990 г. издано решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей о борьбе с наркотиками. 29 декабря 2007 г. издан Закон КНР «О борьбе с наркотиками». В этих нормативных правовых актах отражены основные направления борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

К основным субъектам, реализующим государственную антинаркотическую политику, относятся Министерство общественной безопасности, полиция, Национальная комиссия по контролю за наркотиками (NNCC, состоит из представителей 14 ведомств), Государственный рабочий комитет по СПИДУ (SCAWCO, координирует действия органов

общественной безопасности и здравоохранения) [9, с. 33-34]. При этом борьба против наркотиков провозглашается обязанностью всего общества [4]. В соответствии со ст. 5 Закона КНР «О борьбе с наркотиками» Государственный совет учреждает национальный комитет по борьбе с наркотиками, который отвечает за организацию, координацию и руководство борьбой с наркотиками в масштабах всей страны, органы местного самоуправления на уровне округа или выше могут в свете необходимости борьбы с наркотическими средствами создавать комитеты по борьбе с наркотиками, которые будут нести ответственность за организацию, координацию и руководство борьбой с наркотическими средствами.

Серьезное внимание уделяется вопросам противодействия наркотизации населения. Народные правительства на всех уровнях и соответствующие департаменты должны защищать информаторов, поощрять или вознаграждать лиц, сообщающих информацию, которые совершили заслуги, а также подразделения или отдельных лиц, которые внесли выдающийся вклад в борьбу с наркотическими средствами (ст. 9 Закона КНР «О наркотических средствах»). Административные отделы образования и школ должны включать знания о борьбе с наркотическими средствами в систему образования и обучения, чтобы распространять среди учащихся знания о необходимости борьбы с наркотическими средствами. Органы общественной безопасности, судебные управления и административные управления здравоохранения должны оказывать помощь в этом отношении. Обязанность информировать несовершеннолетних о вреде наркотических средств и не допускать их употребления внутрь или инъекции наркотических средств или совершения любых других уголовных преступлений, связанных с такими наркотиками, прямо возложена на родителей или опекунов несовершеннолетних.

Система оказания медицинской помощи лицам, страдающим наркозависимостью, значительно отличается от российской. Срок лечения наркозависимости по месту жительства составляет три года. При этом в отношении

человека, который серьезно зависим от наркотических средств и которого трудно вылечить от такой зависимости путем лечения в общине, орган общественной безопасности может непосредственно принять решение о его принудительной изоляции для реабилитации от наркозависимости.

Решение о принудительной изоляции принимается органом общественной безопасности во внесудебном порядке. В Центрах принудительного содержания для реабилитации от наркозависимости обеспечивается разделение лиц, получающих лечение от наркозависимости, на группы по полу, возрасту, состоянию здоровья и т.д. В соответствии с техническими стандартами могут назначаться наркотические или психотропные вещества. Срок принудительной изоляции для реабилитации от наркозависимости составляет два года. Не ранее чем через год этот срок может быть сокращен, а также при необходимости продлен максимум до одного года.

Несмотря на более чем вековой опыт противодействия незаконному обороту наркотиков в Китае ситуация в стране в этой сфере остается стабильно напряженной. По оценкам правительства Китая, в 2019 г. в стране насчитывалось 2,14 млн наркопотребителей (0,16% населения страны). Самыми распространенными наркотиками остаются метамфетамин (55,2%, 1,18 млн наркопотребителей), героин (37,5%) и кетамин (2,3%)¹. По неофициальным данным в Китае количество лиц, которые пробовали наркотики, составляет 14 млн [5, с. 69].

Границы Китая со странами «золотого полумесяца»² создают условия для контрабандных поставок различных наркотиков в это государство. Китай как самая населенная страна в мире с ее постоянно растущим уровнем жизни привлекает пристальное вни-

мание мировых наркосиндикатов [6, с. 89]. Материалы отдельных исследований свидетельствуют о том, что Китай является мировым лидером по производству синтетических наркотиков [2, с. 37].

Кроме того, Китай занимает одно из лидирующих мест в мире по изготовлению наркотических препаратов, используемых в медицине, таких как фенобарбитал бензодиазепин, что в определенной степени создает условия для утечки³ этих веществ.

Законодательством Китайской Народной Республики предусматривается административная и уголовная ответственность за совершение ряда незаконных действий с наркотическими средствами и психотропными веществами.

В ст. 62 Закона КНР от 29 декабря 2007 г. «О борьбе с наркотиками» употребление наркотических средств признается административным правонарушением и влечет административное наказание в виде штрафа. В том случае, если наркопотребитель обращается в орган общественной безопасности по собственной инициативе или в квалифицированное медицинское учреждение для лечения наркозависимости, он освобождается от каких-либо штрафов⁴.

В соответствии со ст. 9 Закона Китая об административных наказаниях по состоянию на 2021 г. (далее – Закон КНР «Об административных наказаниях») административные санкции включают следующие виды:

- предупреждение или распространение уведомления о критике;
- штрафы, конфискация доходов, полученных незаконным путем, или конфискация незаконного имущества;
- приостановление действия лицензий, понижение уровня квалификации или отзыв лицензий;

1 См.: Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2020 год. URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2020/Annual_Report/E_INCB_2020_1_rus.pdf.

2 Под странами «золотого полумесяца» понимаются страны с крупными плантациями опиумного мака – Афганистан, Иран, Пакистан.

3 Термин, означающий выход законно изготовленных наркотических средств из законного оборота и попадание их в незаконный оборот.

4 Закон Китая о борьбе с наркотиками от 29.12.2007. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/anti-drug-law-of-china-20071229> (дата обращения: 26.03.2022); Закон КНР «Об административных наказаниях». URL: <https://chinahelp.me/administrative-law/zakon-knr-ob-administrativnyih-nakazaniyah> (дата обращения: 26.03.2022).

– ограничение производства или деловой активности, приказ о приостановке производства или бизнеса, приказ о закрытии бизнеса или ограничение участия в определенных деловых операциях;

– административное задержание и другие административные санкции.

Никакое административное наказание не может быть установлено никаким нормативным документом, кроме законов, административных постановлений или постановлений правительства (ст. 16). Допускается ситуация, при которой закон не предусматривает административных наказаний за его нарушения, в этом случае санкции могут быть дополнены административными постановлениями, применяемыми закон. Если законы или административные постановления не содержат положений об административных наказаниях за их нарушения, такие штрафы могут быть дополнены местными постановлениями для выполнения законов и административных постановлений.

В ст. 65, 68, 69 Закона КНР от 29 декабря 2007 г. «О борьбе с наркотиками» используется оборот «должен быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии с законом, если нарушение не является достаточно серьезным, чтобы составлять преступление, ... налагается штраф в соответствии с положениями соответствующих законов и

административных правил», что свидетельствует о смежном характере соотношения уголовной и административной ответственности за правонарушения, связанные с наркотиками, по законодательству Китая.

Нормы об уголовной ответственности за наркопреступления преимущественно содержатся в параграфе 7 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики (далее – УК КНР) «Преступления, связанные с контрабандой, сбытом, перевозкой и изготовлением наркотиков» [здесь и далее: 8].

В УК КНР, в отличие от отечественного уголовного закона, содержится дефиниция наркотиков, под которыми понимаются опиум, героин, метиламфетамин («ледяной наркотик»), морфий, гашиш, кокаин, а также иные находящиеся под контролем государства наркотические и психотропные вещества, могущие вызвать у людей привыкание (ст. 357 УК КНР). В абз. 2 этой нормы содержатся правила определения размера наркотиков. Их количество определяется исходя из фактически установленного объема, а не из чистых веществ после их возможной переработки.

Сходство и различия нормативного решения ключевых вопросов, связанных с противодействием наркоправонарушениям в Российской Федерации и КНР, можно проследить по представленной таблице.

<i>Действие (квалификация по законодательству Российской Федерации)</i>	<i>Ответственность по законодательству Китайской Народной Республики</i>	<i>Примечание</i>
1. Потребление без назначения врача (ст. 6.9 КоАП РФ, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ)	Статья 62 Закона КНР «О борьбе с наркотиками» Лицо, употребляющее наркотические средства или вводящее им инъекцию, подлежит наказанию за обеспечение общественной безопасности в соответствии с законом. Если наркопотребитель обращается в орган общественной безопасности для регистрации по собственной инициативе или обращается в квалифицированное медицинское учреждение для лечения наркозависимости, он освобождается от каких-либо штрафов	– правонарушение признается законодательством КНР посягающим на общественную безопасность. Минимальные и максимальные наказания не определены. Наказание назначается в соответствии с требованиями Закона КНР «Об административных наказаниях»; – ответственность за незаконное потребление наркотиков исходя из места совершения противоправного деяния не дифференцируется; – предусмотрена возможность освобождения от штрафа только в том случае, если наркопотребитель обращается в орган общественной безопасности или обращается в квалифицированное медицинское учреждение для лечения наркозависимости по собственной инициативе

<i>Действие (квалификация по законодательству Российской Федерации)</i>	<i>Ответственность по законодательству Китайской Народной Республики</i>	<i>Примечание</i>
2. Хранение в определенных размерах (ст. 6.8 КоАП РФ, ст. 228 УК РФ)	<p>Статья 59 Закона КНР «О борьбе с наркотиками» Если лицо совершает незаконное хранение наркотических средств, оно подлежит уголовной ответственности в соответствии с законом; если дело не является достаточно серьезным, чтобы составлять преступление, на него должно быть наложено наказание за обеспечение общественной безопасности в соответствии с законом</p> <p>Статья 348 УК КНР. Незаконное хранение наркотиков Незаконное хранение опиума в количестве одной тысячи граммов и более, героина или метиламфетамина в количестве пятидесяти граммов и более или иных наркотиков в крупном объеме – наказывается лишением свободы на срок семь и более лет или пожизненным лишением свободы и дополнительно – штрафом; то же деяние при хранении опиума в количестве двухсот граммов и более, но менее одной тысячи граммов, героина или метиламфетамина в количестве десяти граммов и более, но менее пятидесяти граммов, или иных наркотиков в сравнительно крупном объеме – наказывается лишением свободы на срок до трех лет, арестом или надзором и дополнительно – штрафом; то же деяние, совершенное при отягчающих обстоятельствах, – наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом</p>	<p>– в основе критерия разграничения административной и уголовной ответственности лежит «серьезность нарушения», которая оценивается исходя из размера наркотического средства;</p> <p>– акцентируется внимание на отдельных видах наркотиков и их размерах;</p> <p>– повышается наказуемость предусмотренных в ст. 348 УК КНР действий, совершенных при отягчающих обстоятельствах (понятие этого признака не раскрывается, является оценочным)</p>
3, 4. Контрабанда (ст. 229.1 УК РФ), сбыт ст. 228.1 УК РФ	<p>Статья 59 Закона КНР «О борьбе с наркотиками» Если лицо совершает любое из следующих действий, составляющих преступление, оно подлежит уголовной ответственности в соответствии с законом; если дело не является достаточно серьезным, чтобы составлять преступление, на него должно быть наложено наказание за обеспечение общественной безопасности в соответствии с законом:</p> <p>(1) контрабанда, продажа, транспортировка или изготовление наркотических средств;</p> <p>(2) незаконное хранение наркотических средств;</p> <p>(3) незаконное выращивание наркосодержащих растений наркотических средств;</p> <p>(4) незаконный оборот, транспортировка, ношение или хранение семян или саженцев наркосодержащих растений, которые не инактивированы;</p> <p>(5) незаконное распространение методов изготовления наркотических или психотропных веществ или химических материалов, которые могут быть легко преобразованы в наркотические средства;</p> <p>(6) принуждение или подстрекательство другого человека к употреблению наркотиков или инъекций, либо соблазнение или склонение его к этому; или же</p> <p>(7) предоставление наркотических средств другому человеку.</p> <p>Статья 347 УК КНР. Контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление наркотиков Контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление наркотиков, независимо от их количества, влекут уголовную ответственность и подлежат наказанию в соответствии с настоящим Кодексом. Контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление наркотиков при наличии любого из нижеперечисленных обстоятельств – наказываются лишением свободы на срок пятнадцать лет, пожизненным лишением свободы или смертной казнью и дополнительно – конфискацией имущества:</p>	<p>– предусматривается возможность наступления административной ответственности, «если дело не является достаточно серьезным, чтобы составлять преступление»;</p> <p>– предусматривается уголовная ответственность юридических лиц;</p> <p>– усиливается наказуемость контрабанды или сбыта наркотиков при вовлечении в совершение этих действий несовершеннолетних;</p> <p>– усиливается ответственность за некоторые проявления групповой контрабанды или сбыта наркотиков (руководство группой, занимающейся контрабандой или сбытом наркотиков, вооруженное прикрытие контрабанды или сбыта наркотиков, участие в организованном международном наркобизнесе);</p> <p>– ужесточается ответственность за контрабанду или сбыт наркотиков, сопряженных с сопротивлением с применением насилия при проведении досмотра, задержания и ареста;</p> <p>– раскрываются отдельные правила квалификации продолжаемых сбыта и контрабанды наркотиков (неоднократная контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление наркотиков, не повлекшие за собой наказания ранее, – наказываются исходя из общего объема наркотиков);</p>

<i>Действие (квалификация по законодательству Российской Федерации)</i>	<i>Ответственность по законодательству Китайской Народной Республики</i>	<i>Примечание</i>
	<p>1) контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление опиума в количестве тысячи грамм и более, героина или метиламфетамина в количестве пятидесяти граммов и более или иных наркотиков в крупном объеме;</p> <p>2) руководство группой, занимающейся контрабандой, сбытом, перевозкой или изготовлением наркотиков;</p> <p>3) вооруженное прикрытие контрабанды, сбыта, перевозки или изготовления наркотиков;</p> <p>4) сопротивление с применением насилия проведению досмотра, задержанию и аресту при отягчающих обстоятельствах;</p> <p>5) участие в организованном международном наркобизнесе.</p> <p>Контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление опиума в количестве двухсот граммов и более, но менее одной тысячи граммов, героина или метиламфетамина в количестве десяти граммов и более, но менее пятидесяти граммов, или иных наркотиков в сравнительно крупном объеме – наказываются лишением свободы на срок семь и более лет со штрафом. Контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление опиума в количестве менее двухсот граммов, героина или метиламфетамина в количестве менее десяти граммов или иных наркотиков в небольшом объеме – наказываются лишением свободы на срок до трех лет, арестом или надзором и дополнительно – штрафом; те же деяния, совершенные при отягчающих обстоятельствах, – наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом. Если преступления, упомянутые в частях второй, третьей, четвертой настоящей статьи, совершены организацией, то по отношению к организации применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица – наказываются в соответствии с указанными частями настоящей статьи.</p> <p>Использование, подстрекательство несовершеннолетних к контрабанде, сбыту, перевозке или изготовлению наркотиков либо продажа наркотиков несовершеннолетним – наказываются более строго в пределах настоящей статьи. Неоднократная контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление наркотиков, не повлекшие за собой наказания ранее, – наказываются исходя из общего объема наркотиков</p>	<p>– в качестве дополнительного наказания устанавливается конфискация имущества;</p> <p>– предусматривается максимальное наказание в виде смертной казни</p>
<p>5. Легализация (отмывание денежных средств, полученных в результате совершения преступления) (общая норма) ст. 174 УК РФ</p>	<p>Статья 191 УК КНР. Отмывание денег Совершение любого из нижеперечисленных действий в отношении имущества, заведомо добытого в результате преступной деятельности, связанной с наркотиками, осуществляемой преступными сообществами, сопряженной с терроризмом, контрабандой, нарушением порядка управления финансами, финансовым мошенничеством, в целях сокрытия источников приобретения и характера такого имущества – помимо конфискации добытых преступным путем наказываются лишением свободы на срок до пяти лет или арестом, дополнительно или в качестве самостоятельного наказания штрафом; то же деяние, совершенное при отягчающих обстоятельствах, – наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом:</p> <p>1) предоставление финансового расчетного счета;</p> <p>2) обращение имущества в денежные средства или в векселя, ценные бумаги;</p>	<p>– установлена уголовная ответственность за отмывание денег юридическими лицами;</p> <p>– специально криминализованы отдельные формы соучастия в утаивании денег (предоставление расчетного счета, содействие в переводе денежных средств за границу) и прикосновенности к преступлению (утаивание и сокрытие источников и характера доходов)</p>

<i>Действие (квалификация по законодательству Российской Федерации)</i>	<i>Ответственность по законодательству Китайской Народной Республики</i>	<i>Примечание</i>
	3) перевод денежных средств путем перевода со счета на счет или путем использования иных способов расчета; 4) содействие в переводе денежных средств за границу; 5) утаивание и сокрытие иными способами источников и характера доходов, полученных преступным путем. Если преступление, упомянутое в части первой настоящей статьи, совершено организацией, то по отношению к организации применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица наказываются по части первой настоящей статьи	
6. Обстоятельства, смягчающие ответственность (ст. 4.2 КоАП РФ, ст. 61 УК РФ); обстоятельства, отягчающие ответственность (ст. 4.3 КоАП РФ, ст. 63 УК РФ)	Статья 62 УК КНР. Назначение наказания более мягко или более строго в пределах санкции При наличии обстоятельств, определенных настоящим Кодексом как отягчающих или смягчающих ответственность, необходимо учитывать их при вынесении приговора в пределах санкций, установленных настоящим Кодексом. Статья 63 УК КНР. Назначение наказания ниже нижнего предела санкции При наличии предусмотренных настоящим Кодексом смягчающих наказание обстоятельств следует назначить наказание ниже нижнего предела санкции, а при наличии нескольких предусмотренных санкций следует назначить наказания в пределах более легкой санкции. (в ред. Постановления ПК ВСНП одиннадцатого созыва от 25 февраля 2011 г.) Если обстоятельства, требующие предусмотренного настоящим Кодексом назначения наказания ниже нижнего предела санкции, отсутствуют, но с учетом исключительных обстоятельств дела вынесение минимального наказания, установленного настоящим Кодексом, признается чрезмерно строгим, то по решению Верховного народного суда также может быть назначено наказание ниже нижнего предела санкции, установленного настоящим Кодексом	– законодательство об административной ответственности не устанавливают формализованные перечни обстоятельств, смягчающих и отягчающих обстоятельств; – общий перечень смягчающих обстоятельств в УК КНР отсутствует, смягчающие обстоятельства являются оценочным признаком; – общий перечень отягчающих обстоятельств в УК КНР отсутствует. В некоторых составах преступлений эти обстоятельства раскрываются, в отдельных – являются оценочными; – наличие смягчающих или отягчающих обстоятельств влияет на вид и размер наказания, а также на особенности его исполнения (например, при наличии отягчающих обстоятельств смертная казнь может быть приведена в исполнение)

Интерес представляют и иные особенности и положения антинаркотического законодательства КНР. Так, в уголовном законе КНР отсутствуют специальные нормы об уголовной ответственности за хищение и вымогательство наркотиков, нарушение правил оборота наркотиков, повлекшее их утрату, предусмотренные в УК РФ.

В ст. 349 УК КНР предусмотрена специальная норма о прикосновенности к наркопреступлению. По этой статье, в частности, наказываются укрывательство лиц, занимающихся контрабандой, сбытом, перевозкой или изготовлением наркотиков (наказываются лишением свободы на срок до трех лет, арестом или надзором вне зависимости от размера наркотиков, с которыми были совер-

шены незаконные действия). В п. 5 ст. 240 УК КНР предусмотрен специальный квалифицирующий признак – сопряженность с похищением женщины или ребенка в целях продажи с применением наркотических средств. Эти действия наказываются лишением свободы на срок десять и более лет или пожизненным лишением свободы и дополнительно штрафом или конфискацией имущества.

Так, в ст. 287-1 УК КНР установлена уголовная ответственность за незаконное использование информационной сети, выразившееся в распространении информации об изготовлении, сбыте наркотиков. Такие действия наказываются лишением свободы на срок до трех лет или арестом и дополнительно или в качестве самостоятельного

наказания штрафом. При совершении этих действий организацией к ответственности привлекается организация и несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица.

Уголовная ответственность за незаконные действия с наркотиками наступает с 16 лет. Исключение составляет сбыт наркотиков. За это деяние ответственность наступает с 14 лет (ст. 17 УК КНР). При наличии особо отягчающих обстоятельств совершенного преступления (признак в уголовном законе не трактуется, является оценочным) уголовной ответственности за наркопреступление может быть подвергнуто лицо, достигшее возраста 12 лет.

Китайский законодатель применяет принципы гуманизма и экономии репрессии при наказуемости отдельных категорий лиц. Так, лица, не достигшие 18 лет и совершившие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, подлежат более мягкому наказанию в пределах санкции либо им назначается наказание ниже низшего предела санкции (ст. 17 УК КНР). Аналогичные правила действуют при назначении наказания глухонемым и слепым, совершившим преступление (ст. 19 УК КНР). Иностранцам гражданам в качестве дополнительного уголовного наказания может быть установлено выдворение (ст. 35 УК КНР).

В целом можно сделать следующие выводы.

Во-первых, китайский законодатель устанавливает как уголовную, так и административную ответственность за незаконные дей-

ствия, связанные с оборотом наркотиков. Уголовная ответственность за незаконные действия с наркотиками дифференцируется исходя из объема предмета преступления (крупный, сравнительно крупный, небольшой), совершаемых с ним действий (хранение, сбыт), определенных обстоятельств (например, сопряженность незаконных действий с оказанием сопротивления, с участием в наркобизнесе), способа совершения (группового, с использованием несовершеннолетних), субъекта преступления (лицо, повторно совершившее наркопреступление; лицо, использующее свое служебное положение при совершении наркопреступления) и других обстоятельств.

Во-вторых, в УК Китая предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности за наркопреступления (например, добровольная ликвидация посадок мака).

В-третьих, законодатель КНР в нормах о наркопреступлениях выделяет такие специальные формы соучастия, как участие в наркобизнесе, пособничество в изготовлении.

В-четвертых, в УК КНР предусматривается ответственность за наркопреступления юридических и физических лиц (при наличии определенных обстоятельств физические лица несут ответственность с 12 лет).

В-пятых, за наркопреступления предусмотрены конкретно определенные, относительно определенные и альтернативные санкции в виде лишения свободы, ареста, надзора, штрафа, конфискации имущества; за отдельные наркопреступления установлена высшая мера наказания – смертная казнь.

Библиографический список

1. Диченко, А. Борьба с незаконным оборотом наркотиков в КНР: история, современность, международный аспект / А. Диченко // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – N 2.
2. Ивашенко, А.С. Производство и распространение наркотиков в странах Азии во второй половине XX – начале XXI вв.: причины интенсификации и противодействия / А.С. Ивашенко // Вестник АГУ. – 2019. – Вып. 3(244).
3. Козлов, А.А. Злоупотребление наркотиками, ВИЧ/СПИД и антинаркотическая политика в Китайской Народной Республике и Гонконге / А.А. Козлов // Наркология. – 2009. – Т. 8. – N 6(90).
4. Колесников, К.А. Консолидация антинаркотического законодательства: опыт Китайской Народной Республики / К.А. Колесников // Наркоконтроль. – 2012. – N 1.
5. Комиссина, И.Н. Наркоситуация в Китае: последствия для России / И.Н. Комиссина // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – N 1(22).
6. Николаев, А.М. Борьба таможенных органов КНР с контрабандой наркотиков / А.М. Николаев // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2015. – N 3(72).
7. Петров, Г.Ю. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени / Г.Ю. Петров // Историко-экономические исследования. – 2008. – Т. 9. – N 2.
8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. проф. А.И. Чучаева и проф. А.И. Коробеева ; пер. с китайского проф. Хуан Даосю. – 2-е изд. – М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021.
9. Шевцова, Ю.Б. О борьбе с наркотиками и о заместительной метадоновой терапии в Китае и Гонконге / Ю.Б. Шевцова // Российский психиатрический журнал. – 2009. – N 6.

Гулнара Фазитовна ХАМЕТДИНОВА,

доцент кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России,
кандидат юридических наук

gulnara.khamietdinova@mail.ru

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

**STATE POLICY FOR THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY
IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA**

В статье рассматривается государственная политика Китайской Народной Республики в период с 1991 по 2021 гг., осуществляемая в целях профилактики правонарушений несовершеннолетних. Продемонстрирован проведенный китайскими криминологами анализ причин и условий преступности несовершеннолетних. Изучена законодательная основа деятельности государства, нацеленная на предупреждение правонарушений несовершеннолетних, а также защиту их прав и интересов. Основными задачами государственной политики Китая в области профилактики правонарушений несовершеннолетних являются сохранение полноценного психического и физического здоровья, развитие морали и интеллекта, ответственности и дисциплины подрастающего поколения. Выраженный «приоритет воспитательных мер над применением наказания» свидетельствует о гуманистической направленности политики Китая по отношению к несовершеннолетним правонарушителям. Сделан вывод, что эффективная профилактика правонарушений несовершеннолетних является результатом комплексной государственной политики в данной сфере.

The state policy of the People's Republic of China in the period from 1991 to 2021, carried out to prevent juvenile delinquency is considered in the article. The analysis of the causes and conditions of juvenile delinquency carried out by Chinese criminologists is shown. The legislative basis of the state activities aimed at preventing juvenile delinquency as well as protecting their rights and interests is examined. The main objectives of China's state policy in the area of juvenile delinquency prevention are safeguarding mental and physical health, improving moral and intelligence, responsibility and discipline of the younger generation. The pronounced «priority of educational measures over the use of punishment» indicates the humanistic orientation of China's policy towards juvenile offenders. It is concluded that effective prevention of juvenile delinquency is the result of a comprehensive state policy in this area.

Ключевые слова: Китай, государственная политика, несовершеннолетние, правонарушения, преступления, профилактика.

Keywords: China, state policy, juveniles, offenses, crimes, prevention.

Китайская Народная Республика (далее – КНР, Китай) в долгосрочных перспективах своего развития связывает будущее страны с созданием благоприятных социально-экономических и образовательных условий для развития китайской молодежи как активного авангарда общества в достижении «китайской мечты». В течение последних двадцати лет государственная политика КНР была направлена на создание безопасной внутренней среды [2]. В период 2015-2020 гг. в стране констатируется динамичное снижение преступности как результат целенаправленной политики государства и эффективной деятельности полиции. Полиция КНР с начала XXI века прошла масштабный путь преобразований: от технического переоснащения до современных методов организации своей деятельности. Китай все больше становится безопасной и привлекательной страной [7]. На этом фоне проблемы, связанные с преступностью и правонарушениями несовершеннолетних, воспринимаются китайским обществом как недопустимые упущения гармоничного развития социума и личности.

Активное и поэтапное реформирование социально-экономической жизни Китая позволило стране занять лидирующие позиции среди развивающихся стран мира. На начальном этапе преобразований в 80-90-е гг. XX в. в Китае наблюдался рост преступности несовершеннолетних, что не было характерным для культуры китайского общества, оттого проблема длительное время не получила широкого обсуждения. Как справедливо отмечено А.А. Беженцевым, причин этому «может быть множество: от особенностей политического режима до особенностей менталитета народа КНР» [1, с. 89].

С принятием в 1991 г. Закона КНР «О защите несовершеннолетних»¹ решение проблемы вышло на общегосударственный уро-

вень. Закон был принят с целью защиты прав и интересов несовершеннолетних, а его основные задачи направлены на сохранение полноценного психического и физического здоровья, развитие морали и интеллекта, ответственности и дисциплины подрастающего поколения.

В 1999 г. был принят Закон КНР «О предупреждении правонарушений среди несовершеннолетних»², закрепивший основные принципы деятельности государства в данной сфере: направленность всех действий «на воспитание, исправление и спасение» несовершеннолетних, «приоритет воспитательных мер над применением наказания» по отношению к несовершеннолетним [1, с. 90]. Закон отражает прогрессивную гуманистическую направленность по отношению к несовершеннолетним лицам, совершившим правонарушения и преступления. Поскольку личностные качества несовершеннолетних находятся в стадии становления, важна не мера наказания, а создание условий, позволяющих встать на путь исправления и нацеленных на формирование правомерного поведения. Некоторые доктрины данного закона противоречили действующему Уголовному кодексу КНР и потребовали процедуры внесения соответствующих изменений, продолжившейся вплоть до 2011 г. [5]

Аналитическое обращение к Закону КНР «О предупреждении правонарушений среди несовершеннолетних» позволило выделить следующие концептуальные тенденции: 1) становление института ювенальной юстиции и формирование правового поля для его функционирования, развитие новых социально-правовых технологий и участия негосударственных и некоммерческих структур в данном контексте деятельности; 2) создание судов ювенальной юстиции, основной целью которых является защита интересов и

1 Закон КНР «О защите несовершеннолетних» принят на 21-м заседании Постоянного комитета Седьмого ВСНП 04.09.1991; пересмотрен Постоянным комитетом Тринадцатого ВСНП на 22-м заседании 17.10.2020. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/minors-protection-law> (дата обращения: 12.01.2022).

2 Закон КНР «О предупреждении правонарушений среди несовершеннолетних» принят на 10-м заседании Постоянного комитета Девятого Всекитайского собрания народных представителей 28.06.1999 и обнародован Указом Президента Китайской Народной Республики от 28.06.1999 N 17. URL: http://english.court.gov.cn/2015-08/17/content_21624093.htm (дата обращения: 12.01.2022).

прав несовершеннолетнего, направленных на превентивные меры (оказание медицинской, социальной, психолого-педагогической помощи, повышение ответственности за поведение несовершеннолетнего со стороны родителей, опекунов и др.); 3) создание специализированных субъектов (в полиции, в администрации муниципалитета), выполняющих профилактические и предупредительные меры в отношении несовершеннолетних; 4) привлечение общественности.

Государственная политика в данной области смогла консолидировать значительные ресурсы для всестороннего воздействия на изменение сложившейся неблагоприятной ситуации. Во-первых, расширение спектра деятельности общественных организаций, например Всекитайской федерации женщин, содействующей неблагополучным семьям, одиноким матерям. Во-вторых, активация «конфуцианских традиций заботы» коллектива (трудового, школьного) и оказание влияния на родителей, на трудного подростка. В-третьих, профилактическая деятельность полиции с несовершеннолетними на подведомственной территории, сопровождение процесса ресоциализации несовершеннолетних в тесном контакте с комитетами по месту жительства, со школами, с административными учреждениями и общественными организациями.

Для организации эффективной деятельности по преодолению преступности несовершеннолетних требовалось изучить причины и условия девиантного поведения подростков, а также особенности совершаемых ими деяний в современных условиях и на этой основе разработать научно-практические меры профилактики правонарушений и предупреждения преступности.

Научные исследования китайских криминологов [7; 11; 13-15] позволили выделить некоторые особенности преступности несовершеннолетних.

Во-первых, наблюдается тенденция снижения возраста несовершеннолетних (подростков 13-14 лет, а также детей в возрасте 10-12 лет), участвующих в группах или совершивших единолично противоправное деяние.

Отметим, что по китайскому законодательству полная правовая ответственность наступает с момента совершеннолетия (18 лет), но ряд статей УК КНР предусматривают меры наказания несовершеннолетних в периоды от 14 до 16 лет и от 16 до 18 лет.

Во-вторых, статистически заметным становится участие несовершеннолетних в совершении насильственных преступлений, в том числе убийств, побоев, изнасилований, совершенных с особой жестокостью или даже садизмом, ничем не мотивированных, а также соучастие в похищении людей.

В-третьих, сохраняются факты вовлечения взрослыми преступниками в совершение незаконных (преступных) деяний несовершеннолетних, в том числе принудительную проституцию, изготовление продукции порнографического характера с участием детей и несовершеннолетних, распространение наркотиков и др.

В-четвертых, появляются новые виды преступных деяний, совершаемых несовершеннолетними: участие в захвате заложников и принудительном удержании жертв, участие в найме для совершения убийства или другого преступного деяния, преступления с применением огнестрельного или холодного оружия.

В-пятых, наблюдается явное омоложение и распространение «высокотехнологичной преступности». Увеличивается количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними, связанных с использованием современных средств и IT-технологий (интернет-мошенничество, создание финансово-экономических проблем как частным лицам, так и юридическим организациям). Зафиксированы случаи, когда подростки-хакеры вторгались в коммерческие или даже государственные тайны, что само по себе может угрожать национальной безопасности страны.

В-шестых, как правило, «экономическая свобода» школьников ограничена денежными средствами, предоставляемыми родителями на карманные расходы. Испытывая недостаток средств для удовлетворения своих развлечений, подростки нередко совершают

кражи кредитных карт с целью совершения денежных манипуляций, материального обогащения, не испытывая при этом угрызений совести.

Посредством изучения исследований, проводимых как китайскими, так и отечественными учеными [3; 6], основанных на анализе фактического состояния преступности несовершеннолетних, можно выделить следующие основные причины и условия, способствующие девиантному (отклоняющемуся) поведению подростков.

Во-первых, это психофизиологический дисбаланс, сопровождающий подростковый период взросления. Как известно, бурный период физиологического созревания и физического развития позволяет подростку чувствовать себя взрослым. Процесс социализации в подростковый период сопровождается значительным расширением круга общения, где преобладают сверстники, также находящиеся на пике поиска новых занятий, быстро сменяющихся увлечений, хаотичных знакомств, и созданием групп «по интересам». Активное развитие интеллекта и креативности в данный возрастной период может находить реализацию не только в позитивных занятиях, но и в противоправных деяниях.

Во-вторых, демографическая политика Китая по принципу «одна семья – один ребенок», продолжающаяся длительное время (1979-2016 гг.), не только привела к изменению количественного состава семьи, но изменила традиционные приоритеты семейных взаимоотношений, семья стала «нуклеарной» и «детоцентрической». Ориентированность супружеской пары на одного ребенка создала воспитательную проблему избалованного ребенка – «маленького императора». В то время как обучение в китайской школе традиционно опирается на дисциплину и исполнительность, данное противоречие приводит подростков к многочисленным нарушениям порядка.

В-третьих, семья в Китае всегда являлась оплотом государства в качестве первичного социального контроля. Современная семья претерпела значительные трансформации, увеличилось количество разводов, неполных

семей, повторных браков, что часто негативно отражается на полноценной социализации детей (подростков), они не ощущают достаточной поддержки и заинтересованности, а также надлежащего контроля со стороны родителей [4]. Воспитание детей становится «небрежным», что стимулирует последних на поиск друзей, формируются «праздные» компании, где поиск новых развлечений приводит к правонарушениям и противоправным действиям. Эксперты отмечают увеличение фактов семейного насилия по отношению к женщинам, детям, пожилым членам семьи, что нередко порождает ответное насилие.

В-четвертых, образование, являясь значимой ценностью в китайской ментальности, в настоящее время переживает дисбаланс между стремлением школы к интенсивному интеллектуальному развитию обучающихся и недостаточным вниманием к формированию моральных и нравственных качеств, изучению юридических основ правомерного поведения. Немногим подросткам известно, с какого возраста начинается их юридическая ответственность, какие совершаемые ими поступки являются общественно опасными деяниями, будут ли они привлечены к уголовной ответственности. Отсутствие необходимых знаний у подростков снижает их морально-нравственную устойчивость, не позволяя сформироваться «индивидуальной концепции» законопослушного поведения.

В-пятых, резкое и значительное экономическое расслоение общества, распространение западных образцов массовой культуры, транслирующей «вестернизированные» модели поведения, возникшие на фоне снижения значимости традиционной китайской культуры и социалистических ценностей, негативно влияют на развитие правового сознания молодого поколения. Присущее культуре стран востока конфуцианство всегда являлось тем стержнем социальной жизни, который был дополнительным ресурсом, сдерживающим преступность во всех слоях китайского общества. Все это усиливает виктимность (уязвимость) подростков и несет социальные риски девиантного поведения несовершеннолетних.

В-шестых, в настоящее время основной массив преступности переходит в интернет-среду. Негативным фактором, влияющим на распространение правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, является информация, распространяемая современными телекоммуникационными технологиями, что требует активного вмешательства государства по защите интересов и безопасности несовершеннолетних.

Как известно, повышение экономического благосостояния и трудовой занятости населения в Китае способствовало решению многих социальных проблем, в том числе и провоцирующих преступность несовершеннолетних. В 2001 г. были внесены поправки в Закон КНР «О браке», где впервые были уравнены в правах дети, рожденные вне брака, и законнорожденные, закреплены имущественные права детей при разводе родителей, ответственность разведенных родителей за воспитание детей. С 2012 г. руководством страны был взят курс на реализацию «китайской мечты», что предполагает достижение духовных (моральных) и материальных целей: национальное возрождение, индивидуальное совершенствование, достижение общества средней зажиточности. В период 2012-2020 гг. китайская экономика по многим показателям достигла лидирующих позиций, что позволило улучшить качество жизни граждан. В настоящее время в Китае более сорока городов-мегаполисов, что потребовало поиска новейших технологических подходов к обеспечению общественной безопасности и усовершенствованию методов работы полиции с населением, усиления аспектов социального доверия и взаимодействия [8].

В период 2015-2020 гг. в КНР государственная политика была направлена на оздоровление социальной атмосферы, укрепление законности и интеграции общества, предприняты ряд законодательных инициатив по укреплению семьи и защиты прав и интересов несовершеннолетних. Отметим только некоторые из них.

В 2016 г. был принят Закон КНР «О борьбе с насилием в семье», где особое внимание уделяется предотвращению насилия в отношении детей и несовершеннолетних. Насилие снижает воспитательный потенциал семьи, наносит психологический и физический вред детям – жертвам насилия. В ст. 3 данного закона указано, что запрещены все формы домашнего физического и психологического насилия, в том числе избиение, причинение вреда здоровью, нанесение телесных увечий, лишение свободы, а также вербальные угрозы и оскорбления. Психологические травмы, полученные ребенком от фактов семейного насилия, имеют пролонгированный характер, формируют виктимную личность и создают почву для роста преступности несовершеннолетних.

В Министерстве общественной безопасности КНР подвели итоги применения Закона «О борьбе с насилием в семье» за пятилетний период 2016-2021 гг. Полиция регулярно осуществляла профилактические мероприятия по предотвращению семейного насилия, незамедлительно реагировала на экстренные вызовы «112», пресекла более 6,17 млн случаев домашнего насилия. Поддерживаемая населением полиция содействовала разрешению более 8,25 млн семейных ссор, осуществляя функцию, направленную на примирение сторон, сохранение и поддержку семьи [9, с. 310].

В 2016 г. была принята «Национальная стратегия информационной безопасности» Китая. В 2017 г. вступил в силу Закон КНР «О кибербезопасности»¹, в соответствии с которым государство обеспечивает здоровую и безопасную сетевую среду для несовершеннолетних (ст. 13), предусматривает наказание за вовлечение несовершеннолетних в деятельность, которая наносит им вред (ст. 17).

В Закон КНР «О защите несовершеннолетних» были внесены поправки, вступившие в силу с 1 июня 2021 г., которые призваны усилить защиту несовершеннолетних в киберпространстве. Провайдеры интернет-ус-

¹ Закон КНР «О кибербезопасности» принят 07.11.2016 Постоянной комиссией народного конгресса // Портал законов Китая. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/cybersecurity-law-of-china-20161107> (дата обращения: 17.01.2022).

луг должны предусмотреть соответствующие функции ограничения по времени и ограничения просмотров несовершеннолетними лицами. Родители и опекуны имеют право проинформировать провайдеров интернет-услуг о необходимости принятия мер (удаление, блокировка, отключение ссылок), если несовершеннолетние подвергаются кибербуллингу. Полиция осуществляет постоянную киберфильтрацию. Самым эффективным профилактическим методом является осведомленность и информированность несовершеннолетних пользователей Интернета. С этой целью в китайских школах в третью неделю сентября проводится «Неделя кибербезопасности», где все учащиеся принимают участие в различных мероприятиях и технологических выставках.

Государственная политика КНР в целях предупреждения и профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, в большей степени нацелена на приме-

нение не уголовных форм воздействия [10], а установки на «воспитание, исправление и спасение», осуществление руководящей идеи «приоритета воспитательных мер над применением наказания» [1, с. 90].

Таким образом, государственная политика КНР, нацеленная на профилактику правонарушений и предупреждение преступности несовершеннолетних, в период 1991-2021 гг. развивалась в соответствии с поступательным экономическим развитием страны, наращивая усилия в наиболее актуальных направлениях, от декларирования гуманистических концепций до создания социальных условий и действующего правового поля по защите интересов и прав несовершеннолетних. Отмечаемое на современном этапе динамичное снижение преступности в подростково-молодежной среде является результатом целенаправленной, поэтапной и комплексной государственной политики Китая в течение нескольких десятилетий.

Библиографический список

1. Беженцев, А.А. Генезис и эволюция профилактики правонарушений несовершеннолетних в зарубежных странах / А.А. Беженцев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 4. – С. 85-94.
2. Вэньцзюнь, С. Преступность как показатель общественной безопасности (сравнительный анализ) России и Китая / С. Вэньцзюнь, С.Н. Котенкова // Казанский экономический вестник. – 2018. – № 2. – С. 92-98.
3. Голубничная, Л.С. Преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: по материалам Дальневосточного федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.С. Голубничная. – Владивосток, 2011.
4. Дунаева, О.Н. Гендерный ресурс общества: супружество и родительство / О.Н. Дунаева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2016. – Т. 2. № 4. – С. 38-49.
5. Дунаева, О.Н. Преодоление насилия в семье в современном Китае. Закон «О борьбе с насилием в семье» (2016 г.): подготовка законопроекта и первые итоги применения (2016-2021 гг.) (часть 2) // Виктимология. – 2021. – Т. 8. – № 4. – С. 303-317.
6. Дунмэй, П. Новые тенденции развития уголовного законодательства в Китае (интерпретация «Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики (№ 8) / П. Дунмэй // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2011. – № 2. – С. 61-67.
7. Дунмэй, П. Проблемы преступности несовершеннолетних и борьба с ней в КНР / П. Дунмэй // Lex russica (Русский закон). – 2013. – Т. 95. – № 4. – С. 391-400.

8. Зайко, Т.М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты : монография / Т.М. Зайко. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. – 85 с.

9. Карпышева, Ю.О. Виктимологическая безопасность в России и Китае: попытка сравнительного анализа / Ю.О. Карпышева, А.Л. Репецкая // Сибирский юридический вестник. – 2019. – N 2. – С. 84-89.

10. Майоров, В.И. Опыт Китайской Народной Республики по организации взаимодействия полиции и общества в охране общественного порядка / В.И. Майоров, О.Н. Дунаева, А.М. Пряников // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. – 2021. – N 3. – С. 107-112.

11. Цунь, М. Исследование о повторной преступности несовершеннолетних / М. Цунь // Вестник Хэнаньской полицейской академии. – 2011. – N 5. – С. 24.

12. Чжан, Ц. Применение в Китае системы уголовного урегулирования в отношении несовершеннолетних / Ц. Чжан, С. Ли // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – N 2 (34). – С. 85-94.

13. Чжицзе, В. Исследование о профилактике и исправлении преступности несовершеннолетних – на примере города Чунцин / В. Чжицзе, Л. Сяохуа // Вестник Китайской молодежной политической академии. – 2008. – N 6. – С. 102.

14. Юаньхуан, Ч. Исследование состояния преступности несовершеннолетних / Ч. Юаньхуан // Прокуратура в борьбе с преступностью. – 2011. – N 11. – С. 13.

15. Юаньхуан, Ч. Основные особенности и тенденции изменения преступности несовершеннолетних / Ч. Юаньхуан, Я. Бин // Проблемы преступности подростков. – 2009. – N 5. – С. 61.

Андрей Геннадьевич ТУЗОВ,

старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного
университета

a.tuzov@spbu.ru

УГОЛОВНЫЙ ПРИКАЗ И ВОЗРАЖЕНИЯ НА НЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

A CRIMINAL ORDER AND A PROTEST AGAINST IT IN A CRIMINAL COURT PROCEEDING OF THE CZECH REPUBLIC

В статье автор рассматривает особую упрощенную форму производства по уголовным делам в Чехии (уголовный приказ) и соответствующее средство защиты (возражения). Автор анализирует взаимосвязь сокращенной формы вынесения итогового решения по уголовному делу и доступности средства его обжалования. Отдельное внимание автор уделяет вопросу особенностей возражений как средства защиты, инициирующего проверочное производство.

The article considers a special form of criminal proceedings in the Czech Republic (criminal order) and the corresponding legal remedy (objections). The author analyzes the relationship between the shortened form of making the final decision in a criminal case and the availability of a means of appealing it. The author pays special attention to the issue of features of objections as a means of protection initiating verification proceedings.

Ключевые слова: уголовный приказ, возражения, уголовный процесс, итоговое решение, проверочные производства, Чешская Республика.

Keywords: a criminal order, objections, criminal procedure, final decision, verification proceedings, the Czech Republic.

Уголовный процесс Чешской Республики предусматривает особую форму рассмотрения некоторой категории уголовных дел. Уголовный приказ – это особый вид решений по уголовным делам, принимаемых судьей единолично без проведения судебного следствия, если из поступивших в суд материалов уголовного дела усматриваются достаточные основания, позволяющие без сомнений установить все обстоятельства

совершения преступления, либо если предварительное следствие было проведено в сокращенной форме (ст. 314е УПК Чехии [7]¹).

Уголовный приказ может быть постановлен единолично судьей (по общему правилу уголовные дела по первой инстанции в Чешской Республике рассматриваются судебными сената, состоящими из профессионального судьи и двух заседателей), если лицо обвиняется в совершении проступка

¹ Здесь и далее имеются в виду статьи УПК Чехии без дополнительных отсылок.

(přečin), под которым в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК Чехии понимается деяние, запрещенное уголовным законом, совершенное по неосторожности, либо умышленное преступление, максимальный срок наказания за совершение которого не превышает пяти лет лишения свободы [6].

Постановить уголовный приказ по делу для судьи – право, а не обязанность, а потому уголовный приказ является факультативной формой принятия итоговых решений по уголовным делам [1, с. 81]. Поскольку уголовный приказ выносится без проведения судебного следствия и вызова сторон, фактически только по результатам самостоятельного изучения материалов дела судьей, то не по каждому делу этой категории уголовный приказ можно постановить. Из собранных доказательств и материалов обстоятельства совершения преступления (проступка) должны быть очевидными и бесспорными для судьи [5, с. 5-6]. В ситуации, когда совокупность представленных судье доказательств представляет собой либо сложную систему доказательств различного вида (особенно, если имеются заключения судебных экспертов), либо вызывает обоснованные сомнения в полноте, судья должен назначить судебное разбирательство по делу и провести рассмотрение уголовного дела в полном объеме, и не может постановить уголовный приказ [2, с. 18].

Поскольку уголовный приказ принимается судьей в результате изучения уголовного дела, то есть вне процедуры открытого судебного заседания с вызовом сторон, уголовный приказ не подлежит оглашению и всегда должен направляться почтой или вручаться лично в руки: обвиняемому и при наличии его защитнику, государственному обвинителю и потерпевшему, если он заявил требования о возмещении причиненного преступлением ущерба, компенсации морального вреда или выплате неосновательного обогащения (ч. 2 ст. 314f).

Несмотря на то, что уголовный приказ – это сокращенная форма рассмотрения уголовных дел, она имеет широкое распространение на практике: около 50% уголовных дел заканчиваются именно вынесением уголов-

ного приказа. Так, в 2019 году в Чешской Республике были привлечены к уголовной ответственности 81258 лиц, из них в отношении 40353 лиц постановлен уголовный приказ, что составляет 49,8% [3].

Конституционный суд Чехии, рассматривая вопрос соответствия Конституции данной формы производства, не усмотрел в такой форме принятия итогового решения по делу каких-либо нарушений конституционных прав, поскольку при несогласии с уголовным приказом обвиняемый может подать возражения, главным последствием которых является отмена уголовного приказа и дальнейшее рассмотрение уголовного дела в судебном разбирательстве в общем порядке [9].

А потому лицо наделено правом подать специфическое средство защиты возражения (odpor). С момента получения уголовного приказа у обвиняемого (его защитника), государственного обвинителя, потерпевшего (если он заявил требования по возмещению причиненного преступлением ущерба, компенсации морального вреда или выплате неосновательного обогащения) и у иных лиц, которые уполномочены по УПК Чехии подать апелляционную жалобу в защиту интересов обвиняемого (то есть прямые родственники обвиняемого, братья и сестры, его приемные родители, партнер и сожитель) возникает право подать возражения (odpor), которые являются единственным способом обжалования этого вида судебного решения по уголовному делу, а по сути – волеизъявлением лица, с которым закон связывает правовое последствие в виде невозможности уголовного приказа вступить в законную силу.

Потерпевший помимо возражений на уголовный приказ в оговоренных случаях может также отозвать свое согласие на уголовное преследование, что повлечет также отмену уголовного приказа и прекращение уголовного преследования лица (ч. 3 ст. 314g). В данном случае речь идет о такой особенности, когда закон (ст. 163 и 163a) связывает возможность осуществлять уголовное преследование по таким преступлениям, как причинение тяжких телесных повреждений по неосторожности (ст. 147 УК), телесных

повреждений по неосторожности (ст. 148 УК), неоказание помощи (ст. 150 УК), неоказание помощи водителем транспортного средства (ст. 151 УК), шантаж (ч. 1 ст. 175 УК), нарушение неприкосновенности жилища (ст. 178 УК), кража (ст. 205 УК), растрата (ст. 206 УК), мошенничество (ст. 209 УК) и другим, с явно выраженным согласием потерпевшего на уголовное преследование. В случае, если потерпевший его не дает, то независимо от источника осведомленности о совершенном преступлении лицо не может быть подвергнуто уголовному преследованию, а уголовное производство подлежит прекращению (ч. 1 ст. 163). Государственный обвинитель также помимо возражений на уголовный приказ вправе отозвать предъявленное обвинение из суда, получив которое суд отменяет уголовный приказ и возвращает государственному обвинителю дело для производства предварительного расследования (ч. 4 ст. 314g). В обоих случаях такие заявления потерпевшего или государственного обвинителя должны быть сделаны до получения уголовного приказа любым из лиц, которым он был направлен (в соответствии с ч. 2 ст. 314f уголовный приказ направляется обвиняемому, его защитнику, потерпевшему и государственному обвинителю).

Возражения направляются в суд, постановивший уголовный приказ, в течение восьми дней со дня получения уголовного приказа, при этом для обвиняемого и его защитника срок исчисляется отдельно от срока для государственного обвинителя и потерпевшего. Родственники обвиняемого, наделенные правом подать возражения, связаны со сроком, исчисляемым для обвиняемого. Истечение указанного срока для подачи возражений имеет важное юридическое значение, а именно – вступление в законную силу уголовного приказа и приведение уголовного приказа к исполнению.

Срок для принесения возражений может быть восстановлен судом в порядке ст. 61 УПК при наличии уважительных причин и соответствующего ходатайства, к которому прикладываются возражения. Ходатайство об этом должно быть заявлено в течение

трех дней с того дня, когда причины, препятствовавшие подаче возражений, отпали. Уважительными причинами признаются такие, вследствие которых лицо объективно не имело возможности либо было существенно ограничено в возможности подать возражения (например, из-за серьезного заболевания обвиняемого или его защитника, непредвиденных критических событий, произошедших с их семьями), при этом они напрямую не зависели от воли самого лица и не возникли в результате его осознанного решения (например, защитник не подал возражения, поскольку обвиняемый в последние часы истечения срока их принесения дал указания направить возражения) [12].

В течение срока для направления возражений в суд обвиняемый вправе отказаться от своего права принесения возражений на уголовный приказ (другими словами, не ожидать истечение срока для подачи возражений, а явно выразить свою позицию – возражений против уголовного приказа не подавать). Такое заявление может быть сделано лишь в течение восьмидневного срока. В случае, если все участники отказались от права на подачу возражений, уголовный приказ вступает в законную силу до истечения срока [12]. Однако Конституционный суд, рассматривая ситуацию, когда обвиняемая сначала отказалась под протокол от права на подачу возражений, а позднее подала возражения, констатировал нарушение права на защиту и на справедливое разбирательство, поскольку суд не принял во внимание возражения, поданные после устного заявления об отказе от них, не назначил судебное разбирательство по уголовному делу, при том что в момент, когда обвиняемая сделала заявление об отказе в возражениях, она не получила консультацию защитника, хотя участие защитника в ее деле было обязательным в силу требований уголовно-процессуального закона [13].

УПК Чехии не устанавливает специальных требований к содержанию возражения, предъявляя лишь общие формальные требования к письменным заявлениям и ходатайствам, предусмотренные для всех видов письменных обращений в уголовном процес-

се. Так, возражения можно подать в форме письменного документа, в электронной форме, устно с внесением в протокол (в судебном заседании или вне его перед судьей), факсом, телеграммой. Возражения должны быть адресованы суду, который постановил уголовный приказ, должны содержать указания на лицо, которое подает возражения, содержать указания на дату и подпись заявителя (ст. 59 и 314g).

В отличие от иных видов средств обжалования (например, от апелляционных и кассационных жалоб) возражения могут быть немотивированными по существу, достаточно, чтобы из содержания поданного заявления следовало, что лицо возражает против уголовного приказа, не согласно с постановленным приказом. С точки зрения содержания возражений имеет значение указание на несогласие с конкретным судебным актом, а не мотивы такого несогласия лица [11, с. 9].

Если судом будут усмотрены допущенные формальные нарушения в оформлении возражений, он должен предоставить срок для устранения выявленных недостатков. Например, обвиняемый подал возражения в форме документа почтой, сами возражения им лично не были подписаны, хотя его данные были указаны в самом заявлении. Суд не принял данные возражения во внимание, как поданные с нарушением требований ст. 59 УПК Чехии, а вместе с тем не принял мер по устранению допущенных формальных нарушений, например, предложив устранить их в разумный срок. Конституционный суд, рассматривая жалобу обвиняемого, констатировал в этом случае нарушение права на доступ к суду как части права на судебную защиту [10].

По общему правилу недопустимо подавать возражения в какой-либо части уголовного приказа, возражать можно только против уголовного приказа целиком (ч. 1 ст. 314g). Так, если уголовный приказ постановлен по нескольким эпизодам, то закон не предусматривает возможность возражать против только одного из них. В то же время, если уголовный приказ постановлен в отношении нескольких лиц, а возражения пода-

ло лишь одно из них, уголовный приказ не вступает в законную силу только в отношении лица, подавшего возражения, в отношении остальных – вступает в законную силу [2, с. 47].

При получении возражений на уголовный приказ суд проверяет, поданы ли они уполномоченным лицом в установленный законом срок, не установив нарушений, отменяет уголовный приказ и назначает по данному уголовному делу судебное разбирательство в обычной процедуре (ч. 2 ст. 314g). При дальнейшем рассмотрении дела суд не связан ни с выводами о правовой квалификации, ни с пределами размера назначенного наказания в уголовном приказе, другими словами, запрет поворота к худшему не распространяется на дальнейшее разбирательство по уголовному делу (ч. 2 ст. 314g) [8]. И в этом смысле обвиняемый принимает на себя риск в будущем получить более строгое наказания в случае признания его виновным в совершении преступления, поскольку в силу ч. 2 ст. 314e при вынесении уголовного приказа не может быть назначено более строгое наказание, чем лишение свободы на срок до одного года условно или домашний арест сроком до одного года, депортация на срок до пяти лет или запрет на пребывание до пяти лет.

Таким образом, уголовный приказ является решением по уголовному делу, принимаемому в упрощенной форме рассмотрения наиболее простых (с точки зрения доказывания) уголовных дел по преступлениям небольшой и средней тяжести без проведения судебного заседания, который, вступив в законную силу, приравнивается к обвинительному приговору. При этом судья выносит уголовный приказ с учетом правовой квалификации деяния, данной в предъявленном обвинении, при отсутствии разумных сомнений в доказанности всех обстоятельств преступления; он существенно ограничен законом в видах и размерах назначаемого наказания: лишения свободы сроком до одного года условно с установлением испытательного срока; домашнего ареста до одного года; общественных работ; запрета деятельности на срок до пяти лет; запрета на содержание и

разведение животных; штрафа; конфискации имущества; выдворения на срок до пяти лет; запрета на пребывание на срок до пяти лет; запрета на посещение спортивных, культурных и других общественных мероприятий на срок до пяти лет. Уголовный приказ принимается судьей без проведения открытого судебного заседания на основании лишь изучения имеющихся материалов уголовного дела.

Как акт правосудия, постановленный в упрощенной форме, уголовный приказ может быть обжалован простым и широкодоступным средством обжалования (своего рода *sui generis*) [4, с. 21], а именно – путем подачи немотивированных возражений на него, с поступлением в суд которых закон связывает безусловную отмену уголовного приказа и назначения уголовного дела к рассмотрению по существу в общем порядке.

Между тем в теории чешского уголовного процесса существует дискуссия: насколько возражения на уголовный приказ можно отнести к средствам обжалования (*orgánové prostředek*). Исходя из принятого понимания ординарных средств обжалования как средств обжалования не вступивших в законную силу решений, возражения являются таковыми, так как подача возражений возможна лишь на не вступивший в законную силу уголовный приказ, однако не возникающий при этом девальвативный эффект существенно отличает данное средство обжалования от других ординарных (апелляция и жалоба) [2, с. 42]. Однако отсутствие необходимости приводить обоснования возражений, невозможность их рассмотреть по существу и принять решение при рассмотрении возражений

по второй инстанции, безусловное наступление последствий в виде невозникновения законной силы обжалуемого решения при подаче возражений – все это существенно отличают возражения от иных ординарных средств обжалования, а потому возражения хоть и являются средством обжалования, но специфическим, не имеющим специального обозначения (*sui generis*). Вместе с тем возражения на уголовный приказ по достаточным основаниям можно считать ординарным средством обжалования, так как возражения могут быть принесены только на не вступивший в законную силу уголовный приказ и это, пожалуй, главный признак. Уголовный приказ как институт является упрощенной формой разрешения уголовных дел, а потому и опротестование таких решений тоже должно иметь упрощенную процедуру, не создавая чрезвычайную нагрузку на суды [14, с. 1626-1639]. Само по себе рассмотрение жалоб в порядке *autoremedura* известно чешскому уголовному процессу и не вызывает дискуссий, и использование *autoremedura* в упрощенной форме представляется оправданным. При этом право на вторую инстанцию сохраняется, поскольку при подаче возражений дело подлежит рассмотрению в общем порядке, которое закончится постановлением приговора и в дальнейшем предоставлением участникам возможности апелляционного обжалования. Данный подход с учетом упрощенной формы и обеспечивающимися гарантиями участникам уголовного судопроизводства при отказе от упрощений был также признан Конституционным судом Чехии непротиворечащим конституционным правам [9].

Библиографический список

1. Jelínek J. Trestní příkaz včera, dnes a zítra // *Kriminalistika*, 2015. – roč. 48. – č. 2.
2. Novák P. Trestní příkaz : disertační práce / Praha: Univerzita Karlova v Praze. – 2020
3. Statistický přehled soudních agend: první část. Rok 2019 // *InfoData* / Ministerstvo spravedlnosti. – URL: <https://cslav.justice.cz/InfoData/statisticke-rocenky.html> (дата доступа: 20.06.2022).

4. Strnadová L. Odpor jako specifický opravný prostředek trestního práva. // Právní rádce. – 2002. – č. 8.
5. Vantuch P. Trestní příkaz, podmínky pro jeho vydání a možnosti obhajoby // Trestní právo. – 2013. – č. 7-8.
6. Zákon č. 40/2009 Sb. Zákon o trestním zákoník // Zákony pro lidi. – URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40> (дата обращения: 20.06.2022).
7. Zákon č. 141/1961 Sb. // Zákony pro lidi. – URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/1961-141> (дата обращения: 20.06.2022).
8. Nález Ústavního soudu ze dne 20.02.2002 sp.zn. II.ÚS 213/2000 // NALUS: Vyhledávání rozhodnutí Ústavního soudu České republiky. – URL: <https://nalus.usoud.cz/Search/ResultDetail.aspx?id=35931> (дата обращения: 20.06.2022).
9. Nález Ústavního soudu ze dne 10.12.2009 sp.zn. III.ÚS 39/09 // NALUS: Vyhledávání rozhodnutí Ústavního soudu České republiky. – URL: <https://nalus.usoud.cz/Search/ResultDetail.aspx?id=64545> (дата обращения: 20.06.2022).
10. Nález Ústavního soudu ze dne 20.02.2018 sp.zn. II.ÚS 2791/17 // NALUS: Vyhledávání rozhodnutí Ústavního soudu České republiky. – URL: <https://nalus.usoud.cz/Search/ResultDetail.aspx?id=100988> (дата обращения: 20.06.2022).
11. Crha L. Odpor v neprospěch obviněného – nepřesnost komentářů? // Trestní právo. – 1999. – č. 4.
12. Draštík A., Fenyk J. a kol. Trestní řád. Komentář. I. díl. – Praha: Wolters Kluwer, 2017. – 1412 s. // Wolters Kluwer ČR – Smarteca. – URL: https://www.smarteca.cz/my-reader/18968_20170601_0?fileName=trestni_rad_1_dil_-_2016-epub-13.xhtml (дата обращения: 22.06.2022).
13. Nález Ústavního soudu ze dne 18.03.2015 sp.zn. IV.ÚS 2443/14 // NALUS: Vyhledávání rozhodnutí Ústavního soudu České republiky. – URL: <https://nalus.usoud.cz/Search/ResultDetail.aspx?id=87917> (дата обращения: 15.05.2022).
14. Zůbek J. Trestní příkaz vydaný bez ohledu na zjištěný skutkový stav // Část VII. – Trestněprávní a procesní alternativy v trestním právu individuálním a kolektivním / Dny práva 2012. – Brno: Masarykova univerzita. – 2013.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 342.9

DOI 10.51980/2542-1735_2022_3_130

Григорий Борисович ДОБРЕЦОВ,

старший научный сотрудник НИЦ-1
Научно-исследовательского института
ФСИН России (г. Москва),
кандидат исторических наук

2096900@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ПОРЯДКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНТРАКТА

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF THE CONTRACT CONCLUSION PROCEDURE

В статье проведен анализ правоприменительной практики в сфере административной ответственности должностных лиц заказчиков,купающих товары, работы, услуги для государственных нужд, за нарушения порядка заключения контракта и предложены рекомендации по снижению рисков нарушений законодательства. В работе применены общенаучные методы исследования: сравнение и анализ и метод экспертных оценок. Научная новизна работы заключается в том, что автором исследовано применение административной ответственности за правонарушения на основании статьи 7.32 КоАП РФ в условиях изменений Закона «О контрактной системе...» 2022 г.

The article analyzes the law enforcement practice in the field of administrative responsibility of officials of customers who purchase goods, works, and services for public needs for violations of the contract concluding procedure and offers recommendations to reduce the risks of violations of the law. General scientific research methods of comparison and analysis and the method of expert assessments are used in the work. The scientific novelty of the work lies in the fact that the author studied the application of administrative responsibility for offenses based on Article 7.32 of the Administrative Code of the Russian Federation in the context of amendments to the Law «On the Contract System...» 2022.

Ключевые слова: административная ответственность, заключение контракта.

Keywords: administrative responsibility, conclusion of the contract.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муници-

пальных нужд» (далее – Закон) в числе принципов контрактной системы называет принцип ответственности за результативность и эффективность закупок, который вклю-

чает в себя персональную ответственность должностных лиц заказчиков за соблюдение требований законодательства Российской Федерации о контрактной системе: «Лица, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе, несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» (ч. 1 ст. 107 Закона).

Административные правонарушения в рассматриваемой сфере отнесены к главе 7 «Административные правонарушения в области охраны собственности» Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ, Кодекс). «Тем самым российский законодатель подчеркивает тот факт, – отмечает С.А. Барышев, – что предметом такого рода правонарушений будет являться государственная или муниципальная собственность» [2, с. 55]. Глава 7 КоАП РФ содержит 11 статей, состоящих из 58 частей, предусматривающих ответственность за административные правонарушения в сфере закупок: ст. 7.29, 7.29.1, 7.29.2, 7.29.3, 7.30, 7.31, 7.31.1, 7.32, 7.32.1, 7.32.5, 7.32.6.

Одной из задач нашего исследования является определение границ действий заказчика, которые относятся к понятию «заключение контракта» («порядку заключения контракта»), и формулирование дефиниции «заключение контракта». Кроме этого автором продолжено исследование соотношения дефиниций «событие административного правонарушения» и «состав административного правонарушения».

Событие административного правонарушения применительно к действиям по заключению контракта. КоАП РФ не дает определения термину «событие административного правонарушения», однако изучение его содержания, а также судебной практики позволяет сделать вывод, что событие административного правонарушения – это состоявшийся факт нарушения каких-либо норм законодательства, за которое предусмотрена административная ответственность. Соответственно, отсутствие события административного

правонарушения – это отсутствие нарушения законодательства, за которое предусмотрена административная ответственность. Отсюда одним из главных вопросов, необходимых для выяснения по делу об административном правонарушении, является вопрос о наличии события административного правонарушения. Как мы уже писали, при этом событие правонарушения не следует отождествлять с совершенным административным правонарушением. С нашей точки зрения, уместно говорить о противоправном деянии, содержащем *признаки* административного правонарушения, ибо административным правонарушением признается *деяние* не только противоправное, но и *виновное* (здесь и далее курсив наш. – Г.Д.) [подр.: 5, с. 12].

Закон не дает определения дефиниции «заключение контракта», понимая под этим «порядок заключения контракта», нарушение которого влечет за собой административную ответственность.

Мы не разделяем позиции авторов (например, А.С. Семькиной [9, с. 3]), которые расширительно толкуют нарушения в сфере заключения контракта, включая сюда и неправильный выбор способа определения поставщика. В том числе не разделяем позицию Ж.Ю. Юзефович, Е.К. Сериковой, относящих заключение контракта с единственным поставщиком при отсутствии правовых оснований к случаям нарушений со стороны заказчика при заключении контрактов. [11, с. 178]. Указанные правонарушения находятся за пределами «порядка заключения контракта».

Наша позиция основывается на анализе дефиниции «определение поставщика (подрядчика, исполнителя)» (п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона), а также на наличии в КоАП РФ специальной нормы – ст. 7.29 «Несоблюдение требований законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд при принятии решения о способе и об условиях определения поставщика (подрядчика, исполнителя)».

По нашему мнению, под заключением контракта в широком смысле понятия (или

под «порядком заключения контракта») в контрактной системе следует понимать юридически значимые действия заказчика, входящие в совокупность действий по определению поставщика (подрядчика, исполнителя) и сопровождающие их действия, осуществляемые в порядке, установленном Законом, начинающиеся разработкой проекта контракта, включаемого в извещение об осуществлении закупки товара, работы, услуги для обеспечения государственных или муниципальных нужд, и завершающиеся моментом, с которым законодатель связывает факт заключения контракта (подписание заказчиком проекта контракта), – началом действия контракта. Как сказано в п. 1 ст. 425 ГК РФ: «Договор вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения».

Теоретические аспекты заключения государственных (муниципальных) контрактов исследовали С.А. Кривохат [6], И.В. Балгутите [1], Д.П. Сумбаев [10]. Последний отметил сложную систему организационно-правовых отношений в сфере осуществления закупок и их элемента – заключения контракта. Д.П. Сумбаев даже ввел в научный оборот понятия «мероприятия заключения государственного контракта» и «система заключения государственного контракта», выделив ее элементы. «С учетом содержания обозначенных норм Закона N 44, которые детализированы во множестве подзаконных актов, – пишет он, – можно обозначить структурную особенность системы заключения согласно Закону N 44 государственных контрактов в виде основных элементов (правовых механизмов) этой системы: терминологического и общего характера (гл. 1, 2, 4-8 Закона N 44), классификационного, процедурного, статусного, формального, обязательного, обеспечительного и прочего содержания (гл. 3 Закона N 44) [11, с. 121-122].

С нашей точки зрения, порядок заключения контракта, установленный Законом («заключение контракта» в широком смысле), включает в себя:

– соблюдение объявленных условий определения поставщика;

– соблюдение формы контракта в зависимости от типа закупки (в электронной форме или неэлектронной форме): в форме электронного документа или простой письменной форме;

– размещение проекта контракта в извещении об осуществлении закупки товара, работы, услуги для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ч. 2 ст. 42 Закона);

– включение в проект контракта условий контракта, в первую очередь существенных условий: о предмете контракта, о цене контракта и порядке оплаты, о сроках (периодах) поставки товара, выполнения работы, оказания услуги, об ответственности сторон, о приемке продукции, о стране происхождения товара и других в соответствии с Законом (ст. 34 Закона);

– применение типовых контрактов (в части, не противоречащей Закону), типовых условий контрактов (ч. 11 ст. 34 Закона, ч. 12 ст. 8 Федерального закона от 2 июля 2021 г. N 360-ФЗ);

– заключение контракта на «условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки или приглашением, документацией о закупке, заявкой участника закупки, с которым заключается контракт, за исключением случаев, в которых в соответствии с настоящим Федеральным законом извещение об осуществлении закупки или приглашение, документация о закупке, заявка не предусмотрены». В случае, предусмотренном ч. 24 ст. 22 Закона, контракт должен содержать порядок определения количества поставляемого товара, объема выполняемой работы, оказываемой услуги на основании заявок заказчика (ч. 1 ст. 34 Закона);

– соблюдение, установленной Законом процедуры протокола разногласий при заключении электронного контракта по результатам конкурса, аукциона (п. 2 ч. 3 ст. 51 Закона);

– обязательность заключения контракта с победителем определения поставщика, подписавшего установленным Законом порядком проект контракта, который исполнил

условия обеспечения контракта (ч. 1 ст. 51, ч. 4 ст. 96 Закона);

– согласование при необходимости заключения контракта с контрольным органом (п. 3 ч. 5 ст. 93 Закона);

– соблюдения требований к форме и порядку подписания контракта надлежащими лицами, уполномоченными сторонами к подписанию контракта (п. 3 ч. 1 ст. 4, ст. 51 Закона);

– выполнение иных условий и требований.

Заключение контракта в узком смысле этого понятия содержит момент заключения (подписания) контракта, после чего начинается фаза «исполнения контракта».

Таким образом, применительно к юридически значимым действиям по порядку заключения контракта под событием административного правонарушения следует понимать совершение заказчиком (должностным лицом заказчика) в период от размещения в Единой информационной системе в сфере закупок проекта контракта (в составе извещения) и до момента заключения контракта (подписания проекта контракта должностным лицом заказчика) действий (бездействия), нарушающих законодательство о контрактной системе или иные нормативные правовые акты о контрактной системе и содержащих признаки деяний, за которые КоАП РФ предусмотрена административная ответственность в соответствии со статьей 7.32, предусматривающей ответственность за несоблюдение требований законодательства Российской Федерации о контрактной системе при заключении, изменении контрактов. Нами исследованы более 130 постановлений контрольных органов (региональных и территориальных управлениях Федеральной антимонопольной службы (далее – ФАС), находящихся в СПС «КонсультантПлюс», и изучена правоприменительная практика привлечения к ответственности в соответствии с КоАП РФ должностных лиц заказчиков за нарушения при заключении контракта в 2020-2022 гг. Из всех указанных выше составов ст. 7.32 КоАП РФ значительную часть (немногим менее 20%) составило применение административ-

ной ответственности по ч. 1 указанной статьи. А в отдельных территориальных управлениях ФАС количество дел, возбужденных по ч. 1 ст. 7.32 КоАП РФ, – преобладающее. Так, Ульяновским Управлением ФАС за три года по ст. 7.32 КоАП РФ возбуждены 67 дел, из них 46 – по ч. 1.

За год, – отмечает Д.П. Сумбаев, – непосредственно вопросы заключения государственных контрактов, правовые основы которых регламентированы в главе 3 (ст. 24-96) Закона, упоминались в 44960 судебных актах [10, с. 120].

Мы согласны с выводом А.И. Воскобойникова о том, что административная ответственность за нарушение порядка заключения государственного контракта является, пожалуй, наиболее распространенным видом ответственности на преддоговорном этапе при осуществлении закупок для государственных нужд [3, с. 78].

Обратим внимание на важный аспект правоприменительной практики и согласимся с С.М. Рукавишниковым, что в ряде случаев антимонопольные органы ограничиваются только констатацией вины должностного лица, привлекаемого к административной ответственности. «Вопрос формы вины должностного лица в совершении вменяемого ему правонарушения не исследуется, и в тексте постановления по делу об административном правонарушении определение конкретной формы вины должностного лица отсутствует» [8, с. 123].

В большей части постановлений Федеральной антимонопольной службы, вынесенных по делам об административных правонарушениях, виновность лица в совершении вменяемого ему нарушения констатируется, но не исследуется. Как правило, контрольные органы отмечают, виновность должностного лица, привлекаемого к административной ответственности, в том, что оно не выполнило установленные требования Закона¹.

Кроме этого отметим, что Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. N 410-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правона-

¹ Напр.: постановление ФАС РФ от 11.08.2020 по делу N 17/04/7.30-206/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

рушениях», вступившим в силу 19 декабря 2020 г., изменена ст. 4.1.1. КоАП РФ о замене административного наказания в виде административного штрафа на предупреждение при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 3.4 КоАП РФ. Предупреждение применяется за впервые совершенное административное правонарушение при отсутствии причинения вреда или угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также при отсутствии имущественного ущерба.

Усматривая коллизию в императивной норме ч. 1 ст. 4.1.1 кодекса, которая обязывает замену наказания в виде административного штрафа на предупреждение при соблюдении условий ч. 2 ст. 3.4 КоАП РФ и ч. 3 ст. 3.4. КоАП РФ, предусматривающей диспозитивную конструкцию «наказание в виде административного штрафа может быть заменено на предупреждение», автор отдает приоритет статье 3.4 КоАП РФ как специальной норме.

На примере состава, предусмотренного ч. 1 ст. 7.32 КоАП РФ, проанализируем практику контрольных органов по привлечению к ответственности должностных лиц за нарушения при заключении контрактов.

Административная ответственность, предусмотренная ч. 1 ст. 7.32 Кодекса.

Частью 1 ст. 7.32 Кодекса устанавливается административная ответственность за заключение контракта по результатам определения поставщика (подрядчика, исполнителя) с нарушением объявленных условий определения поставщика или условий исполнения контракта, предложенных лицом, с которым в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок заключается контракт. В соответствии с ч. 1 ст. 34 Закона контракт заключается на условиях извещения и заявки участника – победителя процедуры.

Санкция, предусмотренная ч. 1 ст. 7.32 КоАП РФ, – административный штраф для

должностных лиц в размере 1% начальной (максимальной) цены контракта, но не менее 5 тыс. руб. и не более 30 тыс. руб., для юридических лиц – 1% начальной (максимальной) цены контракта, но не менее 50 тыс. руб. и не более 300 тыс. руб.

Анализ результатов административной ответственности должностных лиц в 2018-2021 гг. за административные правонарушения по ч. 1 ст. 7.32 КоАП РФ показал, что более 90% дел завершились наложением административного штрафа. А качество принятых решений контрольными органами (федеральными и региональными) по указанным делам характеризует результативность обжалования постановлений в судах: обоснованность и законность принятых решений в большинстве случаев была подтверждена судами. Однако встречались различные правовые подходы, в том числе отмены судами кассационных инстанций вынесенных постановлений контрольных органов и решений нижестоящих судов.

Мы согласны с Ж.Ю. Юзefович и Е.К. Сериковой, сделавших из обзора судебной практики и административной практики вывод, что к наиболее распространенным случаям нарушений со стороны заказчика при заключении контрактов следует отнести:

- заключение контракта на условиях, не предусмотренных документацией о закупке;
- изменение предмета контракта, цены контракта, количества поставляемого товара (работ, услуг), сроков исполнения контракта, иных существенных условий, не предусмотренных Законом;
- отсутствие в контрактах обязательных условий, предусмотренных законодательством о контрактной системе в сфере закупок [11, с. 178].

Рассмотрим некоторые типичные случаи привлечения к административной ответственности при нарушениях заключения контрактов и сформируем рекомендации, снижающие риски привлечения к ответственности.

1. При формировании проекта контракта (версия проекта контракта N 1 в Единой информационной системе в сфере закупок) должностным лицам следует руководствоваться следующим:

– впоследствии при направлении контракта победителю заказчик не вправе внести изменения в проект;

– оставлять пустыми или ставить прочерки можно только в тех условиях контракта, которые впоследствии будут заполнены из заявки участника (сведения о поставщике и его реквизитах, цене, о товаре и условиях поставки и др., указанные в ст. 43 Закона). О.Ю. Гурин и А. А. Полянский указывают: контрольным органом было квалифицировано административным правонарушением указание при заключении контракта конкретных размеров штрафа вместо изначально предусмотренных проектом контракта прочерков [4, с. 45].

2. На этапе внесения сведений из заявки победителя в проект контракта, направляемый для подписания победителю, чаще всего, – отмечают О.Ю. Гурин и А.А. Полянский, – заказчикам вменяют в вину следующие нарушения:

– информация о товаре не соответствует (или не в полной мере соответствует) содержанию заявки участника;

– условия заключенного контракта отличаются от условий, которые содержались в проекте контракта, прилагаемом к извещению. [4, с. 40].

Подробно характерные случаи из этой сферы рассмотрены автором в работе «Государственные и муниципальные закупки: административная ответственность за нарушение порядка заключения контракта» (Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. С. 84-90).

Главные вопросы этого раздела – соблюдение стабильности:

а) цены, указанной в проекте контракта, с ценой контракта, заключаемого с поставщиком, находящимся на упрощенной системе налогообложения¹;

б) цены единицы товара при увеличении количества закупаемого товара при заключении контракта на размер экономии (п. 2 ч. 2 ст. 51 Закона)². Возможность допустить такое нарушение рассмотрели К. Раев, О. Гурин [7, с. 49];

в) единства единиц измерения в проекте и контракте³.

3. На этапе корректировки проекта контракта в соответствии с протоколом разногласий победителя:

заказчик формирует, подписывает и размещает на электронной площадке, а также в Единой информационной системе в сфере закупок протокол разногласий в следующих случаях:

а) наличие разногласий в отношении информации, включенной в проект контракта, с указанием информации, не соответствующей требованиям извещения и заявки такого участника закупки⁴;

б) несогласие участника заключить контракт на условиях увеличения количества товара на размер экономии цены.

Целью протокола разногласий является или устранение ошибок заказчика или отказ на поставку увеличенного количества товара сверх заявки и, – как указал Шестой арбитражный апелляционный суд, – приведение контракта в соответствие с извещением⁵.

4. Заключение контракта с нарушением требований Закона:

– несоблюдение требований национального режима, установленных в соответствии

1 Постановление Верховного Суда РФ от 01.07.2021 N 46-АД21-67-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28.07.2020 по делу N А14-20359/2019. См. также: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.03.2021 по делу N А32-11737/2020: здесь суд также признал нарушением ч. 18 ст. 34 Закона тот факт, что цена единицы товара, рассчитанной из спецификации контракта, превышала цену единицы товара, рассчитанной из заявки.

3 О наложении штрафа по делу об административном правонарушении : постановление ФАС РФ от 17.03.2020 по делу N 17/04/7.32-133/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2018 по делу N А73-3645/2018 // СПС «КонсультантПлюс». Примечание: определением Верховного Суда РФ от 14.01.2019 N 303-АД18-22238 было отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

5 Там же.

со ст. 14 Закона (п. 15 ч. 1 ст. 42 Закона). Заказчик в соответствии с постановлением Правительства РФ № 616¹ установил запрет на поставку товара иностранного производства. Участник в соответствии с требованиями п. 10 указанного постановления и п. 5 ч. 1 ст. 43 Закона представил в заявке выписку из реестра российской промышленной продукции с указанием номера реестровой записи, которую заказчик должен включить в контракт, что является условием соблюдения извещения о закупке. Победителем закупки представлена указанная выписка, но заказчик при заключении контракта не включил в контракт информацию о реестровой записи, что было квалифицировано как административное правонарушение, ответственность за которое установлена ч. 1 ст. 7.32 КоАП РФ²;

– заключение контракта не с победителем процедуры. По результатам электронной процедуры контракт заключается с победителем, а в случаях, установленных Законом, с иным участником процедуры (ч. 1 ст. 51 Закона). Однако заказчиком по результатам закупки благоустроенного жилого помещения был заключен контракт с собственником жилья, не являющимся участником закупки. Согласно протоколу подведения итогов электронного аукциона его победителем признан участник, представляющий интересы собственника по доверенности. Согласно ч. 1 ст. 7.32 КоАП РФ должностное лицо заказчика было привлечено к административной ответственности. Суды согласились с выводами контрольного органа. Однако постановлением кассационной инстанции названные акты отменены, производство по делу об административном правонарушении в отношении должностного лица прекращено в связи

с отсутствием в его действиях состава вменяемого административного правонарушения³;

– заключение контракта с участником, не представившим необходимого обеспечения. В таком случае участник считается уклонившимся от заключения контракта (ч. 5 ст. 96 Закона), а заключение контракта с таким лицом следует считать нарушением объявленных условий закупки (ч. 1 ст. 7.32 КоАП РФ). Такие примеры приведены О.Ю. Гуриным и А.А. Полянским [4];

– неправильный выбор кода ОКПД 2. Чаще всего указанное применяется заказчиками для «ухода» от требований постановления Правительства РФ № 616, что квалифицируется как административное правонарушение⁴. Обратим внимание, что указанное постановление не исключает закупку иностранных промышленных товаров. И существует абсолютно легальная возможность приобрести иностранный товар, воспользовавшись исключением, предусмотренным пп «а» п. 3 постановления, представив обоснование отсутствия на территории России производства товара и получив соответствующее разрешение Минпромторга РФ;

– включение в проект контракта даты поставки (начала оказания услуг) может привести к тому, что заключение контракта произойдет позднее, что будет квалифицировано как административное правонарушение⁵.

К вопросу о типовых контрактах, типовых условиях контрактов. В соответствии с ч. 11 ст. 34 Закона (в редакции, действовавшей до 01.01.2022) федеральные органы исполнительной власти в порядке, установленном постановлением Правительства РФ от 2 июля 2014 г. № 606 (утратило силу. – Г.Д.) разрабатывали и утверждали типовые контракты,

1 Об установлении запрета на допуск промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, а также промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок для нужд обороны страны и безопасности государства : постановление Правительства РФ от 30.04.2020 № 616.

2 Решение Брянского УФАС России от 24.06.2021 № 032/06/83.2-634/2021 // URL: <https://br.fas.gov.ru/to/bryanskoe-ufas-tossii/8cd5bc67-7649-4ead-827f-e7c2d3289b1a/> (дата обращения: 13.02.2022).

3 Постановление Верховного Суда РФ от 07.06.2021 № 46-АД21-68-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Решение Краснодарского УФАС России от 28.02.2019 по делу № 260/2019-КС. URL: <https://docs.cntd.ru/document/563730211> (дата обращения: 13.02.2022).

5 Постановление ФАС от 18.12.2018 № п-80/18/ак1351-18 // СПС «КонсультантПлюс».

типовые условия контрактов, которые подлежали применению согласно п. 15 Порядка, утвержденного указанным постановлением. Федеральным законом от 2 июля 2021 г. N 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в Закон, в том числе ч. 11 ст. 34 Закона была изложена в новой редакции, в которой отсутствовало понятие «типовой контракт».

Судьба действовавших на тот момент типовых контрактов была определена ч. 15 ст. 8 Федерального закона N 360: «Условия типовых контрактов и типовые условия контрактов, утвержденные до дня вступления в силу настоящего Федерального закона, применяются в части, не противоречащей Федеральному закону от 5 апреля 2013 года N 44-ФЗ ... до утверждения Правительством Российской Федерации в соответствии с частью 11 статьи 34 Федерального закона от 5 апреля 2013 года N 44-ФЗ ... типовых условий контрактов».

Таким образом, заказчик должен применять принятые до 1 января 2022 г. типовые контракты, однако необходимо привести их в соответствие с Законом, в том числе:

- добавить электронную приемку (ч. 13 ст. 94 Закона);
- изменить сроки оплаты (ч. 13.1 ст. 34 Закона);
- исключить альтернативное (вариативное) условие о цене контракта: «включая НДС/НДС не облагается», применив однозначный вариант, что «цена контракта включает в себя НДС» (если операция подлежит налогообложению).

Таким образом, анализ правоприменительной практики привлечения к административной ответственности в 2020-2022 гг. должностных лиц заказчиков за нарушения порядка заключения контрактов (ст. 7.32 КоАП РФ) показал значительную долю (немногим менее 20%) применения ч. 1 указанной статьи. А в отдельных территориальных органах ФАС количество дел, возбужденных по ч. 1 ст. 7.32 КоАП РФ было преобладающим. Это требует анализа всех действий заказчика, входящих в «порядок заключения

контракта», и выработки в правоприменительной практике мер, снижающих риски правонарушений в этой области.

В результате исследования сделан вывод, что основными нарушениями Закона, содержащими признаки правонарушения, за которое предусмотрена ответственность по ч. 1 ст. 7.32 КоАП РФ, являются неисполнение (ненадлежащее исполнение) заказчиками требований ч. 1 ст. 34 Закона о том, что «контракт заключается на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки..., заявкой участника закупки, с которым заключается контракт...» с учетом того, что в соответствии с ч. 2 ст. 42 Закона «извещение об осуществлении закупки ... должно содержать ... проект контракта».

В этих целях автором определены границы действий заказчика, которые включают в себя понятие «порядок заключения контракта» (заключение контракта в широком смысле понятия), и перечень основных действий заказчика по заключению контракта, за нарушение которых предусмотрена ответственность по ч. 1 ст. 7.32 КоАП РФ.

Порядок заключения контракта – это юридически значимые действия заказчика, входящие в совокупность действий по определению поставщика (подрядчика, исполнителя) и сопровождающие их действия, осуществляемые в порядке, установленном Законом, начинающиеся разработкой проекта контракта, включаемого в извещение об осуществлении закупки товара, работы, услуги для обеспечения государственных (муниципальных) нужд, и завершающиеся моментом, с которым законодатель связывает факт заключения контракта (подписание заказчиком проекта контракта – заключение контракта в узком значении термина).

Порядок заключения контракта включает в себя:

- соблюдение объявленных условий определения поставщика;
- соблюдение формы контракта: электронный документ / простая письменная;
- размещение проекта контракта в извещении;
- включение в проект контракта установленных Законом условий контракта;

– применение типовых контрактов (в части, не противоречащей Закону), типовых условий контрактов;

– заключение контракта на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки, заявкой победителя;

– соблюдение, установленной Законом процедуры протокола разногласий;

– обязательность заключения контракта с победителем, подписавшим установленным Законом порядком проект контракта и исполнившим условия обеспечения контракта (если установлено);

– согласование при необходимости заключения контракта с контрольным органом;

– соблюдение требований к форме и порядку подписания контракта;

– выполнение иных условий и требований, установленных Законом.

Анализ судебных актов по вопросам привлечения к административной ответственности за нарушение порядка заключения контракта позволил сделать вывод, что в аналогичных ситуациях одни и те же действия заказчиков некоторые суды толковали как «не содержащие события административного правонарушения», другие – как «не содержащие состава административного правонарушения», что свидетельствует о недостаточной проработке терминов в административном законодательстве и теории административного права. В связи с этим уточнена ранее сформулированная автором [подр.: 2, с. 90] дефиниция «событие административного правонарушения» применительно к порядку заключения контракта (заключение контракта в широком смысле понятия).

Применительно к юридически значимым действиям, входящим в «порядок заключения контракта», под событием административного правонарушения следует понимать совершение заказчиком (должностным лицом заказчика) в период от размещения в Единой информационной системе в сфере закупок проекта контракта (в составе извещения) и до момента подписания заказчиком проекта контракта действий (бездействия), нарушающих законодательство о контрактной системе или иные нормативные правовые акты о контрактной системе и содержащих признаки деяний, за которые КоАП РФ в соответствии со ст. 7.32 предусмотрена ответственность.

В результате исследования подтвержден ранее установленный очевидный приоритет события административного правонарушения: отсутствие события административного правонарушения или непричастность к нему лица означают отсутствие предпосылок и для исследования вопроса о наличии состава правонарушения, предусмотренного законом. Отсутствие события правонарушения само по себе уже означает отсутствие его состава и исключает привлечение лица к какой-либо юридической ответственности, в то время как отсутствие в деянии лица состава правонарушения может восприниматься как не отрицающее факт участия этого лица в совершении деяния, по которому было возбуждено производство и не препятствует наступлению в будущем негативных для него последствий в виде привлечения, например, к дисциплинарной ответственности.

Библиографический список

1. Балтутите, И.В. Гражданско-правовое регулирование заключения контрактов на выполнение подрядных работ для государственных и муниципальных нужд : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Балтутите. – Волгоград, 2012. – 39 с. – EDN QHZTQV.

2. Барышев, С.А. Проблемы систематизации составов административных правонарушений в сфере контрактной системы / С.А. Барышев // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. – 2015. – Т. 11. – С. 54-57.

3. Воскобойников, А.И. Ответственность участника закупок за уклонение от заключения государственного контракта / А.И. Воскобойников // Право и государство: теория и практика. – 2019. – N 8(176). – С. 78-81.
4. Гурин, О.Ю. Административная ответственность за ошибки при заключении контракта / О.Ю. Гурин, А.А. Полянский // ПРОГОСЗАКАЗ.РФ. – 2020. – N 11. – С. 40-51.
5. Добрецов, Г.Б. Событие и состав административного правонарушения: различие дефиниций на примере ответственности за нарушения при выборе способа закупки / Г.Б. Добрецов // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. – 2021. – N 3. – С. 86-95.
6. Кривохат, С.А. Механизм заключения государственных и муниципальных контрактов в Российской Федерации / С.А. Кривохат, С.А. Савченко // Альманах мировой науки. – 2015. – N 1-3(1). – С. 116-124. – EDN VCKAVP.
7. Раев, К. Об увеличении количества товаров при заключении контракта в соответствии с ч. 18 ст. 34 Закона N 44-ФЗ / К. Раев, О. Гурин // ПРОГОСЗАКАЗ.РФ. – 2021. – N 7. – С. 40-52.
8. Рукавишников, С.М. Об установлении формы вины по делам об административных правонарушениях, подведомственным антимонопольному органу / С.М. Рукавишников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – N 3 (128). – С. 121-126.
9. Семькина, А.С. Анализ нарушений, допускаемых заказчиком при заключении и исполнении контракта / А.С. Семькина // Юридический факт. – 2019. – N 69. – С. 3-7. – EDN YUHAQV.
10. Сумбаев, Д.П. Актуальные особенности заключения государственных контрактов / Д.П. Сумбаев // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7. – N 3(27). – С. 119-125. – EDN LTQUFE.
11. Юзефович, Ж.Ю. Анализ нарушений, допускаемых заказчиком при заключении и исполнении контрактов / Ж.Ю. Юзефович, Е.К. Серикова // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – N 2. – С. 177-183. – DOI 10.34755/IROK.2021.49.68.060. – EDN UHIIIES.

Сергей Александрович КОРНЕЕВ,

преподаватель кафедры уголовного права
Академии права и управления ФСИН России
(г. Рязань),
кандидат юридических наук

kornei_lam@mail.ru

**ВЕКТОР РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
В СВЕТЕ 25-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE VECTOR OF CRIMINAL POLICY DEVELOPMENT
IN THE LIGHT OF THE 25TH ANNIVERSARY
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Статья посвящена сопоставительному анализу векторов развития уголовной политики последних десятилетий на примере рассмотрения судебными органами уголовных дел, возбужденных за конкретные составы преступлений (ст. 158 УК РФ). В свете проводимой политики гуманизации уголовного судопроизводства сокращается количество лиц, имеющих судимость, значительная часть обвиняемых освобождается от уголовной ответственности в рамках досудебного и судебного производств, что служит предпосылкой для развития иных спорных моментов в данном правовом поле. В частности, внимание акцентируется на возникшей в последнее время проблеме конкуренции норм, определяющих порядок и условия освобождения от уголовной ответственности. В заключение автор приходит к выводу, что при освобождении от уголовной ответственности основной задачей является улучшение положения лица, совершившего преступление (по аналогии ст. 10 УК РФ), его максимальное стимулирование на раскаяние, осознание совершенного противоправного действия, социально одобряемое поведение, а не удовлетворение частных интересов.

This article considers a comparative analysis of the vectors of development of criminal policy in recent decades on the example of the criminal cases heard by judicial bodies and initiated for specific crimes (Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation). In the light of the implemented policy of humanization of criminal proceedings, the number of persons with a criminal record is reduced, a significant proportion of the accused are released from criminal liability in the framework of pre-trial and judicial proceedings, which serves as a prerequisite for the development of other controversial issues in this legal field. In particular, the attention is paid to the recent problem of «competition» of norms defining the procedure and conditions for exemption from criminal liability. At the end the author concludes that the main task is to improve the situation of the person who committed the crime (by analogy with Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation) when released from criminal liability, his maximum stimulation for repentance, awareness of the illegal action committed, socially approved behavior, and not satisfaction of private interests.

Ключевые слова: уголовная политика, состояние преступности в СССР, состояние преступности в Российской Федерации, кража, наказание, освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, конкуренция норм.

Keywords: criminal policy, state of crime in the USSR, state of crime in the Russian Federation, theft, punishment, exemption from criminal liability, court fine, competition of norms.

«Вор должен сидеть в тюрьме»
Г. Жеглов

Крылатая фраза Глеба Жеглова из советского кинофильма «Место встречи изменить нельзя» 1979 года в точности отражала состояние уголовной политики второй половины XX века. Так, преступления против всех видов собственности составляли основную массу деяний (60,5%), в структуре которых около 70% – посягательства на личную собственность¹.

Кража личного имущества граждан являлась наиболее распространенным преступлением того времени, и ее доля в структуре преступности неуклонно увеличивалась. Так, если в 1980 году она составляла 15,9%, то в 1989 году – уже 34,3%² (диаграмма 1).

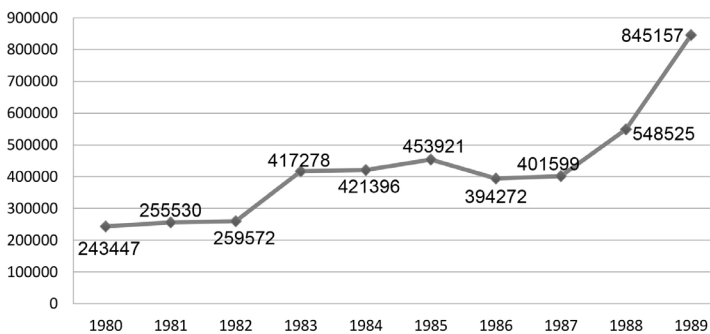

Диаграмма 1. Количество краж личного имущества граждан, зарегистрированных в СССР в 1980-1989 гг.

Семидесятые и начало восьмидесятых годов двадцатого столетия характеризовались устойчивой тенденцией роста судимости. Максимальное число осужденных отмечалось в 1984 г. – 863194 человека, что к уровню 1970 г. составило 155,6%³.

Самым распространенным наказанием за тайное хищение имущества являлось лишение свободы (диаграмма 2). Так, нормы УК РСФСР 1960 г. определяли данную меру государственного принуждения в качестве одного из возможных наказаний за тайное хищение имущества сроком от 3 до

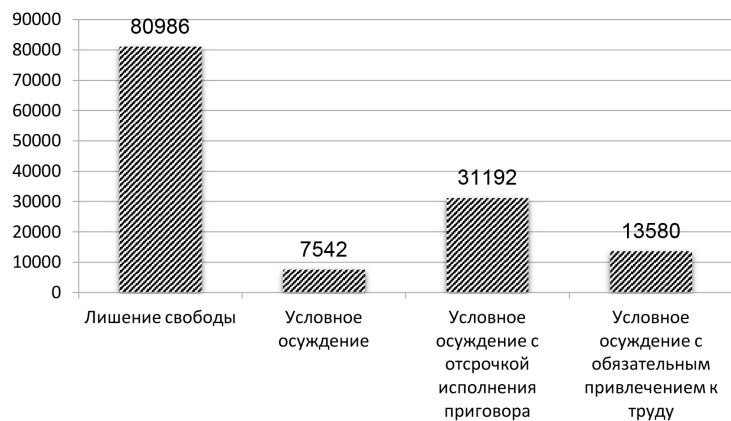

Диаграмма 2. Меры наказания, примененные к лицам, осужденным за кражу личного имущества граждан, в 1986 г.

10 лет, в зависимости от квалифицирующих признаков (ст. 144 УК РСФСР). В то же время лицо могло быть освобождено от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (ст. 50 УК РСФСР), привлечением к административной ответственности (ст. 50.1 УК РСФСР), передачей дела в товарищеский суд (ст. 51 УК РСФСР), передачей на поруки (ст. 52 УК РСФСР).

В настоящее время заявленная в эпиграфе исследования лаконичная формулировка потеряла актуальность. В соответствии с позицией высших органов государственной власти тенденцией развития уголовного судопроизводства в России является его либерализация. В связи с этим ежегодно сокращается количество лиц, имеющих судимость, значительная часть обвиняемых освобождается от уголовной ответственности в рамках досудебного и судебного производств, ограничивается применение строгих мер государственного принуждения. Как отмечает председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев: «В настоящее время существуют три критерия для прекращения уголовного преследования: преступление нетяжкое, совершено впервые и обвиняемый компенсировал ущерб» [4].

1 Преступность и правонарушения. 1991 : статистический сборник / Министерство внутренних дел СССР, Министерство Юстиции СССР, Прокуратура Союза ССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 128 с.

2 Преступность и правонарушения в СССР.1989 : статистический сборник. М.: Юрид. лит., 1990. 112 с.

3 Преступность и правонарушения. 1991 : статистический сборник / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство Юстиции Российской Федерации. М.: Финансы и статистика, 1992. 176 с.

На сегодняшний день минимальное пороговое значение наказания за кражу снижено. Таким образом, в соответствии с действующим уголовным законом сроки лишения свободы варьируются от 2 (ч. 1 ст. 158 УК РФ) до 10 лет (ч. 4 ст. 158 УК РФ). Кроме того, в 2016 году в УК РФ была введена новая норма с административной преюдицией. В связи с этим максимальный срок лишения свободы за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию, составляет один год (ст. 158.1 УК РФ).

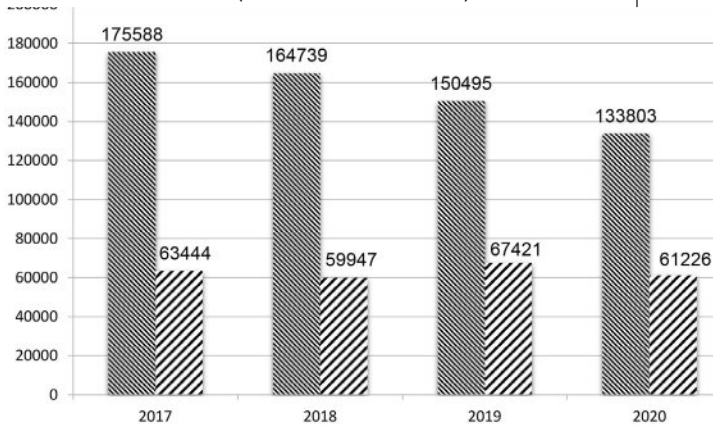

Диаграмма 3. Количество осужденных лиц и число прекращенных дел по ст. 158 УК РФ за 2017-2020 гг.

Учитывая статистические данные (диаграмма 3), можно констатировать факт снижения количества осужденных за преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, и роста прекращения уголовных дел на основании положений уголовного закона¹.

При этом применение реального срока лишения свободы за совершение деяние, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, за 2020 г. было снижено на 25,4% в сравнении с 2017 г. (диаграмма 4).

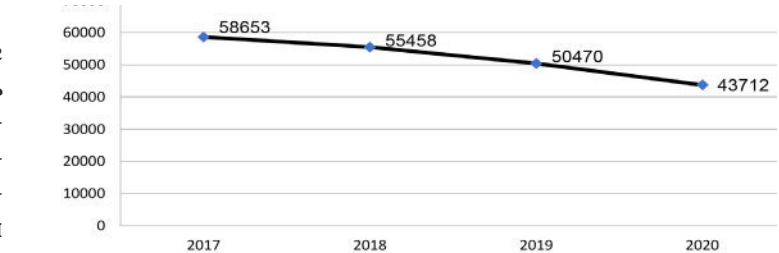

Диаграмма 4. Применение судами лишения свободы как вида наказания за преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, в 2017-2020 гг.

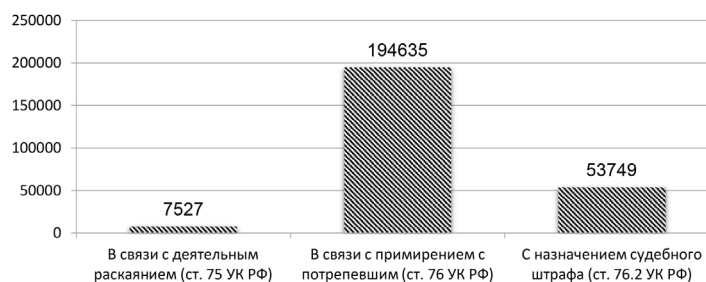

Диаграмма 5. Основания освобождения от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, в 2017-2020 гг. [8]

Рост числа случаев прекращения уголовных дел в отношении лиц, обвиняемых в совершении тайного хищения имущества (ст. 158 УК РФ), объясняется общим вектором развития судебно-уголовной политики.

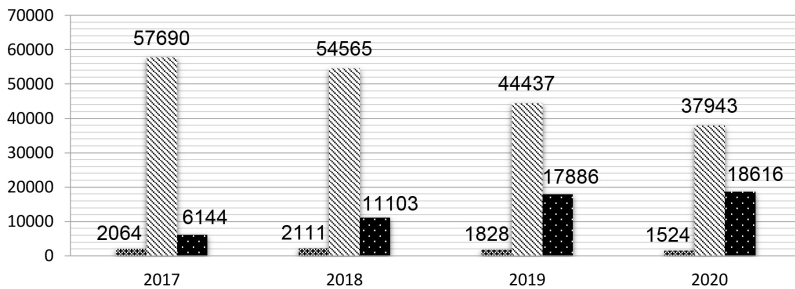
Приведенные на диаграмме 5 статистические данные свидетельствуют о том, что преобладающим видом освобождения от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, является реализация ст. 76 УК РФ. Однако следует отметить, что постпреступное позитивное

поведение лица, направленное на примирение с потерпевшим как основание (условие) реализации положений уголовного закона, имеет тенденцию к снижению в сравнении с назначением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (диаграмма 6).

Думается, что причинами сложившейся ситуации могут служить:

– сокращение постпреступных позитивных действий, предусмотренных диспозицией ст. 75 УК РФ, выраженных в добровольной явке с повинной, способствовании раскрытию и расследованию

1 Форма 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 2016-2021 гг.» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.02.2022).

- ▣ Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ)
- ▤ Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ)
- Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ)

Диаграмма 6. Реализация норм уголовного закона, определяющих освобождение от уголовной ответственности (за преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ), в 2017-2020 гг.

совершенного преступления и возмещении ущерба или ином заглаживании вреда;

– сокращение постпреступных позитивных действий, предусмотренных диспозицией ст. 76 УК РФ, выраженных в примирении с потерпевшим и заглаживании причиненного потерпевшему вреда;

– обостренное нежелание потерпевшего идти на контакт с лицом, совершившим преступление против собственности¹.

Так, Приволжский районный суд Астраханской области в отсутствие потерпевшего постановил уголовное дело по обвинению К., У. и Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, прекратить с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере десяти тысяч рублей каждому. В качестве способа заглаживания вреда, причиненного преступлением, суд расценил факт благотворительных пожертвований².

Советский районный суд г. Красноярска постановил отказать в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уго-

ловного дела в отношении С., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Одной из причин отрицательного решения явилось мнение потерпевшей, согласно которому «С. не возместил, а равно не заглавил причиненный преступлением вред, не принес извинений». Таким образом, суд констатировал отсутствие полного заглаживания причиненного вреда по данному делу³.

Позже Красноярский краевой суд постановил отменить указанное решение и удовлетворить ходатайство следователя, так как «суд первой инстанции не учел, что под ущербом понимаются общественно опасные последствия совершенного преступления, которые зависят от конструкции его состава: материального или формального, и могут быть выражены в количественном (стоимостном) или ином выражении вреда». Возврат похищенного имущества потерпевшему может быть признан в качестве возмещения ущерба или заглаживания вреда при условии, если лицо добровольно возвратило похищенное имущество, при этом «мнение потерпевшего не является определяющим»⁴.

Действительно, исходя из обзора судебной практики и положений ст. 762 УК РФ, согласие (несогласие) потерпевшего на прекращение уголовного дела и освобождение лица от уголовной ответственности не имеют определяющего значения⁵.

1 Постановление Приволжского районного суда Астраханской области от 21.07.2020 N 1-71/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W8uiJf2CJWgW/> (дата обращения: 11.02.2022).

2 Постановление Советского районного суда г. Красноярска от 19.05.2020 N 1-612/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gViCPBDVi5b6/> (дата обращения: 14.02.2022).

3 Постановление Советского районного суда г. Красноярска от 19.05.2020 N 1-612/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gViCPBDVi5b6/> (дата обращения: 14.02.2022).

4 Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 16.07.2020 N 22-4236/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/39PLgoE4Hij/> (дата обращения: 14.02.2022).

5 Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 762 УК РФ) // Официальный сайт Верховный Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28088/> (дата обращения: 31.01.2022).

Таким образом, решение Приволжского районного суда Астраханской области признать необоснованным и противоречащим уголовному законодательству не представляется возможным. Однако полагаем, что признание добровольной безвозмездной деятельности лица, совершившего преступление против собственности конкретного гражданина, в отношении определенных организаций в качестве возмещения ущерба является весьма дискуссионным.

В действительности же описанные в графике колебания вызваны введением в уголовный закон норм-новелл в виде судебного штрафа (ст. 76.2, ст. 104.4 и 104.5 УК РФ). Новый вид освобождения от уголовной ответственности поспособствовал реализации сразу нескольких социально-правовых задач: сокращению числа осужденных и созданию дополнительных условий для противодействия преступности [8, с. 114; 5, с. 104]; дополнительному источнику доходной части бюджета государства, а также сокращению расходов на содержание органов и учреждений уголовно-исполнительной и судебной системы [1, с. 80; 3, с. 113; 6, с. 14]. Таким образом, иная мера уголовно-правового характера, введенная в Уголовный кодекс РФ в 2016 г., гармонично вписалась в проводимую политику гуманизации уголовного законодательства и стала востребованной в правоприменительной практике [подр.: 2, с. 127].

В то же время возникает вопрос о целесообразности назначения судебного штрафа, когда существуют все необходимые условия для реализации положений ст. 75-76 УК РФ.

В правоприменительной деятельности имеют место быть случаи, когда в ходе судебного разбирательства уполномоченные органы государственной власти констатируют факт не единичных позитивных постпреступных действий (чего в принципе достаточно для реализации отдельных положений УК РФ), а целую конфигурацию общественно полезной деятельности подсудимого. Так, при рассмотрении уголовного дела в отно-

шении Г., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 158 и ч. 2 ст. 273 УК РФ, и К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, Железнодорожный районный суд г. Хабаровска констатировал факт совершения преступления средней тяжести впервые, а также иные обстоятельства, имеющие отношение к уголовному делу:

- признание вины в полном объеме;
- полное возмещение ущерба, причиненного преступлением, предусмотренным п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ;
- мнение потерпевшего, который «не выражает против прекращения уголовного дела в отношении обвиняемых», так как ущерб, причиненный преступлением, возмещен в полном объеме¹.

Представляется, что указанные обстоятельства не противоречат положениям уголовного закона и позволяют освободить Г. и К. от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Однако обозначенный перечень постпреступных позитивных действий подсудимых не является исчерпывающим. В качестве субсидиарного способа заглаживания вреда, причиненного преступлением, они внесли пожертвования в благотворительный фонд «Подари жизнь». Суд постановил освободить Г. и К. от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в размере двенадцати и десяти тысяч рублей соответственно.

Октябрьский районный суд г. Самары постановил прекратить уголовное преследование в отношении С., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В вынесенном постановлении суд констатировал следующие юридически значимые факты, а именно:

- совершение преступления средней тяжести впервые;
- возмещение материального ущерба потерпевшей в полном объеме;

¹ Постановление Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 29.07.2020 N 1-598/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/R640ppEUbDYT/> (дата обращения: 13.02.2022).

– принесение публичных извинений потерпевшей;

– ходатайство потерпевшей о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении С. по причине полного возмещения последней материального ущерба, причиненного преступлением, и принесения извинений;

– действия обвиняемой, направленные на заглаживание вреда путем добровольного перечисления личных денежных средств на счет благотворительного фонда¹.

Приведенные, а равно иные примеры из судебной практики свидетельствуют о возникшей в последнее время проблеме конкуренции норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности. На данный факт неоднократно обращалось внимание в специализированной литературе [7, с. 92]. Полагаем, что выходом из сложившейся ситуации является определение конкретных законодательных условий, руководящих пояснений Верховного Суда РФ в части разграничения реализации норм об освобождении от уголовной ответственности. В большей степени данный вопрос касается положений ст. 76.2 УК РФ, введение которой спровоцировало развитие заявленного процесса конкуренции.

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что:

1) тенденцией развития уголовного судопроизводства в России является его либерализация. Таким образом, в рамках про-

водимой политики гуманизации уголовного законодательства лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, характеризующееся посткриминальным позитивным социально одобряемым поведением, по статистике в преобладающем количестве случаев освобождается от уголовной ответственности. Таким образом, в современном мире фраза «вор должен сидеть в тюрьме» не является аксиоматичной;

2) гуманизация уголовного законодательства, которая выражается в расширении института иных мер уголовно-правового характера, укрупнении перечня видов освобождения от уголовной ответственности и т.д., является следствием факта излишней репрессивности уголовного закона. В то же время решение одной задачи порождает возникновение иных проблем теоретико-прикладного характера, которые также требуют законодательного решения;

3) актуальной и важной проблемой является конкуренция норм, определяющих освобождение от уголовной ответственности основной, на наш взгляд, задачей является улучшение положения лица, совершившего преступление (по аналогии ст. 10 УК РФ), его максимальное стимулирование на раскаяние, осознание совершенного противоправного действия, социально одобряемое поведение, а не удовлетворение частных интересов.

¹ Постановление Октябрьского районного суда г. Самары от 07.07.2020 N 1-351/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZA42PP00WNT/> (дата обращения: 14.02.2022).

Библиографический список

1. Голенко, Д.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера / Д.В. Голенко // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – N 1. – С. 78-82.
2. Корнеев, С.А. Истинное место судебного штрафа в конструкции уголовного закона / С.А. Корнеев // Юридический вестник Дагестанского гос-ударственного университета. – 2021. – N 2. – С. 126-130.
3. Кравцова, А.Н. К вопросу о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / А.Н. Кравцова, О.В. Севостьянова, А.А. Судникова // Юридический вестник ДГУ. – 2019. – Т. 30. – N 2. – С. 112–116.

4. Куликов, В. Несудимы по суду / В. Куликов // Российская газета. – 2020. – Федеральный выпуск N 39 (8093). – 24 февраля.
5. Луценко, Н.С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук / Н.С. Луценко. – Хабаровск, 2019. – 237 с.
6. Мурашова, А.В. Дифференциация штрафа в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Мурашова. – М., 2022. – 26 с.
7. Пудовочкин, Ю.Е. Общие проблемы и ошибки освобождения от уголовной ответственности (обзор судебной практики) / Е.Ю. Пудовочкин // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – N 1 (75). – С. 85-92.
8. Скрипченко, Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл / Н.Ю. Скрипченко // Журнал российского права. – 2017. – N 7(247). – С. 106-114.

Павел Викторович КОНДРАШИН,

судья в отставке
(г. Красноярск)

kondrashina_05@mail.ru

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОСТАВ СУДА

EVALUATION OF EVIDENCE AND ITS IMPACT ON THE COMPOSITION OF THE COURT

Ходатайства об исключении доказательств могут быть заявлены в любой стадии судебного разбирательства, рассмотрение ходатайства предполагается непосредственно после его заявления. Однако при рассмотрении этих ходатайств суд может затронуть оценку доказательств, соответственно, это может отразиться на законности состава суда, ведь, по сути, суд, разрешая данные ходатайства, может высказаться о вопросах последующего судебного разбирательства. Возможно ли в таком случае отложение рассмотрения указанных ходатайств? Автор разбирает этот вопрос и дает рекомендации по разрешению ситуации.

Motions for the exclusion of evidence may be filed at any stage of the trial; consideration of the motion is supposed immediately after its application. However, when considering these motions, the court may touch upon the assessment of evidence, and what way it may affect the legality of the composition of the court, because in fact, the court, resolving these motions, may express issues on subsequent judicial proceedings. Is it possible in this case to postpone the consideration of these motions? The author analyzes this issue and gives recommendations for resolving this situation.

Ключевые слова: недопустимость доказательств, разрешение ходатайства, состав суда, законность, итоговое решение, оценка доказательств.

Keywords: inadmissibility of evidence, resolution of the motion, composition of the court, legality, final decision, evaluation of evidence.

В практике возникает вопрос: как может отразиться на законности состава суда оценка доказательств, принятая судом до удаления в совещательную комнату для вынесения итогового решения по делу?

Согласно ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым.

С учетом положений ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства¹.

¹ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55.

Исходя из смысла и содержания ст. 5 УК РФ и ст. 14 УПК РФ основное правило при определении виновности лица заключается в исследовании и оценке судом доказательств по уголовному делу.

Порядок проверки, исследования и оценки доказательств предусмотрен ст. 88 и 274 УПК РФ.

Доказательства, имеющиеся в материалах уголовного дела, должны отвечать критериям допустимости и достоверности (ст. 87-88 УПК РФ), т.е. со всей полнотой устанавливать виновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Согласно ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

По смыслу п. 28 ст. 5 УПК РФ только в приговоре суд формулирует решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания. В силу общепризнанных принципов справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия, закрепленных в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, в их правовом единстве с положениями ст. 63 УПК РФ и конституционно-правовым толкованием¹ сделанные судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела выводы относительно наличия или отсутствия события преступления, виновности лица в его совершении, достаточности собранных доказательств, по иным вопросам, которые могут стать предметом дальнейшего судебного разбирательства, могли бы определенным обра-

зом связывать судью при принятии по этим вопросам соответствующих решений. Судья, ранее выразивший свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участие в производстве по делу, чтобы не ставить под сомнение законность и обоснованность принимаемого решения.

Так, по уголовному делу в отношении Ч. данные положения закона были нарушены. Как видно из протокола судебного заседания, 5 февраля 2020 г. суд удалился в совещательную комнату для постановления приговора, по выходу из которой 7 февраля 2020 г. постановил возобновить судебное следствие, запросить сведения о месте работы и жительства подсудимой, поскольку санкция предусматривает альтернативные виды наказания, помимо лишения свободы, а суду недостаточно информации для принятия итогового решения по делу, в том числе о виде и размере наказания. Таким образом, в судебном заседании еще до постановления приговора суд пришел к выводу о необходимости назначения наказания Ч., то есть фактически пришел к выводу о ее виновности. Допущенное нарушение закона связано не столько с нарушением процессуального порядка, сколько с рассмотрением уголовного дела незаконным составом суда, заранее высказавшим свое мнение по предмету рассмотрения, что исключает дальнейшее его участие в рассмотрении дела, чтобы не ставить под сомнение законность и обоснованность принимаемого итогового решения. При таких данных приговор в отношении Ч. нельзя признать законным и обоснованным, поскольку он постановлен незаконным составом суда, высказавшегося до постановления приговора по вопросу виновности и назначению наказания, который должен быть разрешен только в приговоре. Допущенные судом существенные нарушения уголовно-процессуального закона

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 N 20-П; По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастыречского, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» : постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 N 5-П; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 01.11.2007 N 799-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

являются фундаментальными, связанными с конституционным правом на справедливое, независимое, объективное и беспристрастное правосудие, они не могут быть устранены судом апелляционной инстанции, в связи с чем приговор подлежит отмене, уголовное дело следует передать для рассмотрения в Ачинский городской суд Красноярского края (в силу ст. 35 УПК РФ)¹.

В основном оценка исследованных в судебном разбирательстве доказательств по уголовному делу происходит в совещательной комнате при вынесении итогового решения по делу. А.А. Васяев указывает, что суд не бывает инициатором рассмотрения вопроса о допустимости доказательств, без ходатайств сторон исключается большая часть доказательств, но в совещательной комнате при вынесении итогового решения, а не в стадии судебного разбирательства [4, с. 45].

Этого же мнения придерживаются А.А. Лютынский и Е.Г. Карташова: «Исследования судебной практики подтверждают, что судьи в судебном следствии не ставят по собственной инициативе на обсуждение сторон вопрос о признании доказательства недопустимым, предпочитая разрешать его самостоятельно в совещательной комнате при постановлении приговора» [10, с. 29-32].

Однако уголовно-процессуальное законодательство предполагает рассмотрение данного вопроса, а именно оценку доказательства, до удаления суда в совещательную комнату для принятия решения.

В соответствии со ст. 120 УПК РФ ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу. Письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, устное – заносится в протокол следственного действия или судебного заседания. Таким образом, ходатайство о признании недопустимым доказательства может быть заявлено в ходе судебного следствия, а согласно ст. 235 УПК РФ и в ходе предварительного слушания по уголовному делу. И в силу ст. 121 и 236 УПК РФ ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосред-

ственно после его заявления либо по итогам предварительного слушания.

И в данном случае возникает вопрос: если суд рассмотрит указанное ходатайство, вне зависимости от результата решения по нему, может ли он в дальнейшем принимать итоговое решение по делу, будет ли в дальнейшем признан состав суда законным, поскольку при рассмотрении таких ходатайств приходится по сути вдаваться в оценку этих доказательств.

Так, отменен с направлением дела на новое рассмотрение приговор в отношении Е. и С., осужденных по п. «а» ч. 2 ст. 131, п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ. Как следует из материалов уголовного дела, в судебном заседании 18 июня 2019 г. в ходе рассмотрения уголовного дела председательствующий судья, разрешая ходатайство стороны защиты о недопустимости собранных по уголовному делу доказательств – заключений экспертов, указал, что эти заключения по результатам проведенных экспертиз являются допустимыми и достоверными доказательствами, исследования произведены экспертами, имеющими необходимый стаж экспертной деятельности, все эксперты предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, заключения экспертов соответствуют требованиям ст. 25 Федерального закона «О государственной экспертной деятельности в РФ», ст. 204 УПК РФ, содержат вводную, исследовательскую часть и полные, однозначные выводы на все постановленные в постановлениях о назначении экспертизы вопросы. Выводы экспертов однозначны и логичны, вытекают из исследовательской части заключения, заключения экспертов согласуются с другими исследованными доказательствами, поэтому сомнений у суда не вызывают. Впоследствии при постановлении приговора 28 июня 2019 г. суд сослался на эти же доказательства в подтверждение виновности Е. и С. в совершении преступлений. Следовательно, выраженная председательствующим судьей 18 июня 2019 г. в судебном заседании позиция относительно

¹ Уголовное дело N 1-139/2021 // Архив Ачинского городского суда Красноярского края.

обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, повлияла на его беспристрастность и независимость, поскольку еще до постановления приговора судьей в процессуальном решении высказана позиция относительно не только допустимости, но и достоверности доказательств – заключений экспертов, выводы которых, по мнению судьи, однозначны и логичны, вытекают из исследовательской части заключения. Более того, судом сделан вывод и о том, что заключения экспертов согласуются с другими исследованными доказательствами, поэтому сомнений не вызывают, то есть фактически судом уже дана оценка доказательствам вины подсудимых, представленным стороной обвинения. Указанные выводы суда ограничились правом подсудимых на независимость при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора. Допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона являются неустраняемыми в суде апелляционной инстанции, поскольку они затрагивают фундаментальные основы уголовного судопроизводства, что влечет процессуальную недействительность итогового решения по уголовному делу¹.

Судом апелляционной инстанции отменен приговор в отношении А., осужденного по п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 118 УК РФ. Как видно из материалов дела, в процессе рассмотрения уголовного дела председательствующий судья, разрешая ходатайство стороны защиты о допустимости собранных по делу доказательств – протоколов предъявления лиц для опознания и видеозаписи, указал, что эти доказательства являются допустимыми и подтверждают виновность А. в предъявленном обвинении. Впоследствии при постановлении приговора суд вновь сослался на эти же доказательства в подтверждение виновности А. Следовательно, выраженная председательствующим

судьей позиция относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, повлияла на ее беспристрастность и независимость. Судебная коллегия признала допущенное судом нарушение уголовно-процессуального закона неустраняемым в суде апелляционной инстанции, поскольку оно затрагивает фундаментальные основы уголовного судопроизводства, что повлекло процессуальную недействительность итогового решения по уголовному делу².

Согласно точке зрения А.К. Зебнищкой, отложение рассмотрения ходатайства о признании доказательств недопустимыми на момент постановления приговора недопустимо [6, с. 25-28].

Однако Конституционный Суд РФ предусматривает возможность отложения рассмотрения ходатайства об исключении доказательств³. Ведь признание доказательств не отвечающими требованиям относимости и достоверности должно решаться, как правило, в совещательной комнате при вынесении итогового документа [1, с. 8-14].

По мнению В.Ю. Миронова, «оценка допустимости актуализирует вопрос об оценке достоверности доказательств, которые зачастую трудно дифференцировать... оценка доказательств в состязательном уголовном процессе при проведении предварительного слушания может и должна быть связана с исключением доказательств по основаниям их неотносимости, недопустимости и недостоверности» [11].

Другой точки зрения придерживаются И.П. Пилюшин и А.В. Павлов: «Судья в ходе предварительного слушания не вправе рассматривать ходатайства об исключении доказательств по мотиву их недостоверности и (или) неотносимости. В противном случае судья будет вынужден сопоставлять исключаемое доказательство с другими доказательствами по уголовному делу, получать новые

1 Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2020 год : утв. Президиумом Красноярского краевого суда 16.02.2021 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за шесть месяцев 2018 года : утв. Президиумом Красноярского краевого суда 02.10.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дружинина Игоря Станиславовича на нарушение его конституционных прав статьями 75, 88, 109, 152 и 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23.05.2006 N 154-О // СПС «КонсультантПлюс».

доказательства для его подтверждения или опровержения» [12, с. 23-26].

Поэтому в судебной практике при разрешении таких ходатайств существует тонкая грань, ведь, по сути, суд, разрешая данные ходатайства, дает оценку доказательствам, на которые ему впоследствии придется снова не только сослаться в приговоре, но и давать оценку.

Оценка доказательств в то же время выступает и конечным этапом процесса доказывания, допуская формировать окончательное мнение по уголовному делу в рамках предъявленного обвинения [3, с. 14].

Тогда для чего суду необходимо раньше вынесения приговора давать оценку доказательствам, при этом ставя под удар итоговое решение ввиду своей необъективности? Таким образом могут пользоваться такими ходатайствами недобросовестные участники процесса, чтобы в итоге сменить «неудобный» состав суда, также «сторона, заявившая ходатайство об исключении какого-либо доказательства ввиду его недопустимости, может преследовать тайную цель исключения такого доказательства и ввиду его недостоверности» [13, с. 21-26]. Ведь при оценке допустимости доказательств суд выясняет, получены ли они с нарушением уголовно-процессуального закона, при этом суд не может не вникнуть в содержание самих доказательств, оценка которых на данном этапе может повлечь такие последствия, как отмена приговора.

В соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» в описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений пп. 3, 4 ч. 1 ст. 305, п. 2 ст. 307 УПК РФ, суду надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом. Если какие-либо из исследованных доказательств суд признает не имеющими отношения к делу,

то указание об этом должно содержаться в приговоре. В силу требований ст. 75 УПК РФ о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона, суд, установив такое нарушение, должен мотивировать свое решение о признании доказательства недопустимым и о его исключении из числа доказательств, указав, в чем именно выразилось нарушение закона.

При принятии решения судом по уголовным делам о признании по собственной инициативе доказательств недопустимыми не требуется вынесения каких-либо постановлений или определений об исключении доказательств из числа допустимых. В случае признания по собственной инициативе доказательств недопустимыми суд должен указать на это в выносимых им итоговых решениях [8, с. 98-101].

Согласно мнению Ю.В. Корневского и Г.П. Падвы, при рассмотрении дела в обычном порядке при заявлении ходатайства о недопустимости доказательств суд может разрешить данное ходатайство и при постановлении приговора, что, по сути, не противоречит закону [7, с. 41].

Если взять стадию предварительного слушания, то, на наш взгляд, вопрос об исключении того либо иного доказательства является вообще преждевременным, поскольку стороны еще доказательства не представляли, они в судебном заседании не исследовались. Ведь возможно, что это доказательство, хотя оно и указано в обвинительном заключении (акте, постановлении), не будет вообще представлено стороной в качестве доказательств, соответственно, не будет исследоваться и не будет положено в основу приговора.

Так, в предварительном слушании по уголовному делу в отношении С. по ч. 2 ст. 118 УК РФ законным представителем потерпевшего ставился вопрос об исключении из числа доказательств копии приказа о приеме на работу С. Однако данный приказ в списке доказательств обвинительного заключения отсутствовал, государственный обвинитель не мог пояснить, будет ли данное доказательство в последующем представлено

стороной обвинения. После этого законным представителем потерпевшего данное ходатайство не было поддержано¹.

По уголовному делу в отношении В. по ч. 1 ст. 228 УК РФ в ходе судебного следствия государственной обвинитель отказалась от представления двух доказательств (показаний двух свидетелей), которые были указаны в обвинительном заключении, поэтому они судом не исследовались и, соответственно, не указывались в приговоре².

Кроме того, в стадии предварительного слушания перечень судебных действий, которые могут быть осуществлены, значительно уже, чем на стадии судебного следствия: не может быть назначена экспертиза, получено заключение специалиста либо истребованы по инициативе суда предметы и документы и т.д. [2, с. 47-54].

Также следует согласиться с позицией В.А. Лазаревой о том, что в некоторых случаях рассмотрение вопроса о допустимости доказательств в предварительном слушании может быть затруднено невозможностью исследования всей совокупности доказательств, в связи с чем должную оценку доказательств могут получить только в условиях судебного следствия [9, с. 173-174].

По сути, аналогичную позицию высказывает А.А. Васяев: «Во всех случаях выявления недопустимых доказательств следует начать обсуждать поставленные вопросы, связанные в первую очередь с проверкой нарушения законов при получении того или иного доказательства. То есть доказательства, исключенные даже ранее на предварительном слушании, могут (а в отдельных случаях и должны) быть проверены в ходе судебного следствия. Так зачем же их исключать на стадии предварительного слушания (ст. 235 УПК РФ), когда допустимость их может быть реально проверена только в ходе судебного следствия?» [4, с. 85].

Согласно точке зрения А.В. Горбачева, чтобы недопустимыми доказательствами не

оказывалось влияния на убеждение суда, судья, принимавший решение о недопустимости доказательств на стадии предварительного слушания, не может дальше рассматривать дело [5, с. 22].

Так, по уголовному делу в отношении Х. по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 162 УК РФ подсудимым и его защитником в судебном следствии было заявлено ходатайство о признании недопустимыми доказательств – показаний подсудимого на предварительном следствии, явки с повинной по преступлению по ч. 2 ст. 162 УК РФ. Судом была поручена проверка доводов подсудимого органам Следственного комитета РФ. После получения всех сведений председательствующим судьей разрешение указанного ходатайства было отложено до вынесения итогового решения по делу. Доказательства были оценены судом при вынесении приговора: явка с повинной исключена из числа доказательств, показания подсудимого на предварительном следствии признаны допустимыми доказательствами. Апелляционным определением Красноярского краевого суда приговор оставлен без изменения³. Аналогичным образом суд поступил по уголовным делам в отношении Ч. по ч. 1 ст. 111 УК РФ и в отношении Т. по ч. 2 ст. 303 УК РФ. Апелляционная инстанция с этим согласилась⁴.

Аналогичную позицию высказали все опрошенные нами в ходе интервьюирования судьи (районные и мировые), а также большинство адвокатов.

Мы не призываем исключить возможность заявления таких ходатайств, поскольку в некоторых случаях необходимо не только исследовать доказательство, которое вызывает сомнение у стороны, но и выполнить какие-либо проверочные мероприятия и действия в отношении данного доказательства (допросить свидетеля, направить в соответствующие органы материалы для проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ и т.п.). Но после исследования и проверки доказатель-

1 Уголовное дело N 1-24/2010 // Архив Ачинского городского суда Красноярского края.

2 Уголовное дело N 1-479/2020 // Архив Кировского районного суда г. Красноярска Красноярского края.

3 Уголовное дело N 1-396/2020 // Архив Кировского районного суда г. Красноярска Красноярского края.

4 Уголовные дела N 1-8/2021 и N 1-9/2018 // Архив Кировского районного суда г. Красноярска Красноярского края.

ства в стадии судебного следствия следует оставить вопрос о его разрешении (оценке доказательств) до вынесения итогового решения по делу.

В связи с этим необходимо дополнить ст. 121 УПК РФ частью 2 следующего содержания: «Разрешение судом ходатайства о признании доказательства недопустимым, о его исключении из числа доказательств про-

изводится при вынесении итогового решения по делу и подлежит обжалованию совместно с указанным решением», а ч. 4 ст. 88, п. 1 ч. 2 ст. 229, ч. 5 ст. 234, ст. 235, ч. 4 ст. 236 УПК РФ исключить из УПК РФ, поскольку судебная практика в некоторых случаях идет именно по такому пути – оставляя разрешение таких ходатайств до принятия итогового решения.

Библиографический список

1. Балакшин, В.С. Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью / В.С. Балакшин // Законность. – 2014. – № 3. – С. 386-390.
2. Белоковильский, М.С. Некоторые проблемы правовой регламентации стадии предварительного слушания в УПК РФ: вопросы исключения недопустимых доказательств / М.С. Белоковильский // Адвокат. – 2014. – № 8. – С. 47-54.
3. Белохортов, И.И. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.И. Белохортов. – Краснодар, 2011. – 24 с.
4. Васяев, А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе – М., 2010.
5. Горбачев, А.В. Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок : автореф. дис. канд. юрид. наук / А.В. Горбачев. – М., 2004. – 28 с.
6. Зебницкая, А.К. Ходатайства в современном уголовном судопроизводстве России и зарубежных государств / А.К. Зебницкая // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 2. – С. 25-28.
7. Корневский, Ю.В. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству : практическое пособие / Ю.В. Корневский, Г.П. Падва. – М., 2004. – 159 с.
8. Костенко, Р.В. Исключение доказательств, полученных с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в ходе судебного производства по уголовным делам / Р.В. Костенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 3 (33). – С. 98-101.
9. Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие / В.А. Лазарева. – М.: Высш. образование, 2009. – 344 с.
10. Лютынский, А.М. Процессуальный порядок признания доказательств по уголовному делу недопустимыми: некоторые проблемы и решения / А.М. Лютынский, Е.Г. Карташова // Пенитенциарная наука. – 2015. – № 3 (31). – С. 29-32.
11. Миронов, В.Ю. Оценка доказательств при проведении предварительного слушания / В.Ю. Миронов // СПС «КонсультантПлюс».
12. Пилушин, И.П. Исключение доказательства в предварительном слушании / И.П. Пилушин, А.В. Павлов // Мировой судья. – 2016. – № 10. – С. 23-26.
13. Рябинина, Т.К. Полномочия судьи в стадии назначения судебного заседания в уголовном процессе / Т.К. Рябинина // Российский судья. – 2010. – № 4. – С. 21-26.

Сергей Леонидович МИРОЛЮБОВ,
доцент кафедры криминалистики
Казанского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
mirolubov2008@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ
И (ИЛИ) ОБОРОТОМ ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ
И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ**

**ON THE ISSUE OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES,
RELATED TO THE ILLEGAL PRODUCTION AND (OR) TURNOVER
OF ETHANOL, ALCOHOLIC AND ALCOHOL-CONTAINING PRODUCTS**

Статья посвящена анализу элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным производством и (или) оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции на основе статических данных и судебной практики. Рассматриваются такие элементы криминалистической характеристики, как предмет, способ совершения преступления, обстановка, механизм следообразования и личность преступника. Обосновывается необходимость владения данными об взаимосвязях элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным производством и (или) оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, для успешного выявления, раскрытия и расследования данным преступлений.

The article is devoted to the analysis of elements of criminalistic characteristics of crimes related to the illegal production and (or) trafficking of ethanol, alcoholic and alcohol-containing products based on statistics and judicial practice. Such elements of criminalistic characteristics as the subject, the method of committing a crime, the situation, the mechanism of trace formation and the personality of the criminal are considered. The necessity of possession of data on the interrelationships of elements for the criminalistic characteristics of crimes related to the illegal production and (or) turnover of ethanol, alcoholic and alcohol-containing products, for the successful identification, disclosure and investigation of these crimes is substantiated.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, способ совершения незаконного производства и оборота алкогольной продукции, «подпольный цех», фальсифицированный алкоголь.

Keywords: *criminalistic characteristics, method of committing illegal production and trafficking of alcoholic beverages, «underground workshop», adulterated alcohol.*

Алкоголизация и преступность – два явления, которые прочно связаны между собой на протяжении многих лет. Несмотря на официальные данные, приве-

денные министром здравоохранения России М.А. Мурашко, согласно которым с 2008 г. по 2020 г. потребление алкоголя снизилось с 15,7 до 9,1 литра этанола на душу насе-

ния¹, уровень «пьяной» преступности остается стабильно высоким.

Так, в 2020 г. в России почти каждое третье преступление (30,6%) совершено в состоянии алкогольного опьянения². Большой спрос на алкогольную продукцию и ее высокая рыночная стоимость провоцируют на активную преступную деятельность криминальных производителей и сбытчиков спиртных напитков, так называемых бутлегеров. Об этом красноречиво свидетельствуют данные официальной статистики. Так, на федеральном уровне в 2007 г. выявлены 19303 преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции, 632 подпольных цеха, в 2010 г. – 8734 преступления и 372 подпольных цеха, в 2017 г. – 7131 преступление и 171 подпольный цех, в 2020 г. – 4011 преступлений и 195 цехов, в 2021 г. – 2905 преступление, ликвидированы 329 подпольных цехов. За 2020 г. из нелегального оборота изъято 1079471 декалитров незаконной алкогольной продукции³. Также на высоком уровне остается смертность населения, связанная с употреблением алкоголя (в том числе отравлением) – 50435 человек в 2020 г.⁴ Эффективное расследование данных преступлений во многом связано с пониманием криминалистической характеристики.

Значение криминалистической характеристики преступлений состоит в том, что она является своего рода «ключом», позволяющим быстро, всесторонне и полно вести расследование и установить круг необходимых обстоятельств. Связи между ее элементами помогают выдвигать криминалистические версии, строить план расследования, в том числе поиск преступника, особенно в условиях дефицита информации на первоначальном этапе расследования.

В отечественной юридической науке, вопросами, связанными с незаконным оборотом алкоголя, занимались многие ученые. В рамках кандидатских диссертаций исследовали уголовно-правовой аспект Э.Д. Шайдул-

лина [7], И.Г. Иванов [5], с позиции криминалистики – В.Н. Жигунов [4], С.С. Бахтеев [1], А.С. Болатов [2], Р.В. Гоннов [3].

Уголовная ответственность за рассматриваемый вид преступления – производство, закупка (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки и (или) розничная продажа этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна, совершенные в крупном размере (на сумму более 100 тысяч рублей) – предусмотрена ст.171.3 УК РФ (введена Федеральным законом от 26 июля 2017 г. N 203-ФЗ). Часто действия преступных групп дополнительно квалифицируются по ст. 171.1 УК РФ (производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации) и ст. 327.1 УК РФ (изготовление, сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использование).

Криминалистическая характеристика рассматриваемого состава преступления включает следующие элементы: предмет преступного посягательства, способ совершения, время и место совершения, механизм следообразования, данные о личности преступника.

Предметом данного преступления в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» являются спиртосодержащая продукция, (пищевая и непищевая), спиртосодержащие лекарственные препараты, спиртосодержащие медицинские изделия, этиловый спирт и алкогольная продукция.

Одним из значимых элементов криминалистической характеристики вступает способ

1 По данным Российского информационного агентства. URL: https://ria.ru/20210916/alkogol1750385574.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1631896301000 (дата обращения 17.09.2021).

2 Состояние преступности в России за 2020 г. : статистический сборник / ГИАЦ МВД России. М., 2021. С. 26.

3 Статистический отчет ГИАЦ МВД России форма 057 2017-2021. Электронный ресурс (дата обращения: 10.03.2022).

4 Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 6.03.2022).

совершения преступления. В системе элементов криминалистической характеристики способ совершения представляет собой перечень взаимосвязанных приемов по приготовлению, совершению и сокрытию преступлений с целью реализации преступного умысла.

Представляется целесообразным выделить действия, направленные на организацию подпольного предприятия («цеха») по производству фальсифицированной алкогольной продукции:

– создание организованной группы различной степени общности, распределение ролей между соучастниками, приглашение для сотрудничества иных лиц, осведомленных или не осведомленных о преступных намерениях субъектов (лиц, осуществляющих фасовку, наклейку этикеток и марок, курьерские услуги, поставку розничной потребительской тары);

– установление «деловых» контактов с иными субъектами (вне данной организованной группы) или организованными формированиями, осуществляющими отдельные операции в структуре технологического процесса (оптовые поставщики спирта, изготовители поддельных этикеток и (или) марок, лица, имеющие в своем распоряжении подлинные этикетки или марки, полученные незаконным путем, и т.д.);

– определение источника первоначальных инвестиций для приобретения или аренды помещений, транспортных средств, приобретения сырья, расходных материалов, розничной потребительской тары и т.п.;

– выбор помещения для осуществления подпольного производства;

– осуществление коррупционного воздействия в отношении сотрудников государственных органов, наделенных регистрационными, разрешительными, контролирующими, надзирающими функциями с целью склонения к сотрудничеству и сокрытию ими фактов преступной деятельности в сфере теневого алкогольного рынка;

– приобретение специального оборудования и материалов для массового производства контрафактной алкогольной продукции,

ее расфасовки в розничную потребительскую тару, имитации продукции, произведенной с соблюдением принятых технологий на предприятиях, имеющих право осуществлять производство и выпуск аналогичной продукции, и т.п.

Организуя группу лиц для систематического осуществления подпольного производства алкогольной продукции, организаторы стремятся включить в ее состав не только рядовых работников, занимающихся розливом, фасовкой, оформлением каждой единицы данной продукции, ее доставкой в торговые точки (в ряде случаев наемных работников не посвящали в правовую сторону данного деяния), но и квалифицированных сотрудников, имеющих химическое образование, профессиональный опыт и сложившиеся деловые связи в торговле (продовольственными товарами и алкогольной продукцией), ресторанном бизнесе), государственных органах и т.д.

Например, руководителем группы лиц, осуществляющих теневого алкогольного бизнеса в Республике Татарстан, являлся менеджер одной из компаний по продаже автомобильных запчастей – В. Через П., работающую торговым представителем «Алкоторга» (известной в Республике Татарстан оптовой компании по продаже напитков, обладающей хорошей деловой репутацией), он организовал систематическую поставку фальсификата водки (под видом нескольких известных фирменных брендов) в различные торговые организации. В свою очередь, П. складировала в сарае по месту своего жительства приобретенную оптом у В. суррогатную продукцию, периодически с учетом собственной наценки и небольшими партиями реализуя ее в различные торговые организации через доверенных лиц, имеющих магазины¹.

При выборе места предпочтение отдается частным домовладениям, внешне малозаметным, расположенным на окраине районов или городов, на неоживленных улицах либо в сельских населенных пунктах, в то же время имеющих электро-, и водоснабжение, подъездные пути для вывоза готовой продукции. Так, в указанном примере розлив фальсифи-

¹ Уголовное дело N 1-22/019. Спасский районный суд Республики Татарстан. URL: spassky.tat.sudrf.ru (дата обращения: 01.09.2021).

ката осуществлялся в гараже частного домовладения. При этом субъект преступления не посвящал в свои подлинные планы даже супругу, пояснив ей, что закупленный им в крупном объеме технический спирт необходим для промывки автозапчастей перед продажей.

Что касается приобретения средств производства подпольной алкогольной продукции, то приобретаемые средства можно разделить на следующие группы:

- исходное активное (концентрированное) вещество – пищевой или технический спирт;
- розничная и мелкооптовая тара (бутылки, коробки, ящики);

- комплектующие детали (поддельные или полученные незаконно подлинные этикетки, федеральные специальные или акцизные марки, пробки и пр.);

- оборудование для производства алкогольной продукции в кустарных условиях: емкости для достижения необходимой консистенции получаемого вещества путем разведения спирта и т.п., различные фильтры, укупорочные машинки, компьютерная и оргтехника для самостоятельного изготовления этикеток, федеральных специальных или акцизных марок и т.п.;

- расходные материалы: вода (чаще – водопроводная, нежели бутилированная, тем более дистиллированная); клей для наклеивания этикеток, федеральных специальных или акцизных марок, моющие средства для подготовки розничной тары (бутылок), ящики, коробки для комплектации мелкооптовых партий изготовленной фальсифицированной продукции и т.д.

Производство фальсифицированной алкогольной продукции требует обеспечения подпольного цеха розничной тарой, обычно бутылками. В этих целях субъекты преступления:

- приобретают оптом стеклотару на предприятиях, осуществляющих промышленный выпуск такой продукции;

- приобретают оптом стеклотару в пунктах приема стеклотары;

- организуют собственные пункты приема стеклотары.

Для изготовления алкоголя в кустарных условиях используется примитивная технология. Спирт разбавляется водой до 30-35% содержания, добавляются пищевые добавки, причем производство алкогольной продукции происходит, как правило, в антисанитарных условиях [8, с. 10].

Исходя из проведенного анализа изученных уголовных дел, по времени суток алкогольная продукция чаще всего производится в период с 11 до 17 часов днем, в вечернее время – с 19 до 22 часов, в ночное время – с 23 до 6 часов. Кроме того, контрафактная алкогольная продукция усиленными темпами производится накануне выходных и праздничных дней.

Часто бутлегеры на бутылки с готовой продукцией наклеивают фальшивые акцизные марки.

Незаконный сбыт фальсификата обычно осуществляется через магазины и предпринимателей-оптовиков. Например, участники казанского организованного преступного сообщества бутлегеров С. Федорова реализовывали суррогат через свой магазин на ул. Белинского, а также в розлив через свое кафе «Бистро» на казанской улице Мавлютова¹.

Проведенный анализ уголовных дел данной категории показал, что наиболее характерные следы следующие:

- следы пальцев и ладонных поверхностей рук на оборудовании и посуде для изготовления и фальсифицированной алкогольной продукции, оптовой и розничной потребительской таре, средствах компьютерной техники, иных предметах в помещении, используемом в качестве подпольного цеха, которые могли оставить лица, задействованные в технологическом процессе;

- следы обуви на территории подпольного цеха, в котором осуществлялось теневое изготовление алкогольной продукции;

- иные следы биологической природы (следы пота слюны на посуде, окурках, следы пота на рабочей одежде и т.п.);

- следы транспортных средств на территории подпольного цеха;

- следы орудий изготовления и расфасовки фальсифицированной алкогольной

¹ Суд закупорил бутлегеров // Коммерсант. 2017. 18 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3409229> (дата обращения 18.09.2021).

продукции (следы давления, трассы) на самой продукции.

Кроме того, характерны следы-предметы, к которым относятся:

– фальсифицированная алкогольная продукция в бутылках с наклееными этикетками или акцизными марками, готовая к сбыту;

– продукция, готовая к расфасовке, – водно-спиртовая смесь, изготовленная в кустарных условиях, предназначенная для розлива в розничную или мелкооптовую тару;

– розничная потребительская тара, подготавливаемая или готовая к использованию в подпольном производстве: пустые бутылки для водки, коньяка, виски и т.п.;

– тара для поставки оптом алкогольной продукции (ящики, коробки, контейнеры), тара, в которой поставлялось сырье (бочки, канистры для спирта различного объема);

– этикетки на алкогольную продукцию известных брендов, акцизные марки;

– пробки, термоусадочные колпачки в значительном количестве, зачастую имитирующие упаковку известных брендов алкогольной продукции;

– технологические отходы: отбракованная стеклотара, поврежденные колпачки, этикетки, марки; бумажные листы с экспериментальными распечатками этикеток различных алкогольных брендов или утвержденных образцов марок, отбракованный раствор водно-спиртового фальсификата и т.п.

– блокноты, тетради, листы бумаги с записями о количестве произведенной и сбытой фальсифицированной продукции, инвестициях и доходах за определенный период;

– оборудование, указывающее на серийное производство фальсифицированной алкогольной продукции;

– литература по изготовлению алкогольной продукции в домашних условиях, органической и неорганической химии и т.п.;

– транспортные средства, используемые для перевозки сырья или готовой продукции в места сбыта [3, с. 83].

В особую группу следов необходимо выделить электронные следы (электронные текстовые, видео-, аудиофайлы), находящиеся в памяти средств компьютерной техники,

мобильных телефонов. Иными следами ориентирующего характера выступают показания счетчиков о повышенном расходе воды и электроэнергии по определенному адресу, наличие постоянных характерных шумов, стеклянных изделий, регулярное прибытие к домовладению конкретных автомобилей и т.д.

Лица, являющиеся организаторами подпольных предприятий по производству и сбыту фальсифицированной алкогольной продукции, в целом соответствуют криминалистически значимым качествам в социально-психологическом и профессиональном аспекте, характерным для так называемой «беловоротничковой» преступности. Об этом свидетельствует наличие у них высшего образования, хороших организаторских способностей, умения распределять полномочия между другими соучастниками, ставить перед ними различные задачи и требовать их выполнения, контролировать технологический и организационный процесс, в том числе при необходимости реализовывать систему штрафов и иных наказаний.

Исследование 50 архивных уголовных дел в Республике Татарстан показало, что подавляющее большинство деяний, связанных с организацией теневого алкогольного бизнеса, перевозкой и оптовым сбытом алкогольного фальсификата, совершаются мужчинами – около 83%. Возрастной диапазон – от 30 до 60 лет. Как правило, им присущ высокий интеллектуальный потенциал в сочетании с абстрактным интеллектом, знаниями в сфере различных естественно-технических и иных наук (биологии, физики, химии, психологии, медицины, изобразительного искусства, полиграфии и т.п.), наличием креативного подхода в реализации различных технологий. Однако, к сожалению, вследствие ряда объективных и субъективных причин социально-психологического характера они оказались не способны воплотить свой творческий потенциал в рамках правового поля.

Вместе с тем уголовные дела по обвинению лиц женского пола в изготовлении суррогатов водки путем разбавления нелегально приобретенных мелких оптовых партий спирта, которые они сбывали у себя на дому,

является вполне распространенной криминальной ситуацией. Практически мужским занятием (92,6%) является перевозка контрабандного спирта и сбыт его лицам, создавшим подпольный «цех» по производству фальсифицированной алкогольной продукции. Что касается розничных сбытчиков фальсифицированной алкогольной продукции, то в данном случае превалировало, напротив, участие женщин (примерно 81,5%) [3, с. 25].

Данный вид преступной деятельности в 90% случаев характеризуется соучастием в форме организованной группы. 56% лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, ранее имели судимости за совершение корыстных преступлений. В то же время 62% лиц на момент задержания были трудоустроены и имели официальный источник дохода. Образовательный уровень – среднее и среднее профессиональное образование.

На основании проведенного исследования мы приходим к следующим выводам: криминалистическая характеристика преступлений связанных с незаконным производством и (или) оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции является обобщенной информационной моделью, представляет собой систематизированное описание типичных криминалистических значимых признаков, которые позволяют определить направление поиска, недостающих элементов криминалистической характеристики, места возможного обнаружения следов преступления и т.п. Кроме того, твердое знание взаимосвязей элементов криминалистической характеристики правоприменителем позволяет правильно определить направление расследование, составить план, сузить круг подозреваемых, своевременно провести следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия.

Библиографический список

1. Бахтеев, С.С. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции : по материалам Уральского федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.С. Бахтеев. – Екатеринбург, 2004. – 26 с.
2. Болатов, А.С. Расследование преступлений, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции : дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Болатов. – М., 2009. – 194 с.
3. Гоннов, Р.В. Совершенствование методики расследования преступлений, связанных с производством и оборотом фальсифицированной алкогольной продукции : дис. ... канд. юрид. наук / Р.В. Гонов. – Ростов-на-Дону, 2011. – 224 с.
4. Жигунов, В.Н. Расследование уголовных дел, возбуждаемых по материалам оперативной разработки по преступлениям в сфере производства и оборота алкогольной продукции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Жигунов. – М., 2004. – 24 с.
5. Иванов, И.Г. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с организованными преступными группами в сфере незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Г. Иванов. – М., 2013. – 34 с.
6. Лебедев, Н.Ю. Теоретические проблемы и практика расследования незаконного производства спиртосодержащей алкогольной продукции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Ю. Лебедев. – Барнаул, 2004. – 24 с.
7. Шайдуллина, Э.Д. Незаконное производство и оборот алкогольной продукции: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э.Д. Шайдуллина. – Нижний Новгород, 2012. – 24 с.
8. Шагапсов, З.Л. Криминалистические признаки контрафактной крепкой бутылированной алкогольной продукции / З.Л. Шагапсов, Р.Р. Карданов : учебно-практическое пособие. – Краснодар, 2016. – 142 с.

Ксения Сергеевна НЕЖИНСКАЯ,

доцент кафедр государственно-правовых дисциплин
Дальневосточного юридического института
МВД России (г. Хабаровск),
кандидат юридических наук

ymatno@gmail.com

**СИММЕТРИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА
В РАМКАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

**THE SYMMETRY OF RUSSIAN FEDERALISM WITHIN THE FRAMEWORK
OF ENSURING DEMOGRAPHIC SECURITY IN THE RUSSIAN FAR EAST**

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы демографической политики как одного из направлений обеспечения национальной безопасности государства. Нормативные основы демографической политики рассмотрены с позиции федеративного устройства государства и эффективности управления в рамках разграничения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами. Автор отмечает, что одним из самых существенных недостатков конституционно-правового механизма регулирования отношений в области демографической политики является отсутствие четкой конкретизации государственной политики в данной области, а также необоснованный выбор конкретных форм, методов и правовых акцентов для воздействия на те или иные демографические процессы.

The article considers the constitutional and legal foundations of demographic policy as one of the directions of ensuring the national security of the state. The normative foundations of demographic policy are considered from the perspective of the federal structure of the state and the effectiveness of governance within the framework of the differentiation of subjects of jurisdiction areas between the federation and its subjects. The author states that one of the most significant shortcomings of the constitutional and legal mechanism for regulating relations in the field of demographic policy is the lack of a clear specification of the state policy in this area, as well as an unreasonable choice of specific forms, methods and legal accents for influencing certain demographic processes.

Ключевые слова: демографическая политика, национальная безопасность, федеративное устройство, конституционно-правовые основы, симметричная федерация.

Keywords: demographic policy, national security, federal structure, constitutional and legal foundations, symmetrical federation.

Одной из конституционных характеристик российского государства является его федеративное устройство, которое предопределило наличие в его составе 85 субъектов, образуемых на основе нацио-

нально-территориальных и территориальных особенностей каждого. При этом статья 5 Конституции Российской Федерации дает науке конституционного права возможность рассматривать российское государство как

симметричную федерацию, провозглашая равенство субъектов как во взаимоотношениях друг с другом, так и с федеральными органами власти. Тем не менее анализ социально-экономического развития регионов и связанной с ним возможности последних воплощать в жизнь предусмотренные законодательством Российской Федерации права и обязанности позволяет нам сделать вывод о несостоятельности механизма реализации данной нормы. Отсутствие индивидуального подхода в формировании основных направлений внутренней и внешней политики государства с учетом особенностей регионов предопределило появление множества экономических, политических, культурных, социальных и иных проблем, разрешение которых невозможно без деятельного участия федерального центра. Ярким примером в данной области является демографическая политика государства, которая, преследуя общую для страны цель, порождает совершенно противоречивые по содержанию результаты в регионах.

Основным нормативно-правовым актом в сфере реализации демографической политики российского государства является Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года¹, которая провозглашает стабилизацию численности населения как основную цель деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Стабилизация численности населения связана с основными демографическими показателями, установленными на определенный промежуток времени и учитываемыми при анализе статистических данных. Более того, одним из принципов реализации демографической политики в Российской Федерации является «учет региональных особенностей демографического развития и дифференцированный подход к разработке и реализации региональных демографических программ». Таким образом, чтобы дать оценку эффективности норм федерального законодательства в сфере реализации демографической политики, необходимо проанализировать принятые на

уровне регионов нормы в рассматриваемой сфере, изучить особенности формирования и деятельности органов государственной и муниципальной власти и, самое важное, оценить результаты этой деятельности на основе анализа статистических показателей для конкретного региона.

Дальневосточный федеральный округ является аутсайдером по демографическим показателям не только в количественном, но и качественном их содержании. Имея самую большую территорию среди других федеральных округов (общая площадь 11 субъектов входящих в округ 6952 кв. км при общей площади Российской Федерации в целом 17125 кв. км), он является самым слабозаселенным (1,2 человека на 1 кв. км). Более того, согласно официальным данным Росстата, численность населения с 1 января 2021 г. по 1 января 2022 г. сократилась приблизительно на 23 тысячи человека, 40% из которых – это естественная убыль населения и 55% – миграционный отток. Таким образом, только за один год население федерального округа сократилось почти на 30%².

Стоит отметить, что большинство субъектов, входящих в Дальневосточный федеральный округ, являются пограничными территориями и соседствуют с густонаселенными Японией, США по морю и Китаем, КНДР и Монголией по суше. На территории округа находятся крупнейшие месторождения алмазов, золота, нефти, газа, угля, полиметаллов мирового значения. Через территорию региона проходят крупнейшие в России железнодорожные магистрали, связывающие страну с Европой и Азией [5, с. 23].

Катастрофическая убыль населения с территорий Дальневосточного федерального округа является явной угрозой национальной безопасности Российской Федерации и может повлечь нарушение территориальной целостности государства. До сих пор остро стоит территориальный вопрос с Японией по поводу Курильских островов, входящих в территорию Дальневосточного федераль-

1 Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 // Собрание законодательства РФ. 2007. N 42. Ст. 5009.

2 Россия в цифрах. 2020: краткий статистический сборник / Росстат. М., 2021. С. 32.

ного округа. В данном случае стоит согласиться с мнением ведущих ученых демографов о том, что негативные демографические процессы носят центростремительную направленность, и совершенно очевидно, что уже завтра количество спорных территорий может резко возрасти ввиду их ресурсной привлекательности и слабой развитости как в экономическом, так и в демографическом потенциале [1, с. 98].

Государственно-правовое регулирование демографических процессов в сфере миграции, социально-экономической, национальной политики в России связано, прежде всего, с нормативно-правовым воздействием на общественные отношения. Эффективность механизма реализации данных норм напрямую зависит от формируемых органов государственной власти, осуществляющих функции как в сфере нормотворчества, так и административной деятельности. Стоит отметить, что специально уполномоченный орган государственной власти в сфере реализации демографической политики на Дальнем Востоке России был образован сравнительно недавно. До этого момента функции в сфере реализации демографической политики государства осуществляли сразу несколько органов государственной власти, дублируя работу друг друга. Результатом такой деятельности стало неэффективное использование государственных ресурсов, а самое главное – невозможность эффективного планирования и как следствие – отсутствие ответственности органа власти, так как исполнение задач демографической функции государства не являлось для них основным направлением деятельности. В 2012 г. было образовано Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, данному министерству были переданы функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере демографии. Однако это также не внесло ясности в вопрос определения результативности деятельности министерства.

В 2019 г. Указом Президента РФ Минвостокразвития было переименовано в Министерство по развитию Дальнего Востока

и Арктики. В деятельности министерства появились новые функции, связанные с выработкой государственной политики и нормативно-правовым регулированием в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации. Таким образом, единственный специализированный орган государственной власти, непосредственно осуществляющий функции в сфере реализации демографической политики на Дальнем Востоке России, «прирос» новой территорией с совершенно отличными проблемами и способами их решения. В рамках деятельности нового министерства возникает вопрос, прямо вытекающий из его названия: почему реализацию социально-экономической политики на Дальнем Востоке России объединили с развитием Арктической зоны. Как эффективность освоения новой территории может повлиять на дистрофические процессы в субъектах Дальнего Востока, который на данный момент не нуждается ни в дополнительной территории, ни в ресурсах. Более того, анализ структуры данного министерства позволяет нам сделать вывод, что основная часть департаментов и отделов, входящих в его основу, ориентированы именно на проблематику освоения и развития Арктической зоны. Таким образом, в сфере государственного управления демографическая политика как одна из основных функций государства в рамках обеспечения национальной безопасности, разведена на миграционную, социальную и экономическую политику, проводимую без учета целей поставленных в нормативных актах.

Как говорилось ранее, базовый подход к нормативному регулированию демографической политики задан Конституцией Российской Федерации. Установленный порядок построения системы законодательства на принципах федеративного устройства, а также механизм разграничения предметов ведения между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации обусловили особенности нормативного регулирования демографической политики. Таким образом, стоит согласиться с тем, что приоритетными направлениями регионального

развития России в сфере демографической политики являются не только реализация конституционного принципа федерализма, воплощенного в централизованной системе власти и нормативного регулирования, но и узкая направленность в пределах правового регулирования территориального развития Дальнего Востока [3, с. 168].

Изучение нормативных основ демографической политики стоит начать не только с изучения норм федерального законодательства, но и затронуть давно забытый, но реабилитированный сравнительно недавно с советской эпохи механизм стратегического планирования. Так, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» заменил закон о госпрогнозировании и программах социально-экономического развития страны. Благодаря ему в рамках стратегического планирования государство стремится создать четкую нормативную основу для разработки и реализации правовых норм в рамках обеспечения национальной безопасности России. Более того, в рамках реализации данного закона действуют достаточно большое количество подзаконных актов, обеспечивающих комплексную систему стратегического планирования и взаимодействия различных ветвей власти. На уровне большинства субъектов, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, были приняты подобные акты¹. Проведенный анализ системы стратегического планирования в субъектах, входящих в Дальневосточный федеральный округ, указывает на отсутствие целостного подхода к механизму правового регулирования и контроля эффективности деятельности в субъектах. Говоря простым языком, данные акты попросту дублируют федеральное законодательство, ссылаясь лишь на учет в системе собственного планирования пространственно-локализованных видов деятельности каждого региона. Более того, большая часть

дальневосточных субъектов в рассматриваемых документах закрепили принципиально различные порядки их утверждения. Например, Хабаровский, Камчатский края стратегии развития утвердили исполнительным органом государственной власти в субъекте, а Приморский край и Магаданская область – в форме закона законодательным органом власти. Данные расхождения указывают на явный дисбаланс в системе регулирования и контроля эффективности деятельности, так как в своем содержании захватывают деятельность различных органов власти как на уровне государственных органов субъекта, так и на муниципальном уровне. В данном случае уместно было бы принятие стратегии развития региона в форме закона субъекта.

Далее процесс нормативного регулирования становится еще более запутанным. Принятые на уровне субъекта стратегии развития включают в себя механизм их реализации, а также индикаторы оценки эффективности деятельности органов публичной власти. При этом полномочия органов власти заменяются общими фразами, что свидетельствует о явно формальном подходе к разграничению прав и обязанностей в рамках осуществления демографической функции. Ведомственные нормативно-правовые акты дальневосточных субъектов «растворяют» директивы демографических стратегий в рамках своей компетенции, подменяя «цели и задачи» условиями своей деятельности. Таким образом, анализ нормативных правовых актов, содержащих нормы, регулирующие общественные отношения в сфере реализации демографической политики на Дальнем Востоке России, позволяет нам сделать вывод, что государственные меры, направленные на стабилизацию численности населения в регионе, ориентированы только на улучшение социально-экономического положения дальневосточников за счет положительного сальдо рождаемости и уменьшения показателей смертности. Дей-

¹ О стратегическом планировании в Приморском крае : Закон Приморского края от 02.12.2015 N -732 КЗ // Ведомости Законодательного собрания Приморского края. 2015. N 141; Об отдельных вопросах в сфере стратегического планирования в Камчатском крае : Закон Камчатского края от 28.12.2015 N 735 // Официальные ведомости. 2016. N 10-11; О стратегическом планировании в Хабаровском крае : Закон Хабаровского края от 29.07.2015 N 96 // Собрание законодательства Хабаровского края. 2015. N 7 (ч. I) и др.

ствующие программы социально-экономического развития дальневосточных регионов ориентированы в большей степени на инвестиционный капитал в развитии территорий, делая эффект от этих мер долгосрочным и весьма оценочным. Дальневосточное население не готово к таким ожиданиям и ежедневно выезжает на постоянное место жительства в другие регионы страны или за ее пределы.

Социально-экономические меры стимулирования внутренней миграции и закрепления на территориях дальневосточного населения, являющиеся исторически основным рычагом государственного воздействия на миграционные процессы, стали неэффективны. Так, утрата в связи с переездом в другие регионы дальневосточной надбавки к пенсии легко компенсируется местными выплатами в других регионах. Еще одним фактором, оказывающим негативное влияние на миграцию дальневосточного населения, является стоимость квадратного метра жилья в регионе. По данным Росстата, Дальний Восток России стоит на втором месте после Центрального федерального округа по стоимости жилья¹. Налицо парадокс: регион с самыми низкими показателями социально-экономического развития имеет самые высокие цены на жилье.

Примечательно, что в отношении территорий Крайнего Севера действует программа по переселению с районов Крайнего Севера². Данная программа ориентирована на переселение постоянного населения с северных территорий на юг с целью снижения социальной нагрузки с северных территорий. Освоение Арктической зоны, таким образом, будет осуществляться вахтовым методом с привлечением иностранных инвесторов. Данная направленность нормативного регулирования идет вразрез с целями, поставленными главой государства в декларативных документах стратегического планирования в отношении дальневосточных земель. Трудно не согласиться с мнением А.Г. Гришановой и Н.И. Кожевниковой, указывающих на не-

состоятельность подхода, обозначенного в декларативных документах стратегического планирования и связанного с объединением субъектов Дальневосточного федерального округа. Хотя все субъекты и имеют статус приграничных территорий, их геополитическая роль и приоритет развития населения потенциала далеко не равнозначны для государства [4, с. 38].

На основе изученной системы нормативного регулирования демографической функции российского государства в рамках обеспечения ее национальной безопасности и разветвленной системы органов публичной власти, непосредственно реализующих эту функцию, стоит вернуться и еще раз обратиться к федеративным основам нашего государства. И именно «не учредительную, а технико-юридическую процедуру, направленную на перераспределение уже установленной компетенции (полномочий, но не предметов ведения) в отношении конкретного субъекта Российской Федерации. Разграничение же есть прежде всего уточнение универсальной границы между полномочиями органов власти разного уровня, и эта граница должна устанавливаться Конституцией РФ и федеральным законом» [6, с. 80]. Данный тезис подтверждает не только негативная статистика дальневосточной миграции и уровня социально-экономического развития Дальнего Востока России, но и положительный исторический опыт освоения и развития дальневосточных регионов. Как указывает Ю.А. Тихомиров, только государственное управление несет основную публичную нагрузку и обеспечивает устойчивое экономическое развитие регионов. Именно от него зависит реальное обеспечение прав и свобод граждан и обеспечение территориальной целостности и суверенитета государства [7, с. 13].

Асимметрия российского федерализма в рамках обеспечения демографической функции государства в отношении дальневосточных территорий обусловлена «миграционной

¹ Россия в цифрах. 2020: краткий статистический сборник. С. 36.

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 30.12.2017 N 1710 // Собрание законодательства РФ. 2018. N 3. Ст. 546.

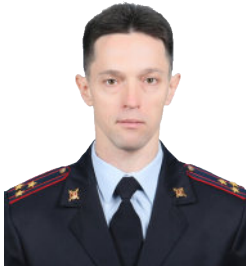

непривлекательностью» региона, связанной, прежде всего, с отставанием в социально-экономическом развитии. Выход из глубокого демографического кризиса видится только в установлении централизованной системы управления на уровне федерации. На сегодняшний день стоит констатировать, что делегирование полномочий федерального центра для учета региональных особенностей показало полную неэффективность механизма государственного и муниципального управления.

нашний день стоит констатировать, что делегирование полномочий федерального центра для учета региональных особенностей показало полную неэффективность механизма государственного и муниципального управления.

Библиографический список

1. Вишневский, А.Г. Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову / А.Г. Вишневский // Социологический журнал. – 2019. – Том 25. – N 4. – С. 93-104.
2. Гапоненко, А.Л. Стратегическое управление / А.Л. Гапоненко, А.П. Панкрухин. – 2-е изд., стереотип. – М., 2006. – 234 с.
3. Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России : монография / Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров, Л.В. Андриченко и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М., 2018. – 301 с.
4. Гришанова, А.Г. Концепция демографической политики на Дальнем Востоке и национальная безопасность: вопросы теории / А.Г. Гришанова, Н.И. Кожевникова // Миграционное право. – 2018. – N 1. – С. 36 - 37.
5. Демографические контуры регионов России : монография / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М., 2009. – 174 с.
6. Конституционные основы разграничения полномочий между органами публичной власти : монография / А.Е. Постников, Л.В. Андриченко, А.Е. Помазанский и др. – М., 2015. – 180 с.
7. Хабриева, Т.Я. Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / Т.Я. Хабриева, Ж. Марку. – М., 2011. – 164 с.

Николай Юрьевич ТЕТЕРЯТНИКОВ,
начальник кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук
colyambus@yandex.ru

Александр Владимирович АНДРЕЕВ,
начальник кафедры социально-экономических
дисциплин Уральского юридического института
МВД России (г. Екатеринбург),
кандидат юридических наук
trixter@yandex.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА И ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

DEFINITION OF FORCED LABOR AND FORCED WORK IN THE RUSSIAN AND INTERNATIONAL LAW

В статье исследуется проблема соотношения конституционного запрета на принудительный труд (ч. 2 ст. 37 Конституции России), а также уголовного – на рабский (ст. 127.2 УК РФ), с одной стороны, и фактического использования первого при исполнении таких уголовных и административного наказаний, как принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ), обязательные работы (ст. 49 УК РФ), исправительные работы (ст. 50 УК РФ) и обязательные работы (ст. 3.13 КоАП РФ), в том числе «без оплаты труда» (ст. 106 УИК РФ) – с другой. При этом анализируются нормы не только отечественного законодательства, но и международного права, а также судебная практика как высших российских судов, так и Европейского суда по правам человека. В целях устранения выявленных коллизий предлагается внесение изменений в Трудовой кодекс РФ.

The article examines the problem of the relationship between the constitutional ban on forced labor, as well as the criminal ban on slave labor, on the one hand, and the actual use of the former in the execution of such criminal and administrative penalties, as compulsory labor, community service, corrective labor and community service, including «without pay», on the other. At the same time, the norms of not only domestic legislation, but also international law, as well as the judicial practice of both the highest Russian courts and the European Court of Human Rights are analyzed. In order to eliminate the identified conflicts, it is proposed to amend the Labor Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: принудительный труд, принудительные работы, обязательные работы, исправительные работы, судебная практика, ЕСПЧ.

Keywords: forced labor, compulsory labor, corrective labor, judicial practice, the European Court of Human Rights.

В ноябре 2021 г. директор ФСИН России объявил о совместной с Минюстом России подготовке законопроекта, согласно которому планируется использовать труд осужденных на крупных промышленных стройках в районах Крайнего Севера, а также очистки от загрязнений Арктической зоны России¹. В последних числах декабря 2021 г. Минюст России сообщил о планах направлять заключенных на принудительные работы по договору, подписанному с холдингом «Уралхим»², в г. Березники и г. Соликамск на предприятия компаний «Уралкалий» и «Уралхим», расположенные в северных районах Пермского края³.

Как отмечается в материале газеты «Известия», на настоящий момент в Российской Федерации существуют 186 исправительных центров, в которых могут быть размещены более 15,5 тысяч осужденных к принудительным работам. При этом к концу 2022 г. Минюст России планирует создать еще 35 тысяч рабочих мест для таких заключенных, а к 2024 г. довести их до 100 тысяч⁴.

Принудительные работы как самостоятельный и основной вид уголовного наказания появился в Российской Федерации с 1 января 2017 г., когда вступили в силу положения Федерального закона от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации отдельные законодательные акты Российской Федерации». В 2017 г. принудитель-

ные работы назначались судами 587 раз, в 2018 г. – 2501⁵. В последние несколько лет наказание в виде принудительных работ в России ежегодно назначается примерно тысяче человек⁶. К ним можно добавить еще около 6,5 тысяч осужденных, ходатайства которых о замене лишения свободы принудительными работами удовлетворяются каждый год⁷. Такую возможность осужденным к лишению свободы предоставил отечественный законодатель в 2019 г.

Одновременно с принудительными работами (ст. 53.1 УК РФ) в Уголовном кодексе Российской Федерации присутствуют такие наказания, как обязательные работы (ст. 49 УК РФ) и исправительные работы (ст. 50 УК РФ). Кроме того, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях также предусмотрены обязательные работы (ст. 3.13 КоАП РФ) в качестве основного вида административного наказания.

Обобщая, можно констатировать, что все названные виды наказаний (обязательные работы в двух их разновидностях – уголовной и административной, а также принудительные работы и исправительные работы) охватываются более широким юридическим понятием принудительного труда. Однако принудительный труд не исчерпывается указанными наказаниями. К нему, помимо них, относится и реализация положений главы 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, ст. 103 которого обязывает каждого

1 ФСИН намерена привлечь заключенных к работам на стройках в Арктике // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/803757> (дата обращения: 17.05.2022).

2 Форма типового договора между исправительным центром и организацией, использующей труд осужденных к принудительным работам, находящихся на участке исправительного центра, расположенном вне территории исправительного центра, утверждена приказом ФСИН России от 17.12.2019 N 1138 (зарегистрирован в Минюсте России 24.01.2020 N 57273); Методические рекомендации по подготовке договоров об оказании услуг по предоставлению рабочей силы из числа осужденных при организации взаимодействия со сторонними компаниями : утв. распоряжением ФСИН России от 31.10.2009 N 313-р «О подготовке договоров об оказании услуг по предоставлению рабочей силы».

3 Жилин И. Трудовая армия миллиардера Мазепина // Новая газета. 2022. 24 января.

4 Кулакова В. Трудовой приговор: для осужденных на исправработы построили 186 пещцентров. Поможет ли это решить проблему дефицита рабочей силы для бизнеса // Известия. 2022. 3 февраля.

5 ФСИН расширяет возможности направления осужденных на работу вместо колоний // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7668683> (дата обращения: 17.05.2022).

6 Подоплева О., Федяров А. Рабы немцы // The Insider. URL: <https://theins.ru/obshestvo/246132> (дата обращения: 04.02.2022).

7 Тюремное ведомство сообщило о дефиците мест в исправительных центрах // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/08/06/tiuremnoe-vedomstvo-soobshchilo-o-deficite-mest-v-ispravitelnyh-centrah.html> (дата обращения: 04.02.2022).

осужденного к лишению свободы «трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений», а ст. 106 УИК РФ определяет возможность привлечения осужденных к лишению свободы к выполнению работ по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий «без оплаты труда». Отказаться от выполнения таких работ могут лишь инвалиды первой или второй группы, лица, достигшие возраста, дающего право на страховую пенсию по старости, и беременные женщины. К принудительному труду также можно отнести обязательное обучение осужденных к лишению свободы, предусмотренное ст. 108 УИК РФ. Надзор за исполнением законодательства, регламентирующего привлечение к труду осужденных, осуществляется органами прокуратуры [6, с. 6-9].

Вместе с тем ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации провозглашает принцип свободы труда [1, с. 94-107], включая возможность свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а в ч. 2 этой же статьи содержится прямой конституционный запрет на принудительный труд. В продолжение этого конституционного положения ст. 127.2 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за использование рабского труда человека, когда этот человек «по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг)». Кроме того, ст. 285 («Злоупотребление должностными полномочиями», 286 («Превышение должностных полномочий» УК РФ применяются судами для привлечения к уголовной ответственности за незаконное использование труда подчиненных и заключенных [2, с. 4-10].

Каким же образом сочетаются конституционная норма с положениями административного, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России? И как этот вопрос разрешается в трудовом праве, которое также основано на принципе запрещения принудительного труда и принципе обеспечения права каждого работника на

своевременную и справедливую зарплату, обеспечивающую достойное существование как самого человека, так и его семьи (ст. 2 Трудового кодекса РФ)? Особенно с учетом того, что ст. 5.27 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение трудового законодательства и иных источников трудового права.

Конституция Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ее ст. 15 обладает высшей юридической силой на всей территории государства. Статья 37 Конституции РФ объявляет труд свободным и закрепляет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, а также свободу от принудительного труда в качестве субъективного права. При этом ч. 3 ст. 55 этого же акта закрепляет, что права и свободы человека могут быть ограничены федеральным законом в том числе в целях защиты законных интересов иных лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, т.е. право на свободу от принудительного труда как раз и ограничивается такими федеральными законами как УК РФ, УИК РФ и КоАП РФ в соответствующих целях. В это же время ч. 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает приоритет норм международных договоров Российской Федерации над нормами российских законов.

Конвенция N 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда», принятая в г. Женеве 28 июня 1930 г. на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ и вступившая в силу для нашей страны в 1957 г., обязала государство, являющиеся членами МОТ, упразднить применение принудительного (обязательного) труда во всех его формах и определила это явление как «всякую работу или службу, требуемую от кого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг»¹. Ч. 2 ст. 2 данной Конвенции содержит оговорку, согласно которой принудительный (обязательный) труд не включает:

а) работы, требуемые по законам об обязательной военной службе;

¹ Российской Федерацией в 1998 году также была ратифицирована Конвенция N 105 МОТ «Об упразднении принудительного труда», заключенная в г. Женеве 25 июня 1957 г.

б) исполнение гражданами своих обязанностей;

с) работы вследствие решения, вынесенного судебным органом;

д) работы, требуемые в условиях чрезвычайных обстоятельств (войны, стихийного бедствия природного или техногенного характера либо угрозы такого бедствия);

е) мелкие работы общинного характера, выполняемые для пользы коллектива на основе корпоративных норм или обычаев, при условии наличия права «высказать свое мнение относительно целесообразности этих работ».

Аналогичные нормы-изъятия содержатся и в ТК РФ, в ст. 4 которого закреплено, что в понятие принудительного труда не входит:

– работа, обусловленная законодательством о воинской обязанности и военной, а также альтернативной гражданской службе;

– работа, обусловленная введением военного или чрезвычайного положения;

– работа, выполняемая в условиях чрезвычайных обстоятельств (бедствий или угрозы бедствий), ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия населения;

– работа, выполняемая «вследствие вступившего в законную силу приговора суда».

И хотя под последнюю категорию, а также предыдущие не подпадают обязательные работы, предусмотренные ст. 3.13 КоАП РФ в качестве вида административной ответственности [4, с. 24-25], тем не менее нарушения трудового законодательства при их назначении нет, т.к. согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ при противоречии между нормами международного договора Российской Федерации и российского закона применяются правила международного договора. Нормы Конвенции МОТ о принудительном труде 1930 г., являющейся международным договором Российской Федерации, противоречат положениям ТК РФ, т.к. п. «с» ч. 2 ст. 2 Конвенции допускает принудительный труд, в том числе в виде обязательных работ, назначаемых по решению суда в результате

рассмотрения дела об административном правонарушении, тогда как норма ст. 4 ТК РФ этого не позволяет. Руководствуясь коллизионной нормой Конституции РФ, российские органы судебной и исполнительной власти применяют положение Конвенции МОТ.

В целях гармонизации национального законодательства России по отношению к положениям международного права представляется целесообразным изложить последний абзац ч. 4 ТК РФ в следующей редакции: «работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда либо решения суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных решений и приговоров».

Правоприменительная и судебная практика [3, с. 259-272], в том числе основанная на решениях Европейского Суда по правам человека [7, с. 50-55], наглядно демонстрирует четкое разграничение принудительного труда на легальный и противозаконный практически только в зависимости от субъекта его использования. В случаях, когда принудительный труд практикуют частные лица либо неправительственные организации, он признается противозаконным, нарушающим трудовые права человека; когда же принудительный труд организует государство либо органы местного самоуправления суды и другие контрольно-надзорные инстанции признают его правомерным, законным и допустимым¹.

Так, в сентябре 2011 г. Совет Европы совместно с Европейским Судом по правам человека выпустил информационно-тематический листок – Принудительный труд и торговля людьми, в котором была систематизирована правоприменительная практика ЕСПЧ за 44 года (с 1967 по 2011 гг.)². Согласно этому документу нарушение ст. 4 («Запрещение рабства и принудительного труда») Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной в г. Риме

¹ Сайт Олега Анишика о подаче жалоб в ЕСПЧ – Европейский Суд по правам человека. URL: <https://europeancourt.ru/2012/04/27/10070/> (дата обращения: 05.02.2022).

² Принудительный труд и торговля людьми: информационно-тематический листок ЕСПЧ. URL: <https://www.ustrp.com/xx/document/view/19150484/> (дата обращения: 05.02.2022).

4 ноября 1950 г., ЕСПЧ устанавливал только когда заявителей похищали с целью продажи, продавали, использовали в качестве рабов либо принуждали к труду злоумышленники из числа частных лиц. Если же заявители обращались за защитой от принудительного или обязательного труда со стороны государства или муниципалитета, а также в интересах общественности, то ЕСПЧ неизменно отказывал в удовлетворении их жалоб.

Справедливости ради необходимо отметить, что Комитет экспертов МОТ по применению конвенций и рекомендаций (подразумеваются конвенции МОТ NN 29, 105) на 101-й сессии Международной трудовой конференции, которая состоялась в г. Женеве в 2012 г., указывал, что до сих пор случается, что государство применяет принудительный труд в экономических целях. Например, использует труд военнотружеников без их согласия на гражданских объектах, запрещает увольнение по собственному желанию с должностей гражданской службы до истечения срока контракта, наказывает обязательным трудом за участие в забастовке или за выражение своих убеждений и политических взглядов [5, с. 44-47].

Информационно-тематический листок – Принудительный труд и торговля людьми, изданный Советом Европы и ЕСПЧ, разбит на пять разделов («Домашние работники», «Торговля людьми и принуждение к занятию проституцией», «Свободные профессии: адвокаты и т.п.», «Труд в местах лишения свободы», «Военная служба или альтернативная гражданская служба»). В трех последних разделах не описано ни одного случая, когда бы ЕСПЧ усмотрел нарушение ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Зато в первых двух разделах ситуация прямо обратная – нарушение ст. 4 Конвенции ЕСПЧ установил в подавляющем большинстве дел, но нарушителями во всех случаях оказывались частные лица; государства если и привлекались Судом к ответственности, то только за недостаточное обеспечение реализации соответствующих прав пострадавших и ненадлежащую их защиту. Наиболее показательны следующие дела.

W., X., Y. и Z. против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (жалобы NN 3435/67, 3436/67, 3437/67, 3438/67), решение ЕСПЧ от 19 июля 1968 г. Молодые люди были призваны на службу в военно-морской флот. Их обращения об освобождении от службы по личным причинам были отклонены. Четверо обратились в Суд, считая, что находились в подневольном положении. ЕСПЧ им отказал.

Де Вилд, Оомс и Версип против Бельгии (дело «о бродяжничестве»), решение ЕСПЧ от 18 июня 1971 г. Бродяг поместили в специальный центр, где они работали за незначительную плату. Они пожаловались, что вынуждены были работать за мизерные деньги под угрозой дисциплинарного наказания. Суд не усмотрел нарушений, т.к. их труд был обусловлен социальной реабилитацией.

Ван Дроогенброек против Бельгии (жалоба N 7906/77), решение ЕСПЧ от 24 июня 1982 г. Вышедший после двух лет лишения свободы за кражу заявитель на несколько лет был помещен под наблюдение надзорных органов государства. Он посчитал, что был принужден к труду, т.к. для того, чтобы оставаться на свободе, ему необходимо было на банковском счете постоянно иметь некоторую денежную сумму, а для этого ему приходилось работать. ЕСПЧ с ним не согласился, указав, что его заработок есть средство социальной реадaptации.

Ван дер Мюссель против Бельгии (жалоба N 8919/80), решение ЕСПЧ от 23 ноября 1983 г. Адвокат-стажер, назначенный бесплатно защищать малоимущих обвиняемых, решил, что в отношении него это принудительный труд. Суд с ним не согласился, т.к. бесплатная юридическая помощь, которую он оказывал, была обусловлена его профессией, повышала его квалификацию и оставляла достаточно времени для оплачиваемой работы.

Стефан Буча против Словакии (жалоба N 43259/07 признана неприемлемой в 2011 г.). Адвокат оспаривал решение Конституционного суда, отказавшего возмещать расходы за бесплатную защиту клиента.

Карол Михаль против Словакии (жалоба N 23360/08), решение ЕСПЧ от 28 июня

2011 г. Судебный пристав для обеспечения исполнения решения суда потратил собственные денежные средства и полагал, что отказ в компенсации равнозначен принудительному труду. ЕСПЧ отказал в такой трактовке принудительного труда.

В российской судебной практике по делам о квалификации принудительного труда ситуация в целом аналогична общеевропейской.

Так, С.И.В. во время отбывания наказания в виде административного ареста привлекался к бесплатному физическому труду на основании Правил внутреннего распорядка специальных приемников для содержания лиц, арестованных в административном порядке, утвержденных приказом МВД России от 6 июня 2000 г. N 605 (отменен в 2017 г.). В Правилах предусматривалась возможность привлекать арестованных к бесплатному труду в течение срока ареста с их письменного согласия быть трудоустроенными. Конституционный Суд РФ не усмотрел противоречия норм Правил внутреннего распорядка положениям Конституции РФ¹.

Н.А.В. за совершение преступлений было назначено наказание в виде исправительных работ, само наличие которых в законодательстве он посчитал неконституционным, т.к. Конституция РФ запрещает принудительный труд. Конституционный Суд РФ с этим не согласился, указав, что исправительные работы представляют собой вид наказания для лица, не имеющего основного места работы, и отбываются в определяемых органом местного самоуправления местах, что полностью согласуется с положениями Конвенции МОТ N 29, являющейся в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью российской правовой системы².

Пленум Верховного Суда РФ, в свою очередь, в постановлении от 29 мая 2014 г. N 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» со ссылкой на положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также нормы Трудового кодекса Российской Федерации отметил, что предъявление требований, связанных с прохождением военной службы, включая соблюдение воинской дисциплины, не может расцениваться как нарушение права военнослужащего свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию³.

В другом решении (по делу об оспаривании норм Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 14 декабря 1999 г. N 1038⁴, предусматривавших в качестве вида дисциплинарного взыскания понижение в должности) Верховный Суд РФ со ссылкой на определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. N 460-О отказал в признании перевода на нижестоящую должность принудительным трудом и не усмотрел нарушения принципа недопущения двух взысканий за один и тот же проступок⁵, несмотря на то, что несогласие на понижение в должности, влечет увольнение.

В то же время в деле, по которому осужденные привлекались к работам в выходные дни без их согласия, а оплату получали в одинарном размере, и за то, что не соблюдались сроки оплаты отпуска осужденных, к административной ответственности было привлечено руководство исправительной колонии. При этом Исакогородский районный суд

1 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина И.В. Сергеева частью 4 статьи 32.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2004 N 151-О.

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Неверова Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 50 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 N 132-О-О.

3 О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 N 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. N 7.

4 Отменена в 2018 г. в связи с вступлением в силу Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 01.02.2018 N 50.

5 Определение кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 19.01.2010 N КА09-650.

г. Архангельска в решении от 3 апреля 2018 г. по делу N 12-33/2018 указал что «хотя привлечение осужденных к общественно полезному труду не может расцениваться как принудительный труд, но нарушение сроков выплаты им заработной платы или выплата ее не в полном размере отнесены к принудительному труду».

Еще более показательным в этом смысле является решение Коряжемского городского суда Архангельской области от 22 марта 2018 г. по делу N 2а-244/2018, согласно которому было признано незаконным постановление об отбывании административного наказания в виде обязательных работ в коммерческих организациях и у индивидуальных предпринимателей. Суд отметил, что «принудительный труд не включает в себя работу, требуемую вследствие приговора судебного органа, при условии, то эта работа будет производиться под надзором и контролем государственных властей. Возможность передачи лиц, которым судом назначено административное наказание в виде обязательных работ, в распоряжение частных лиц, является принудительным трудом и недопустимо» [2, с. 259-272].

Как явствует из приведенных примеров, а также анализа как нормативной базы, так и правоприменительной практики принудительный труд как таковой запрещается использовать любым субъектам права за исключением органов публичной власти при условии, что они будут его применять к людям, руководствуясь национальным законодательством, в России – федеральными законами. Связано это в том числе и с тем, что трудовое право, будучи отраслью частного права, запрещает принудительный труд в интересах частных лиц (как физических, так и юридических). Тогда как международное публичное право, а вслед за ним и национальное конституционное, а также муниципальное право (отрасли публичного права) допускают использование принудительного труда в интересах общества и государства, т.е. в публичных интересах.

Соответственно, конституционный запрет на принудительный труд (ч. 2 ст. 37 Конституции РФ), подкрепленный уголовным запретом на «использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности» (ст. 127.2 УК РФ), вполне успешно сочетается с применением мер юридической ответственности за правонарушения в виде принудительного труда, к которому относятся принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ), обязательные работы (ст. 49 УК РФ), исправительные работы (ст. 50 УК РФ) и обязательные работы (ст. 3.13 КоАП РФ), в том числе «без оплаты труда» (ст. 106 УИК РФ). Обусловлено это тем, что все перечисленные меры юридической ответственности закреплены в федеральных законах, ограничивающих права и свободы человека и гражданина, в том числе «право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности» (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ), в целях защиты «нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции России.

В свете изложенного планы Минюста и ФСИН России о распространении практики использования принудительных работ в общественных интересах на большее количество осужденных в ближайшие годы представляются вполне реалистичными и конституционно обоснованными. Тем более, что согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. N 1138-р, из 320 тысяч лиц, «подлежащих привлечению к труду», в учреждениях уголовно-исполнительной системы, трудоустроены на ее производственных объектах только 40% (по состоянию на 1 января 2021 года). Это означает, что трудовые резервы, находящиеся в распоряжении российской пенитенциарной системы, весьма существенны.

Библиографический список

1. Ахметьянов, Д.В. Понимание свободы труда в советской и российской науке трудового права / Д.В. Ахметьянов // Российский юридический журнал. – 2022. – N 1.
2. Борков, В.Н. Квалификация незаконного использования труда подчиненных и заключенных / В.Н. Борков // Уголовное право. – 2018. – N 5.
3. Жевняк, О.В. Российская судебная практика о квалификации принудительного труда / О.В. Жевняк, М.П. Жевняк // Вестник Воронежского государственного университета. – 2019. – N 2.
4. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / Е.Г. Азарова, М.А. Бочарникова, Т.Ю. Коршунова и др.; отв. ред. Ю.П. Орловский. – 8-е изд., испр., доп. и перераб. – М.: КОНТРАКТ, 2019.
5. Мачульская, Е.Е. Принудительный труд в современных условиях: позиция комитета экспертов МОТ / Е.Е. Мачульская // Трудовое право в России и за рубежом. – 2018. – N 2.
6. Никитин, Е.Л. Прокурорский надзор за исполнением законов, регулирующих привлечение к труду осужденных к принудительным работам / Е.Л. Никитин, М.Н. Кустов // Законность. – 2019. – N 6.
7. Швецова, М.В. Принудительный и обязательный труд в судебных актах Европейского суда по правам человека и их использование в Российской Федерации / М.В. Швецова // Социальное и пенсионное право. 2017. – N 3.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 343.9

DOI 10.51980/2542-1735_2022_3_174

Елизавета Сергеевна ПУСТОВОЙТ,

адъюнкт адъюнктуры
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

lizapustovoit@yandex.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В РЕГИОНЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

CRIMINOLOGICAL SIGNS OF DRUG CRIME IN THE REGION OF RESPONSIBILITY OF THE MEMBER STATES OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION

В статье на основе доктринальных показателей преступности рассмотрены криминологические признаки наркопреступности в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности: межгосударственный характер незаконного оборота наркотиков, наличие отлаженных маршрутов наркотрафика через Центрально-Азиатский регион, наркодавление опиоидных наркотиков афганского происхождения. Наличие собственной сырьевой базы для наркопроизводства и иные особенности позволили установить отличительные признаки наркопреступности в данном регионе.

Criminological characteristics of drug-related crime in the region of responsibility for the member states of the Collective Security Treaty Organization are considered in the article on the basis of doctrinal indicators of crime: the interstate nature of drug trafficking, the existence of well-established routes of drug trafficking through the Central Asian region, the drug pressure of opioid drugs of Afghan origin. The existence of its own raw material base for drug production and other peculiarities made it possible to define distinctive features of drug-related crime in the region.

Ключевые слова: антинаркотическая операция, нелегальный транзит, общественная опасность, прекурсоры, психотропные вещества, Республика Таджикистан, «северный маршрут», страны Закавказья.

Keywords: anti-drug operation, illegal transit, public danger, precursors, psychotropic substances, Republic of Tajikistan, «northern route», Transcaucasian countries.

Наркопреступность, складывающаяся в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), подтверждает, что наркобизнес продолжает активно развиваться, оказывая разрушающее воздействие на социальные и экономические сферы жизнедеятельности стран. Наркопреступность в данном регионе, будучи социально-правовым явлением, обладает всеми признаками преступности и отграничивается от прочих видов своей связью с незаконным оборотом наркотиков.

Необходимо определить, что понимается под признаком, прежде чем рассмотреть криминологические признаки наркопреступности в регионе ответственности государств – членов ОДКБ. Признак – это свойство, по которому познают и узнают процесс или явление, отличающее один процесс или явление от другого. К признакам преступности относятся историческая изменчивость, относительная массовость, социальный, уголовно-правовой характер, общественная опасность и временная определенность, все эти признаки отличают преступность от других явлений. Применительно к наркопреступности в регионе ответственности государств – членов ОДКБ можно выделить такие признаки, как общественная опасность, относительная массовость (распространенность), социальный характер, историческая изменчивость, а также трансрегиональный характер, так как именно по совокупности этих признаков можно определить и отличить наркопреступность в данном регионе.

На сегодняшний момент преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств, превратилась в транснациональную проблему, затрагивающую интересы всего человечества. Так, для эффективного пресечения и профилактики наркопреступности страны Центрально-Азиатского региона (далее – ЦАР) объединились в такую международную организацию, как Организация Договора о коллективной безопасности, в которую входят 6 государств (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Россий-

ская Федерация, Республика Таджикистан). В рамках ОДКБ наращивается и совершенствуется механизм внешнеполитического взаимодействия, принимаются необходимые меры по усилению потенциала противодействия современным вызовам и угрозам [8, с. 3]. Согласно Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года, утвержденной решением Совета коллективной безопасности ОДКБ 14 октября 2016 г., в числе современных вызовов и угроз, которые негативно влияют на систему коллективной безопасности, – незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, и одной из задач выступает развитие механизмов совершенствования комплекса профилактических мер, наращивания коллективных усилий по противодействию распространению новых видов наркотиков и незаконному обороту опиатов с территории Афганистана.

Первым признаком является общественная опасность наркопреступности в данном регионе. Определяя общественную опасность, ряд исследователей (в частности, А.П. Козлов, Ю.Е. Пудовочкин, Ф.Н. Сотсков) подчеркивают, что это свойство деяния, отражающее его способность причинять вред либо создавать угрозу причинения вреда охраняемым общественным отношениям. То есть одним из компонентов общественной опасности является вредоносность, нанесение ущерба общественным отношениям. Вторым компонентом является прецедентность, то есть угроза (вероятность) повторения (возобновления) конкретного преступления или любого другого, поэтому преступление не только причиняет конкретный вред, но и общественно опасно [1, с. 4]. Общественная опасность наркопреступности состоит в способности порождать негативные для общества последствия, в расширении и углублении наркотизации населения (вредоносность), и прецедентный характер заключается в том, что, повторяясь в будущем, наркопреступность не только поддерживает существование наркотизма, но и способствует его развитию, а также применительно к наркопреступности

можно выделить распространенность наркотиков, что приводит к наркопреступлениям.

Планетарным центром производства опиоидных наркотиков является территория Афганистана. Статистика показывает, что за 2021 г. производство опиума на территории Афганистана составило 6,8 тыс. тонн, тогда как за 2020 г. – 6,3 тыс. тонн, за 2018 г. и 2019 г. – 6,4 тыс. тонн. Наркопроизводители Афганистана «снабжают» опиатами 80% всех потребителей в мире [7, с. 4]. Существует точка зрения, что от четверти до трети афганского опиума и героина перевозится по так называемому «северному маршруту», проходящему через Таджикистан и Кыргызстан или через Узбекистан и Туркменистан, в Казахстан, Россию и Европу [10, с. 4], что пагубно влияет на социально-экономическую стабильность этих стран.

К особенностям общественной опасности наркопреступлений в регионе ответственности ОДКБ можно отнести существующий наркотрафик по отлаженным маршрутам из территории Афганистана в ЦАР. Активность наркопреступности на всем центрально-азиатском пространстве и, соответственно, ее транснациональный характер закрепляются в движении афганских наркотиков: 1) по «северному маршруту» (Таджикистан, Кыргызская Республика, Казахстан, Узбекистан); 2) по «северно-причерноморскому маршруту», путь которого проходит через территории Азербайджана и Грузии, акваторию Черного моря, а также Болгарию и Украину; 3) по «закавказскому маршруту» (иногда называется «западный» или ответвление от «балканского маршрута») – через Иран, Турцию и страны Закавказья (в частности, Армению); 4) по «восточному маршруту» – преимущественно через Китай; 5) по «южному маршруту» – через территории Пакистана и Индии [5, с. 5]. Налаженный наркотрафик по соответствующим маршрутам из территории Аф-

ганистана оказывает негативное влияние на развитие стран ЦАР, так как все увеличивающиеся объемы нелегального транзита и сбыта наркотиков афганского происхождения, высокие темпы распространения наркомании, рост преступности, рост заболеваемости ВИЧ, распространение коррупции, наличие теневой экономики ведут к дестабилизации стран ЦАР [6, с. 5]. Можно сказать, что маршрутизация приводит к наркотической пандемии населения региона.

Для противодействия незаконному обороту наркотиков из территории Афганистана с 2003 г. в рамках ОДКБ проводятся масштабные международные антинаркотические операции под условными наименованиями «Канал» [3, с. 5], «Канал – Красный бархан»¹, «Канал – Центр»², «Канал – Восток»³ и другие. Участие в операциях принимают правоохранительные органы компетентных государств.

В результате проведения антинаркотической операции «Канал – Гранитный бастион», которая проходила с 21 по 25 июня 2021 г., изъято из незаконного оборота около 5 036,3 кг наркотиков, из них более 4,8 кг опия, свыше 11 кг гашиша, более 3,5 кг героина, более 5 тонн марихуаны, свыше 17 кг наркотических средств синтетического происхождения; были выявлены 543 наркопреступления, а также 3 факта легализации наркодоходов [2, с. 6].

Наркопреступность в регионе ответственности государств – членов ОДКБ обладает трансрегиональным характером, так как такое общественно опасное явление, имеющее сложную структуру, проявляет себя на территории нескольких государств, используя благоприятную рыночную обстановку для получения сверхприбыли. В данном случае признак «трансрегиональный характер» означает масштабность преступной деятельности организованных групп, преступных сообществ на территории двух и более государств, прони-

1 О проведении Международной антинаркотической операции «Канал - Красный бархан». URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/operatsiya_odkb_kanal_krasnyiy_barkhan_iz_nezakonnogo_oborota_izyato_bolee_9_tonn_narkotikov_vyavle-13166/#loaded (дата обращения: 17.04.2022).

2 Об итогах международной операции ОДКБ «Канал-Центр». URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/itogi2019/#loaded (дата обращения: 17.04.2022).

3 Об итогах международной антинаркотической операции «Канал-Восток». URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/ob_itogakh_mezhdunarodnoy_antinarkoticheskoy_operatsii_kanal_vostok/ (дата обращения: 17.04.2022).

каюшей через границы данных государств, используя коррупционные связи таможенных органов, так как наркотики обычно перевозятся через пункты таможенного досмотра, спрятанные в грузовиках или в иных тайниках, а также специальную технику, что говорит об достаточно высокой организованности преступной деятельности «поставщиков» наркотиков. Преступные сообщества в данном регионе для обеспечения своей криминальной деятельности закупают самые современные средства вооружения и боеприпасы, системы электронного оснащения, постоянно совершенствуют методы обеспечения собственной безопасности и внедряют новейшие наработки в этой области.

Проблема наркотрафика является одной из актуальных для Республики Казахстан, так как в силу своего геополитического положения она является своеобразным «транзитным коридором» между Европой и Азией. Республика Казахстан одной из первых встречается с наркоугрозой с территории Афганистана на «северном маршруте» [4, с. 6]. Как правило, наркотики из территории Афганистана попадают в Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан и далее наркотрафик движется через территорию Казахстана. «Северный маршрут» еще называют «шёлковый путь», он является ответвлением «балканского маршрута», по нему осуществляется сегодня главный экспорт афганских опиатов. Стоит вспомнить, что через территорию Казахстана проходил «Великий Шелковый путь», который являлся важнейшей системой торговых коммуникаций, связывающий Восток и Запад, то есть Казахстан уже с древних времен выступал товарным транзитером между Европой и Азией.

Под распространенностью (относительной массовостью) наркопреступности понимается не единичное явление, а множество индивидуальных противоправных явлений, которые в своей массе образуют негативное социальное явление. Согласно статистике в 2021 г. в странах ОДКБ наблюдалось увеличение количества регистрируемых наркопреступлений: в Республике Армения на 20,6%, Республике Беларусь на 31,1%, Республике

Казахстан на 11%, Кыргызской Республике на 24,53%, Республике Таджикистан на 1% в сравнении с показателями 2020 г. В Российской Федерации количество наркопреступлений уменьшилось на 5,66%. Рост числа регистрируемых наркопреступлений (в республиках Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) вызван расширением оборота синтетических наркотиков и немедицинского потребления психоактивных веществ, в отношении которых не установлены меры контроля, активным использованием возможностей виртуальных технологий, а также тем, что в условиях пандемии в 2020 г. границы государств были закрыты, а по мере улучшения эпидемиологической обстановки государства открывали границы, что повлекло за собой рост наркотрафика из других государств, в том числе из Афганистана. Рост регистрируемых наркопреступлений обусловлен и наличием в исследуемых государствах собственной сырьевой базы для незаконного изготовления и производства наркотиков.

Третьим признаком наркопреступности в регионе ответственности государств – членов ОДКБ является социальный характер (социальная пораженность наркотиками). Наркопреступность прямо зависит от состояния общественного развития, степени стабильности общества, она посягает на важнейшие социальные ценности, такие как жизнь, здоровье, общественная нравственность и другие. При этом нельзя не сказать о факте широкого охвата афганского населения наркотической зависимостью (например, по состоянию на 2015 г. от 2,5 до 2,9 млн населения Афганистана, или около 11%, систематически употребляли наркотики, из них от 1,9 до 2,3 млн афганцев употребляли опиаты [9, с. 8]), а уже в 2021 г. количество афганцев, употребляющих наркотики, достигло рекордного показателя 2,5 млн человек, из которых 850 тыс. – женщины, употребляющие наркотики на постоянной основе, что, по мнению исследователей данной проблемы, существенно препятствует оздоровлению социальной среды в государстве [11, с. 8]. Стоит заметить, что в большинстве странах государств – чле-

нов ОДКБ в 2021 г. наблюдается тенденция к снижению количества наркозависимых: в Республике Армения на 11,16%, Республике Казахстан на 7,8%, Республике Таджикистан на 7,37%, Российской Федерации на 5,8%, Кыргызской Республике на 1,43%, а в Республике Беларусь наблюдается небольшое увеличение количества наркозависимых на 3,79%.

Следующим признаком наркопреступности в регионе ответственности государств – членов ОДКБ является историческая изменчивость – это изменение общества, его социально-экономических, идеолого-политических, научно-технических, организационно-управленческих и иных объективных и субъективных условий. В связи с этим развивается и механизм наркопреступности. Например, как уже выше было сказано, территория Афганистана является центром по производству опиоидных наркотиков, однако в структуре изымаемых опиоидных наркотиков, поступающих из территории Афганистана, последнее время постепенно начинают увеличиваться синтетические наркотики, возможно, вследствие засухи (на территории Афганистана произошел рост незаконного изготовления метамфетамина (кусты эфе-

дры устойчивы к засухе), объемы которого в 2019 г. не менее чем в десять раз превышают объемы за предыдущий год). Кроме того, эффективному противодействию транснациональной организованной деятельности по трафику и распространению опиоидных наркотиков афганского происхождения способствует объединение компетентных органов заинтересованных государств, в данном случае важное криминологическое значение отводится деятельности ОДКБ, которая достаточно системно обеспечивает консолидированную, оперативную и эффективную антинаркотическую деятельность. Также еще один пример данного криминологического признака: в 2020 г. в связи с закрытием границ из-за пандемии COVID-19 и ее общими последствиями наркотрафик из территории Афганистана снизился.

Таким образом, сложившаяся наркопреступность в регионе ответственности государств – членов ОДКБ имеет специфические криминологические признаки, что отличает ее от наркопреступности в целом и диктует необходимость разработки и использования при противодействии ей мер, учитывающих данную специфику.

Библиографический список

1. Антонов, А.Г. Об общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / А.Г. Антонов, Е.С. Витовская // Человек: преступление и наказание. – 2016. – N 2 (93). – С. 59-64.
2. В Душанбе подведены итоги Субрегиональной антинаркотической операции «Канал – Гранитный бастион». – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-dushanbe-podvedeny-itogi-subregionalnoy-antinarkoticheskoy-operatsii-kanal-granitnyu-bastion/#loaded (дата обращения: 17.04.2022).
3. Митрофаненкова, О.Е. Роль России в противодействии наркотрафику из Афганистана по линии ОДКБ / О.Е. Митрофаненкова // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – N 3. – Т. 2. – С. 102-104.
4. Омарова, Б.К. Казахстан как «транзитный коридор» при транспортировке наркотических средств между Европой и Азией / Б.К. Омарова, М.К. Байгейлова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2008. – N 3. – С. 73-77.

5. Тепляшин, П.В. Криминологический анализ корреляции между динамикой афганской опийной экспансии и героиновой наркоситуацией в России / П.В. Тепляшин // Наркоконтроль. – 2020. – N 4. – С. 27-31.
6. Тепляшин, П.В. Криминологические закономерности наркоситуации в регионе ответственности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности / П.В. Тепляшин // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции (8-9 апреля 2021 г.): в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Д.В. Ким. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – С. 11-14.
7. УНП ООН: производство опиума в Афганистане увеличилось на 8 процентов. Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1413952> (дата обращения: 02.02.2022).
8. Хохлов, Е.Е. Роль международных структур в борьбе с незаконным оборотом наркотиков / Е.Е. Хохлов // Научный портал МВД России. – 2020. – N 2 (50). – С. 111-121.
9. Afghanistan National Drug Use Survey 2015. – URL: <https://www.issup.net/knowledge-share/publications/2016-10/afghanistannational-drug-use-survey-2015> (дата обращения: 17.04.2022).
10. Omelicheva, M.Y. Does Drug Trafficking Impact Terrorism? Afghan Opioids and Terrorist Violence in Central Asia / M.Y. Omelicheva, L. Markowitz // Studies in Conflict & Terrorism. – 2019. – V. 42. I. 12. – P. 1021-1043.
11. Priority setting in a context of insecurity, epidemiological transition and low financial risk protection, Afghanistan / K. Blanchet, F. Ferozuddin, A.J.J. Naeem and others // Bulletin of the World Health Organization. – 2019. – V. 97. – I. 5. – P. 374.

Дарья Андреевна АПАРИНОВА,

адъюнкт адъюнктуры
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

dp1498@ya.ru

НЕЗАКОННОЕ НАРКОПРОИЗВОДСТВО, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЕ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ: ЭТАП ПРИГОТОВЛЕНИЯ

ILLEGAL DRUG MANUFACTURE CARRIED OUT BY ORGANIZED CRIMINAL GROUPS: STAGE OF PREPARATION

В статье на основе анализа судебно-следственной практики исследуется этап приготовления к осуществлению производства наркотических средств и психотропных веществ. Отмечается, что его составляющими являются: а) «рекрутинг» участников организованной преступной группы; б) приискание как типичных мест размещения лабораторий (гаражи, сараи, бытовки, строительные вагончики, квартиры, подвалы, так и атипичных (автомобили, туристические палатки, лодки); в) подбор и приобретение необходимого лабораторного оборудования (колбы Вюрца, колбы Бунзена, нагревательные элементы, воронки Бюхнера, дистилляторы и др.); г) приобретение прекурсоров; д) прохождение процедуры «сертификации» на интернет-площадке «HYDRA».

Based on an analysis of the forensic practice, the article examines the stage of preparation for the manufacturing narcotic drugs and psychotropic substances. It is noted that its components are: a) «recruiting» members of an organized criminal group; b) searching for both typical locations for laboratories (garages, sheds, cabins, construction wagons, apartments, basements, and atypical ones (cars, tourist tents, boats); c) selecting and purchasing the necessary laboratory equipment (Wьrz flasks, Bunsen flasks, heating elements, Buchner funnels, distillers, etc.); d) purchasing precursors; e) passing the «certification» procedure on the HYDRA Internet site.

Ключевые слова: нарколаборатория, производство, прекурсоры, лабораторное оборудование, организованная преступная группа, HYDRA, «химик», «варщик».

Keywords: drug laboratory, manufacture, precursors, laboratory equipment, organized criminal group, HYDRA, «chemist», «cooker».

Незаконный оборот наркотиков в Российской Федерации, как и во всем мире, является одним из наиболее опасных видов преступлений, непосредственно угрожающих обществу в целом и здоровью нации.

Президент России Владимир Путин в ходе расширенного заседания коллегии МВД России 3 марта 2021 года отметил: «На новый уровень должна выйти и борьба с наркобизнесом ... Надо и дальше последовательно ликви-

дировать подпольные производства наркотических средств и каналы наркотрафика»¹.

Количество преступлений, связанных с незаконным производством наркотических средств на протяжении последних нескольких лет остается стабильно высоким. За последние шесть лет (2016-2021 гг.) зафиксировано увеличение практически в восемь раз². При этом наибольший прирост таких деяний зарегистрирован за период 2019-2021 гг. Причин этому множество. Одной из них являются ограничения, связанные с началом пандемии коронавирусной инфекции. Режим изоляции, закрытие границ и меры социального дистанцирования, принятые большинством стран для сокращения числа инфицированных и сдерживания дальнейшего распространения вируса, затруднили поставку наркотических средств по известным маршрутам транспортировки, в связи с чем наметилась тенденция производства отдельных видов наркотических средств внутри государств, в том числе и на территории нашей страны.

Осложняет указанную ситуацию отсутствие современной методической литературы, направленной на оптимизацию расследования указанных преступлений. Так, полноценное фундаментальное исследование по данному направлению было осуществлено практически двадцать пять лет назад, в 1997 году, С.А. Рогановым [9]. В связи с этим достаточно остро стоит вопрос о целесообразности разработки методики расследования указанных видов преступлений с учетом трансформации механизма их совершения. При этом нельзя не отметить, что за указанный период рассматривались отдельные вопросы: понятие и признаки нарколаборатории [5], теоретические и организационно-правовые особенности оперативно-разыскного обеспечения [1], способы переработки психоактивных веществ [6], функционирование и администрирование подпольных лабораторий по производству синте-

тических наркотических средств и психотропных веществ и их контроль в сети Darknet [10].

Анализ судебно-следственной практики³ свидетельствует, что на современном этапе наркопроизводство в преобладающем количестве случаев осуществляется организованными преступными группами, с соблюдением повышенных мер конспирации – используются мессенджеры, сим-карты, зарегистрированные на посторонних лиц, или служебные телефоны; в ходе переписки или телефонного разговора абоненты обращаются друг к другу посредством ник-неймов, используют специальный сленг, речевые сокращения и обороты, искажающие истинный смысл содержания электронных сообщений. Финансовые операции совершаются с использованием электронных кошельков, тайниковых закладок или криптовалюты.

Не претендуя на изложение специфики всего механизма совершения данного вида преступления, в данной работе осветим лишь этап приготовления.

Под приготовлением (ч. 1 ст. 30 УК) в теории уголовного права традиционно понимается «приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам» [3, с. 72].

В теории криминалистики этап приготовления принято считать элементом механизма совершения преступления. Например, А.М. Кустов полагает, что этот этап заключается в моделировании преступного поведения, приискании орудий преступного посягательства, поиске объекта посягательства и значимой информации о нем, прогнозировании поведения преступника, распределении ролей

1 Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 01.11.2021).

2 По данным ГИАЦ МВД России, в 2016 году зарегистрированы 66 преступлений, связанных с незаконным производством наркотических средств, в 2017 году – 172 (+160,6%), в 2018 году – 223 (+ 29,7%), в 2019 году – 351 (+ 57,4%), в 2020 году – 500 (+ 42,5%), в 2021 году – 581 (+ 16,2%).

3 Эмпирической основой исследования выступил анализ 75 приговоров судов различных уровней (суды общей юрисдикции, верховные суды субъектов Российской Федерации) за период с 2016 по 2021 годы.

между соучастниками, составлении планов и схем совершения преступления и т.д. [8, с. 45].

Элементами приготовления к наркопроизводству могут выступать:

1) «рекрутинг» участников организованной преступной группы. В процессе изучения судебно-следственной практики нами выделены способы вовлечения новых участников в состав организованной преступной группы по производству наркотических средств и психотропных веществ:

а) вовлечение ранее знакомых лиц;

б) размещение объявлений в мессенджерах, а также на интернет-площадке «HYDRA». Так, обвиняемый Ф. показал, что устроился в интернет-магазин «NOT», находящийся на интернет-площадке «HYDRA». На указанном сайте он договорился с человеком под никнеймом «SUP». В ходе общения последний предложил обвиняемому поработать в качестве закладчика, с чем он согласился. После этого Ф. написал человеку по имени «NOT», и тот предложил производить наркотическое средство «4 ММС» (мефедрон), на что Ф. ответил согласием¹;

в) нанесение трафаретных записей о приеме на «работу» на фасадах зданий.

В целях поддержания должного уровня дисциплины для участников организованной группы руководителем организованной группы разрабатывается и внедряется эффективная кадровая политика, заключающаяся в подборе участников, обладающих определенными личностными характеристиками и навыками (возраст, грамотность, обучаемость, наличие навыков работы с техническими средствами связи, умение работать с необходимыми программными приложениями, исполнительность, надежность). В системе поощрений руководителем организованной группы за добросовестное выполнение своей преступной роли могут предусматриваться поощрения – премирование, в системе санкционирования за ненадлежащее исполнение своих обязанностей могут применяться штрафы в виде лишения денежных средств и увольнения. Все участники организованной

группы должны обладать навыками работы с многофункциональными техническими устройствами связи и информационно-телекоммуникационной сетью Интернет, что является обязательным условием вступления в ее состав.

В состав преступной группы могут быть включены «варщики», отвечающие за непосредственное производство наркотического средства, «химики» – лица, осуществляющие консультирование «варщиков» о технологии синтеза и контролирующее эффективность их работы, «лаборанты», поддерживающие лабораторное оборудование в надлежащем состоянии и помогающие «варщикам». Кроме того, в отдельных случаях в состав группы могут быть включены «модератор-куратор», «поставщик», «склад», «перевозчик», «курьер»;

2) приискание места. Проведенным исследованием установлено, что в 34% случаев местами, где организуются лаборатории, выступают частные домовладения, а также гаражи (27%), хозяйственные постройки, в том числе сараи, бытовки, строительные вагончики (21%), квартиры (14%), подвалы (4%). Указанные места возможно отнести к типичным. Помещения могут находиться в разных формах собственности. Так, в 52% случаев для организации лаборатории в целях незаконного наркопроизводства заключались договоры аренды (найма) частных домовладений, гаражных помещений, квартир или земельных участков с находящимися на них хозяйственными постройками. В 36% использовались помещения, находящиеся в собственности, в том числе специально приобретенные для целей преступления. Кроме того, имеют место случаи использования недвижимого имущества по доверенности (8%) и находящегося в собственности близких родственников (4%).

Например, гражданин К. с целью незаконного серийного производства синтетического наркотического средства в особо крупном размере, приискал и арендовал частное домовладение, куда совместно с Б. перевез приобретенные химические вещества и лабораторное

¹ Приговор Ленинградского областного суда от 29.06.2020 N 2-16/2020/ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3drbstfN1WJh/> (дата обращения: 24.02.2022).

оборудование¹. По другому уголовному делу обвиняемый Т. с целью совершенствования серийного производства наркотического средства мефедрона (4-метилметкатинон) в особо крупном размере произвел обустройство подвала жилого дома, принадлежащего ему на праве собственности, путем оборудования в нем отдельного помещения и установки вытяжки в виде металлических коробов².

В единичных случаях производство наркотических средств может осуществляться в автомобиле, туристической палатке, лодке, а также в лаборатории образовательной организации. Так, в ноябре 2021 года сотрудниками Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Татарстан совместно с коллегами из УМВД России по г. Набережные Челны задержаны трое подозреваемых в незаконном изготовлении наркотических средств, которые организовали в лесном массиве в районе села Подгорный нарколабораторию, располагавшуюся в походной палатке, установленной среди деревьев. В ней полицейские обнаружили прекурсоры и химические реактивы, общий вес которых составил 11 килограммов, а также лабораторное оборудование и другие предметы, предназначенные для изготовления запрещенных веществ³.

Поиск места может осуществляться как лично организатором, так и по его поручению иными участниками преступной группы (например, «химиком» или «варшиком»);

3) приобретение необходимого оборудования. Может использоваться как лабораторное оборудование, так и предметы домашнего обихода. Во многом это определяется видом производимого наркотического средства и его масштабами.

С учетом того, что в последние годы преимущественно производятся синтетические наркотические средства – амфетамин, 4-ме-

тилметкатинон, N-метилэфедрон, для осуществления этого процесса необходимы лабораторные установки, которые могут состоять из отдельных элементов оборудования, имеющих общехимическое назначение (прямые и обратные холодильники, механические и магнитные мешалки, колбы Вюрца, колбы Бунзена, воронка Бюхнера, колбы Эрленмейера). Они в отдельных случаях могут заменяться и бытовыми приборами.

Справедливым представляется утверждение А.В. Морозова о том, что «для участия в наркопроизводстве не требуется обширных специальных познаний. Приобретение оборудования и большей части необходимых компонентов с развитием информационно-компьютерных технологий и широкого круга услуг почтовой и курьерской доставки не вызывает существенных затруднений» [7, с. 316].

Производители наркотических средств и психотропных веществ при поиске алгоритмов синтеза и лабораторной посуды в 71% случаев обращаются к информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Доставка может осуществляться:

а) посредством почтовых отправлений (45% случаев). Так, обвиняемые З. и С, используя сеть Интернет, заказали химические вещества, необходимые для изготовления наркотического средства, оформив доставку на имя С. посредством почтового отправления через транспортную компанию⁴;

б) через тайниковую закладку (25%). Обвиняемый Т. посредством сети Интернет заказал готовый набор химической посуды и химических веществ, в том числе прекурсоров, необходимых для изготовления наркотического средства мефедрона (4-метилметкатинон). После оплаты заказа Т., получив от неустановленного лица ссылку с изображением тайника, содержащего набор химической стеклянной

1 Приговор Московского областного суда от 10.08.2020 по делу N 2-61/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8gaUrkBtCqNr/> (дата обращения: 01.03.2022).

2 Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 18.08.2020 N 2-13/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MnwV5AIXaEVp/> (дата обращения: 01.03.2022).

3 Полицией Татарстана обнаружены в лесу нарколабораторию, оборудованную в походной палатке // МВД Медиа. URL: <https://mvdmedia.ru/news/operativnye-novosti/politseyskie-tatarstana-obnaruzhili-v-lesu-narkolaboratoriyu-oborudovannuyu-v-pokhodnoy-palatke/> (дата обращения: 10.02.2022).

4 Приговор Канского городского суда (Красноярский край) от 06.07.2020 по делу N 1-167/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Eg75TksarfHR/> (дата обращения: 01.03.2022).

посуды, восемь емкостей с химическими веществами, подробную инструкцию по его производству на пяти листах формата А4, забрал его в лесном массиве возле санатория¹;

в) при непосредственной встрече с продавцом (30%).

При этом оплата за прекурсоры, химические реактивы лабораторное и иное оборудование осуществляется различными способами: в 50% случаев посредством использования электронных платежных систем (Webmoney, Qiwi), цифровой валютой (перевод электронных денежных средств или криптовалюты со счета одного бенефициара другому) – 21,5%, передачей наличных средств как «из рук в руки» – 21,5%, так и через тайниковые закладки (7%).

4) приобретение прекурсоров (например, для наркотических средств и психотропных веществ амфетаминового ряда – эфедрин и псевдоэфедрин, 1-фенил-2-пропанон, аллилбензол, бензальдегид, нитроэтан).

Исследование эмпирических материалов позволяет утверждать, что в наиболее часто прекурсоры приобретаются преступными группами посредством сети Интернет.

Рассматриваемые химические вещества могут попадать на «черный рынок» несколькими способами:

а) международный экспорт под предлогом легальных планируемых поставок в нефасованном виде и в виде фармацевтических препаратов (эфедрин и псевдоэфедрин). В целях получения незаконной выгоды компании-импортеры зачастую осуществляют незаконные поставки, подделывая свидетельство (разрешение) на ввоз указанной продукции;

б) контрабанда почтовыми или курьерскими отправлениями, а также воздушные грузоперевозки с использованием методов маскировки. Для такого способа доставки характерно неправильное заполнение декларации на ввозимую продукцию, например МАФА, изымаемый на границах, чаще всего обозначается в сопроводительных документах как «микрористаллическая целлюлоза»;

в) утечка с завода-изготовителя фармацевтической продукции внутри страны;

г) покупка фармацевтической продукции в розничных торговых объектах;

д) незаконное изготовление из прекурсоров в лабораторных условиях (например, получение фенилуксусной кислоты из бензилцианида);

е) на рынок могут поступать вещества, официально не признанные прекурсорами, но являющиеся таковыми, в сущности. Разделяем позицию Я.С. Карпова о том, что «действующий ... правовой механизм, в течение которого принимается решение о включении веществ в Перечень, реализуется в среднем от полугода до полутора лет. Преступным организациям этого времени вполне достаточно, чтобы адаптироваться к меняющимся правовым условиям и обеспечить практически непрерывные поставки необходимых веществ в места незаконного производства, изготовления или переработки наркотиков» [4, с. 21].

В связи с этим особого внимания заслуживают вопросы решения проблемы утечки прекурсоров из внутренних каналов, совершенствования выявления утечки из сферы законной международной торговли, а также активизации глобальной деятельности по противодействию распространению не включенных в списки химических веществ и дизайнерских прекурсоров;

5) прохождение процедуры «сертификации». Услуга сертификации предоставляется интернет-площадкой «HYDRA» и заключается в том, что организатор нарколаборатории или его по его поручению «химик» или «варщик» подают заявку с приложением фотографий лабораторного оборудования и подробным описанием синтеза. Администратор сайта в последующем передает полученные сведения «квалифицированному специалисту», представляющему структурное подразделение «HYDRA LAB», для оценки соответствия используемого оборудования и применяемых реактивов, прекурсоров и технологий синтеза производимых наркотических средств и последующих рекомендаций по совершенствованию процесса.

Значимость указанной процедуры и получения «сертификата» заключается в том, что достаточно часто за деятельностью по произ-

1 Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 18.08.2020 N 2-13/2020.

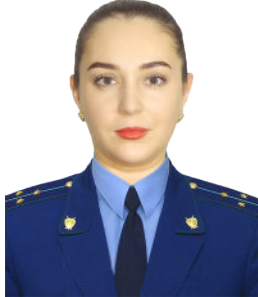
водству следует незаконный сбыт, осуществляющийся посредством интернет-магазина, который в случае похождения процедуры сертификации имеет возможность получить статус «доверенного». Это позволяет покупателю понять, что качество предлагаемой продукции является достаточно высоким, а соответствующему магазину привлечь более количество «клиентов».

Подводя итог, отметим: приготовление к преступлению является одним из элементов механизма совершения преступления. Участники

организованных преступных групп осуществляют тщательные подготовительные действия для совершения незаконного производства наркотических средств и психотропных веществ в лабораториях. Такая деятельность выражается в вовлечении участников организованной преступной группы, поиске места для создания нарколаборатории, подборе и приобретении лабораторного оборудования и прекурсоров, а также прохождении процедуры «сертификации» на интернет-площадке «HYDRA».

Библиографический список

1. Адамян, Р.Э. Теоретические и организационно-правовые особенности оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, связанных с производством наркотиков в условиях лабораторий / Р.Э. Адамян // Российский следователь. – 2020. – N 11. – С. 49-52.
2. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : учебное пособие / Р.С. Белкин. – М.: ЮНИТИ ДАНА, 2001. – 867 с.
3. Грачева, Ю.В. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – М: Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2017. – 384 с.
4. Карпов, Я.С. О противодействии незаконному обороту прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. – 2013. – N 3. – С.19-22
5. Кузовлев, В.Ю. Незаконная нарколаборатория как уголовно-правовая категория / В.Ю. Кузовлев // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2020. – N 4(56). – С. 26-37.
6. Кузовлев, В.Ю. Способы переработки психоактивных веществ как этап их незаконного производства / В.Ю. Кузовлев // Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2021. – N 2(5). – С. 56-60.
7. Морозов, А.В. Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с незаконным наркопроизводством в современной России в условиях цифровой реальности / А.В. Морозов // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире. – М.: ИНФРА-М, 2021. – С. 312-327.
8. Раскрытие и расследование незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : монография / А.М. Кустов [и др.]. – М.: Академия управления МВД России, 2022. – 156 с.
9. Роганов, С.А. Особенности расследования незаконного изготовления, хранения и сбыта синтетических наркотических средств : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – СПб., 1997. – 238 с.
10. Хохлов, Е.Е. Функционирование и администрирование подпольных лабораторий по производству синтетических наркотических средств и психотропных веществ и их контроль в сети «Darknet» / Е.Е. Хохлов // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2021. – N 1(57). – С. 122-128.

Юлия Викторовна МУРИНА,

аспирант аспирантуры
Сибирского юридического университета
(г. Омск)

levinayv@mail.ru

РОЛЬ СЛОВСОЧЕТАНИЯ «ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ДОЛЖНОСТИ» В СОСТАВЕ ХАЛАТНОСТИ (Ч. 1 СТ. 293 УК РФ)

THE ROLE OF THE PHRASE «DUTIES ACCORDING TO THE POSITION» WITHIN NEGLIGENCE (ARTICLE 293, PART 1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

В статье анализируются два теоретических подхода к определению места словосочетания «обязанностей по должности» в составе халатности. Согласно первому из них данное словосочетание характеризует альтернативное деяние – неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом обязанностей по должности. Согласно второму оно характеризует признак – «вследствие недобросовестного или небрежного отношения...». Автор отмечает, что оба подхода непротиворечивы. Первый размывает границы халатности, включая в него умышленные деяния и деяния, не обусловленные должностными полномочиями субъекта, тем самым создает проблемы разграничения со смежными преступлениями, идет вразрез со сложившейся практикой. Второй не соответствует законодательной формулировке диспозиции. Основываясь на анализе судебной практики, преследуя цель ее стабилизации, исключения неоднозначного толкования нормы, автор предлагает заменить в ч. 1 ст. 293 УК РФ словосочетание «обязанностей по должности» на словосочетание «обязанностям по должности». В результате такого изменения признак «вследствие недобросовестного или небрежного отношения к обязанностям по должности» будет характеризовать отношение совершающего халатность должностного лица, не являющегося служащим.

The article analyzes two theoretical approaches to defining the place of the phrase «duties according to the position» within negligence. According to the first of them, this word combination characterizes an alternative act – non-fulfillment or improper fulfillment of duties according to the position. According to the second, it characterizes the element – «due to dishonest or negligent attitude ...». The author notes that both approaches are flawed. The first blurs the boundaries of negligence by including deliberate acts and acts that are not due to the official powers of the subject, thereby creating problems of distinctions from related crimes contrary to the current practice. The second does not correspond to the legal definition of the disposition. Based on the analysis of judicial practice, with the aim of its stabilization and exclusion of ambiguous interpretation of the norm, the author proposes to replace in Part 1 of Art. 293 of the Criminal Code of the Russian Federation the phrase «duties according to the position» to the phrase «toward duties according to the position». As a result of such a change, the element «due to dishonest or negligent attitude towards duties according to the position» will characterize the attitude of an official who commits negligence and who is not an employee.

Ключевые слова: халатность, признак состава преступления, обязанности по должности, неисполнение обязанностей, ненадлежащее исполнение обязанностей, небрежное отношение к обязанностям.

Keywords: negligence, element essential to the offence, duties according to the position, failure to fulfill duties, improper performance of duties, neglect of duties.

В последней (действующей) редакции ч. 1 ст. 293 УК РФ халатность определена как «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности...» (выделено нами. – Ю.М.).

В уголовно-правовой литературе нет единого понимания сути нововведения – словосочетания «обязанностей по должности».

Согласно одной точке зрения, основанной на грамматическом толковании, данная новелла расширяет деяние халатности, предусматривая новую его разновидность – неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом обязанностей по должности.

Н.А. Егорова полагает, что «тем самым криминализовано неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом не только сугубо должностных (т.е. властных, управленческих), но и вообще любых обязанностей по этой должности, включая профессиональные» [1, с. 34-35]. Ссылаясь на нормативные предписания¹, Н.А. Егорова отмечает, что «обязанности по должности» – синоним «должностных обязанностей», под которыми понимаются «основные трудовые функции», порученные «полностью или частично работнику, занимающему данную должность» [1, с. 35-36]. «В должностных инструкциях руководящих работников, – продолжает она, – находят отражение требования, предъявляемые к знаниям и умениям таких лиц по профессии, и следующие из этого набора знаний и умений обязанности, не связанные с осуществлением управленческих полномочий. Например, в должностной инструкции заведующего отделением травматологии амбулаторно-поликлинического учреждения регламентированы, помимо форм руководства деятельностью персонала отделения, также обязанности по постановке диагноза и лечению при различных повреждениях и заболеваниях, по проведению определенных манипуляций и операций, и все это – обязанности по должности» [1, с. 36-37].

В результате делается вывод о том, что «проблема разграничения должностных и профессиональных функций при квалификации по ст. 293 УК РФ утрачивает актуальность – допущенные должностными лицами нарушения профессиональных обязанностей по должности теперь могут квалифицироваться как халатность» [1, с. 38].

Е.М. Суранова также считает, что сфера возможного совершения халатности таким образом вышла за рамки только служебной компетенции лица и затронула его профессиональные, а также технические обязанности [4, с. 329]. Солидарен с ней В.А. Кочерга. «К обязанностям по должности, – пишет он, – относятся такие обязанности лица, которые определяют его трудовую функцию, однако не относятся сугубо к служебным, характерным для должностных лиц» [2, с. 99].

Вместе с тем Е.М. Суранова считает норму ст. 293 УК РФ в той части, в которой она устанавливает ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по должности, общей нормой по отношению к составам альтернативно-профессиональных и профессиональных преступлений [2, с. 99-100]. По мнению В.А. Кочерги, основное ее предназначение – восполнение имеющихся пробелов в уголовном законодательстве, т.е. она должна применяться лишь к тем случаям, когда факт причинения вреда не может быть квалифицирован по другим статьям уголовного закона, прямо предусматривающим ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей, предусмотренных занимаемой должностью и выполняемой профессиональной деятельностью [2, с. 100]. К сожалению, ученый не иллюстрирует свою мысль конкретными примерами. В такой трактовке совершенно непонятно, как соотносятся, например, ч. 2 ст. 118 УК РФ и ст. 293 УК РФ.

На наш взгляд, если вкладывать в неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом обязанностей по должности указанный выше смысл, тогда логичной будет квалификация, предложенная

¹ Пункт 5 Общих положений Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих : утв. постановлением Минтруда России от 21 августа 1998 г. N 37.

Н.А. Егоровой. Если субъект – должностное лицо не исполняет или ненадлежащим образом исполняет обязанности, обусловленные полномочиями должностного лица, или профессиональные обязанности, закрепленные его должностной инструкцией, то применяется ст. 293 УК РФ, вменение иных статей (например, ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ и т.п.) возможно только в том случае, если лицо не является должностным. Однако проблема в том, что определение статуса субъекта как должностного лица происходит применительно к той деятельности, которую он осуществляет (реализует функции представителя власти, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции). Например, врач в одних ситуациях является должностным лицом, в других – нет. Деятельность врачей регламентирована в том числе и должностными инструкциями. По логике приведенных выше рассуждений Н.А. Егоровой неисполнение или ненадлежащее исполнение указанными субъектами обязанностей, как должностных, так и профессиональных, надо всегда квалифицировать по ст. 293 УК РФ (если наступили указанные в ней последствия). Но тогда какие деяния будут квалифицированы по ст. 124, ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ?

Согласно второй точке зрения словосочетание «обязанностей по должности» относится к описанию не деяния халатности, а признака – «вследствие недобросовестного или небрежного отношения...». Ю.С. Рубцова формулирует этот признак так: недобросовестное (небрежное) отношение к службе либо к обязанностям по должности, и даже проводит разграничение отношения к службе и к обязанностям по должности [3, с. 82]. Очевидно, что такая формулировка идет вразрез с буквальным прочтением диспозиции исследуемой нормы: окончание слова «обязанностей» свидетельствует о том, что законодатель имел в виду не небрежное отношение к обязанностям по должности, а неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязанностей.

П.С. Яни говорит о неудачной юридической технике и считает, что указанный при-

знак следует трактовать так: неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к обязанностям (а не обязанностей, как указано в действующей редакции статьи) по должности [5, с. 40-42]. При этом объясняется данное нововведение «включением в перечень субъектов должностных преступлений лиц, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в «государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям»» [5, с. 40-44]. Такое мнение имеет право на существование, поскольку указанные должностные лица не находятся на службе и, следовательно, не могут к ней недобросовестно относиться. Кроме того, П.С. Яни аргументирует предлагаемую трактовку тем, что именно она позволяет отличить халатность от умышленных должностных преступлений [5, с. 43-44].

Действительно, как верно заметила Н.А. Егорова, буквальное толкование уголовного закона приводит к выводу о криминализации в ч. 1 и ч. 1.1 ст. 293 УК РФ неисполнения или ненадлежащего исполнения должностным лицом профессиональных обязанностей по должности при любой форме вины [1, с. 34-38]. Н.А. Егорова объясняет данный вывод так: «В диспозиции ч. 1 ст. 293 УК РФ неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе (по мнению многих специалистов, именно упоминание о недобросовестности и небрежности свидетельствует о трактовке традиционной халатности как неосторожного преступления) четко отделено от неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по должности. Последнее является самостоятельной разновидностью рассматриваемого преступления и возможно при отсутствии недобросовестного

или небрежного отношения к службе, т.е. может быть умышленным» [1, с. 34-38].

Таким образом, оба мнения по поводу содержания и места в составе халатности признака «обязанностей по должности» не-безупречны. Первое размывает границы халатности, включая в него умышленные деяния и деяния, не обусловленные должностными полномочиями субъекта, тем самым создает проблемы разграничения со смежными преступлениями, идет вразрез со сложившейся практикой. Второе не соответствует законодательной формулировке диспозиции.

А как воспринимает данный признак судебная практика?

В одних судебных решениях ставится знак равенства между должностными обязанностями (хотя такой формулировки в ст. 293 УК РФ вообще нет) и обязанностями по должности. Это видно из изложения обвинения: «Глава сельского муниципального образования проявила небрежное отношение к своей службе, выразившееся в неисполнении своих должностных обязанностей, предусмотренных... Действия квалифицированы как халатность, то есть ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей по должности, повлекшее по неосторожности смерть человека»¹. В других «неисполнение обязанностей по должности» рассматривается в качестве синонима «неисполнения должностным лицом своих обязанностей». Есть пример, когда суд в описательной части постановления использует первое выражение, а в резолютивной – второе².

В большинстве судебных решений исследуемый признак рассматривается в контексте

признака «вследствие недобросовестного или небрежного отношения». В некоторых своих решениях суд даже исправляет законодателя, ставя соответствующее окончание в слове «обязанность»: «проявляя недобросовестное и небрежное отношение к своим обязанностям по должности...»³, «в результате неисполнения своих должностных обязанностей вследствие небрежного отношения к обязанностям по должности»⁴, причем употребляет этот признак, описывая халатность должностных лиц, не являющихся служащими (в первом примере субъектом было должностное лицо муниципального бюджетного учреждения здравоохранения, во втором – должностное лицо акционерного общества, контрольный пакет акций которого принадлежит Российской Федерации). В одном из решений суд отмечает недопустимость одновременного вменения указанного отношения к службе и отношения к должности⁵.

Однако зачастую суды просто копируют законодательную формулировку «вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности»⁶, иногда ставят после слова «службе» союз «и»⁷.

Итак, анализ судебной практики показал: – правоприменитель не рассматривает неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по должности как альтернативное, имеющее особое содержание деяние. Мы не нашли ни одного судебного решения, подтверждающего использование формулировки «неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по должности» для обозначения профессиональных обязанностей;

1 Постановление Целинного районного суда (Республика Калмыкия) от 23.07.2020 по делу N 1-56/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Bi1qe9I42HNV/> (дата обращения: 17.12.2021).

2 Постановление Ленинского районного суда г. Ульяновска (Ульяновская область) от 27.07.2020 по делу N 1-174/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/fyrmsrpppdZd/> (дата обращения: 17.12.2021).

3 Постановление Шербиновского районного суда (Краснодарский край) от 20.07.2020 по делу N 1-74/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Nijy5o8367NJ/> (дата обращения: 17.12.2021).

4 Приговор Кировского районного суда г. Самары (Самарская область) 1-80/2018 от 02.02.2018 по делу N 1-695/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/lhNgYfPoKcmd/> (дата обращения: 17.12.2021).

5 Приговор Наро-Фоминского гарнизонного военного суда (Московская область) от 05.09.2019 по делу N 1-97/2019. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/mUnKZRgeNxYL/> (дата обращения: 17.12.2021).

6 Постановление Чекмагушевского районного суда (Республика Башкортостан) от 17.07.2020 по делу N 1-107/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/lw95MjdVXAVd/> (дата обращения: 17.12.2021).

7 Постановление Нальчикского городского суда (Кабардино-Балкарская Республика) от 21.07.2020 по делу N 1-699/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/wVcsj9VBVBY/> (дата обращения: 17.12.2021).

– в большинстве случаев словосочетание «обязанностей по должности» включено в содержание признака «вследствие недобросовестного или небрежного отношения..». При этом не всегда суд разделяет недобросовестное и небрежное отношение к службе и к обязанностям по должности, связывая последнее с должностными лицами, которые не находятся в служебных отношениях, то есть не являются служащими. Более того, даже в решениях по делу о халатности должностных лиц, осуществляющих соответствующие функции в государственных корпорациях, компаниях и других подобных организациях (для описания субъективного отношения которых, по мнению П.С. Яни, и появилась обсуждаемая новелла), суды нередко пишут об отношении к службе, а не к обязанностям

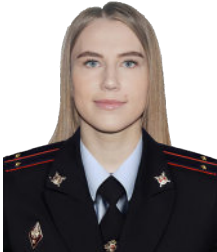
по должности. Так, осужден директор акционерного общества с контрольным пакетом акций государства «за халатность, то есть ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного и небрежного отношения к службе, что повлекло...»¹.

Для стабилизации судебной практики, исключения неоднозначного толкования нормы считаем возможным предложить замену в ч. 1 ст. 293 УК РФ словосочетания «обязанностей по должности» на словосочетание «обязанностям по должности». Признак «вследствие недобросовестного или небрежного отношения к обязанностям по должности» будет характеризовать отношение совершающего халатность должностного лица, не находящегося в служебных отношениях.

¹ Постановление Сафоново районного суда (Смоленская область) от 10.07.2020 по делу N 1-166/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/d1OfdGVfV95q/> (дата обращения: 17.12.2021).

Библиографический список

1. Егорова, Н.А. Новеллы Уголовного кодекса о должностных преступлениях / Н.А. Егорова // Законность. – 2016. – N 2. – С. 34-38.
2. Кочерга, В.А. Халатность: содержательные, компаративистские, правоприменительные аспекты : дис. ... канд. юрид наук / В.А. Кочерга. – Краснодар, 2017. – 204 с.
3. Рубцова, Ю.С. Должностная халатность при производстве предварительного расследования в форме дознания (уголовно-правовые и криминологические вопросы) : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.С. Рубцова. – СПб., 2017. – 263 с.
4. Суранова, Е.М. Новая редакция – новые вопросы: уголовная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по должности / Е.М. Суранова // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции (Иркутск, 11 марта 2016 г.). – Иркутск, 2016. – С. 329-332.
5. Яни, П.С. Расширение состава халатности / П.С. Яни // Законность. – 2019. – N 10. – С. 40-44.

Елизавета Владимировна ШИМАНОВИЧ,

адъюнкт адъюнктуры
Омской академии МВД России

liza_shimanovi4@mail.ru

**ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
СИСТЕМЫ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В УК РФ
С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА**

**OPPORTUNITIES FOR IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF MITIGATING
CIRCUMSTANCES IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
TAKING INTO ACCOUNT FOREIGN EXPERIENCE**

Автором исследуются смягчающие обстоятельства, закрепленные уголовным законодательством зарубежных стран. Проведен сравнительный анализ между нормой, предусматривающей перечень обстоятельств, смягчающих наказание, закрепленной в УК РФ, и аналогичными нормами уголовных законов зарубежных стран. Отмечены положительные моменты законодательной регламентации обстоятельств, смягчающих наказание в зарубежных странах, которые могут быть в дальнейшем учтены при изменении отечественного уголовного закона и могут повлиять на повышение эффективности действия исследуемой нормы.

The author examines the mitigating circumstances outlined in the criminal legislation of foreign countries. A comparative analysis was carried out between the norm providing for a list of circumstances mitigating punishment, enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation, and similar norms of the criminal laws of foreign countries. The positive aspects of the legislative regulation of circumstances mitigating punishment in foreign countries are highlighted, which can be further taken into account when changing the domestic criminal law and can influence the increase in the effectiveness of the studied norm.

Ключевые слова: смягчающие обстоятельства, зарубежные страны, назначение наказания, характеристика личности, уголовный закон.

Keywords: *mitigating circumstances, foreign countries, sentencing, personality characteristics, criminal law.*

Современному уровню развития общественных отношений свойственны углубленное взаимовлияние и взаимозависимость между различными сферами жизнедеятельности общества. Определенная степень влияния может быть обнаружена при

изменении отечественной правовой системы и трансформации уголовного законодательства в зарубежных странах. Данный тезис справедлив и относительно изучаемой нами правовой нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 61 УК РФ, что требует проведения определен-

ного сравнительно-правового исследования в обозначенном направлении.

Отличительной чертой стран, относящихся к англо-саксонской правовой семье, является то, что применяемые в них правовые предписания в ряде случаев действуют на основании не принятого единого нормативного правового акта (уголовного закона), а множества весьма разрозненных правовых источников и соответствующих судебных прецедентов [5, с. 3-6; 11]. Однако в силу небольшого влияния законодательства данных стран на развитие и становление отечественной правовой системы позволим себе избежать более их углубленного анализа. Отметим лишь одну интересную деталь, касающуюся данной темы, приводимую в юридической литературе по сравнительному правоведению. Так, В.Н. Додонов отмечает следующую особенность смягчения наказания в некоторых странах рассматриваемой правовой системы: «В Великобритании и ряде других стран общего права (Кирибати, Мальта, Нигерия, Сингапур, США, Соломоновы острова) в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, может восприниматься состояние «добровольного опьянения». Это относится к случаям, когда в качестве существенного элемента преступления выступает специальное намерение и опьянение лица доказывает, что у него такое намерение отсутствовало. Например, суд может признать, что лицо, находящееся в состоянии опьянения, не было способно сформировать в момент совершения им убийства намерение убить или нанести тяжкое телесное повреждение, и в связи с этим изменить квалификацию его деяния с тяжкого убийства на простое убийство, не требующего специального намерения» [2, с. 358]. Стоит отметить, что данное условие в настоящее время никаким образом не находит отражения в УК РФ, поскольку состояние опьянения может быть признано в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ). Считаем, что состояние опьянения не может являться смягчающим обстоятельством, независимо от способа, причин и иных условий приведения лица в данное состояние.

Уголовные законы стран романо-германской правовой семьи отличаются тем, что в них не закреплены перечни смягчающих обстоятельств, но содержатся условия смягчения наказания. Например, в УК Республики Польша законодательно предложены определенные критерии, которые должны учитываться судом при дифференциации уголовной ответственности. Речь идет о степени вины лица, степени общественной вредности деяния, а также реализации цели предупреждения и воспитания такого лица (§ 1 ст. 53 УК Польши)¹.

В § 2 этой правовой нормы в более детализированном виде излагаются возможные условия, которые могут учитываться судом:

- мотивация и способ поведения виновного;
- совершение преступления совместно с несовершеннолетним;
- характер и степень нарушения обязанностей, возложенных на виновного;
- характер и тяжесть отрицательных последствий преступления;
- личные особенности и условия жизни виновного;
- образ жизни виновного до совершения преступления, а также поведение после его совершения, особенно усилия по устранению вреда или по восстановлению общественной справедливости в иной форме;
- поведение потерпевшего.

Представляется, что различная характеристика того или иного из приведенных положений (как в положительную, так и в отрицательную сторону) в целом приводит к вычленению из него как списка обстоятельств, смягчающих наказание, так и, напротив, его отягчающего, что и принято отечественным законодателем. При этом законодатель Республики Польша прямо выделил и обратил внимание лишь на одно обстоятельство (§ 3 ст. 53 УК) – положительные результаты проведенного посредничества между потерпевшим и виновным либо соглашение между ними, достигнутое в судебном производстве или прокурором [5, с. 53; 6, с. 121].

Вероятно, даже активное развитие в зарубежных странах концепции восстановительно-

1 Уголовный кодекс Республики Польша. URL: <http://okpravo.ru/news> (дата обращения: 25.05.2022).

го правосудия, учитывающее состоявшуюся медиацию, не может быть обоснованием того, что именно такой признак в ряду всех остальных непосредственно выделяется законодателем.

Кроме того, в § 1 ст. 54 УК Польши прямо указывается на то, что при назначении наказания несовершеннолетнему или лицу молодежного возраста суд должен учитывать цели его воспитания. При этом границы этого «молодежного возраста» законом не установлены и остаются на усмотрение суда. В УК РФ в качестве смягчающего обстоятельства указан лишь несовершеннолетний возраст. Считаем, что для отечественного законодательства было бы нецелесообразным в более широком смысле учитывать возрастные особенности лица, совершившего преступление, при назначении ему наказания.

В УК Федеративной Республики Германия находит отражение указание на учет обстоятельств, принимаемых во внимание при назначении наказания. Так, в ч. 2 §. 46 УК ФРГ установлено, что суд должен взвешивать все обстоятельства, которые свидетельствуют как в пользу виновного, так и, напротив, негативно характеризуют как его, так и само совершенное им деяние. При этом на законодательном уровне также приводятся наиболее общие условия, которые должны приниматься им во внимание:

- движущие мотив и цели лица, совершившего преступление;
- образ мыслей, степень нарушения обязанностей;
- способ совершения и виновные последствия деяния;
- предшествующая жизнь правонарушителя;
- его личные и материальные условия, а также его поведение после совершения деяния;
- меры, особенно его усилия возместить причиненный вред и достигнуть соглашения с потерпевшим¹.

«Многочисленные предписания уголовного законодательства устанавливают, что при

определенных обстоятельствах (смягчающих), наказание может или должно быть смягчено, ссылаясь при этом на ч. 1 или ч. 2 § 49. Параграф 49 называется «Особенные законные смягчающие основания» и применяется широко. Но самих смягчающих обстоятельств здесь нет. Они могут содержаться в Особенной части, выявляясь при анализе состава деяния, либо в иных нормах Общей части, но не так, как в УК РФ. Эта конструкция в немецком уголовном праве построена своеобразно. Собственно, § 49 содержит в себе каталог вариантов смягчения наказания, если такое смягчение предусмотрено или разрешено по норме, лежащей в основе правовой оценки деяния. Таким образом, сами основания, по которым это предусмотрено или разрешено, содержатся в иных нормах» [3, с. 318].

Не прибегая к формированию уточняющего списка тех обстоятельств, которые направлены на смягчение наказания лицу, совершившему преступление, законодатель также не осуществляет более точную дифференциацию обстоятельств, его отягчающих. Нет и указания на проведение медиационной процедуры, как это сделано в уголовном законе Республики Польша.

В УК Испании еще в более общем виде сформулированы те критерии, которые должны быть положены судом в основу назначения лицу наказания и определения возможных обстоятельств его смягчения или отягчения. На это, в частности, указывается в ст. 65 данного уголовного закона путем закрепления того, что отягчающие и смягчающие обстоятельства, которые вытекают из душевного состояния виновного, его личных отношений с потерпевшим и иных личных причин, могут выступать основанием как для усиления, так и для ослабления ответственности². Отличительной чертой анализируемого уголовного закона выступает также и то, что в нем установлены конкретные правила учета таких обстоятельств на назначение виновным лицам наказания, что ярко контрастирует с УК РФ, в нормах которого таковых положе-

1 Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 25.05.2022).

2 Уголовный кодекс Испании. URL: https://www.legislationline.org/download/id/6443/file/Spain_CC_am2013_en.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

ний не содержится, и решение обозначенного вопроса передается целиком и полностью на усмотрение суда.

На фоне представленного выше подхода, сформированного в рассмотренных странах по отношению к смягчению наказания, серьезно отличается уголовный закон Австрии. В § 1 ст. 34 УК Австрии указан конкретный исчерпывающий перечень обстоятельств, смягчающих наказание виновного (чрезвычайных обстоятельств для такого смягчения)¹. Данный перечень почти в два раза больше, чем перечень, предусмотренный УК РФ, и содержит 19 особых причин для смягчения лицу, совершившему преступление, ответственности за содеянное.

При анализе содержания тех обстоятельств, которые суд должен учитывать при назначении наказания по УК Австрии, относительно положений отечественного уголовного закона необходимо отметить, что их большее число обосновывается следующими обстоятельствами:

– в одном пункте ч. 1 ст. 61 УК РФ содержатся сразу несколько таких обстоятельств, которые выделены в уголовном законе Австрии в отдельные пункты. Например, п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ включает в себя совокупность обстоятельств, смягчающих наказание, выделенных в УК Австрии в отдельные, такие как п. 2 (вело до этого законопослушный образ жизни и деяние противоречит его обычному поведению), п. 9 (совершает деяние скорее в связи с предоставленной заманчивой возможностью, а не с заранее намеченным намерением) и п. 10 (было вынуждено совершить деяние в связи с возникшим бедственным положением, не связанным с уклонением данного лица от работы) ст. 34 УК Австрии);

– учет ряда обстоятельств, закрепленных в перечне УК Австрии, отмечается в отечественном законе в иных нормах. Так, п. 13 ст. 34 УК Австрии устанавливает такое обстоятельство, как совершение оконченного деяния, которое не повлекло наступления последствий, или совершение покушения на

преступление, тогда как в УК РФ особенности назначения наказания за неоконченные преступления предусмотрены в ст. 66 УК РФ.

Таким образом, кажущаяся более детализированная модель закрепления обстоятельств, смягчающих наказание, в УК Австрии имеет значительные сходства с аналогичными положениями отечественного уголовного закона. Вместе с тем одно из смягчающих обстоятельств, указанных в п. 17 ст. 34 УК Австрии, не находит аналогичных положений в УК РФ, а именно «чистосердечно признает себя виновным или посредством своих показаний существенно способствует установлению истины». Считаем, что именно это положение может быть учтено отечественным законодателем.

Среди государств, которые являются представителями дальневосточной правовой семьи, рассмотрим в качестве примера уголовное законодательство Японии. Уголовный закон рассматриваемой страны, как и в большинстве стран романо-германской правовой семьи, не содержит установленного конкретной статьей перечня смягчающих обстоятельств. При этом смягчение наказания может быть как обязательным, так и по усмотрению [10, с. 497]. В статье 66 обозначенного уголовного закона отражены в наиболее общем виде те факторы, которые могут быть расценены как смягчающие или отягчающие обстоятельства, применяемые при назначении к лицу уголовного наказания. А именно указывается на то, что если в обстоятельствах преступления имеются требующие учета смягчающие элементы, которые выступают в пользу лица, совершившего преступление, то наказание такому лицу может быть смягчено². Несмотря на такое нечеткое изложение тех причин, которые могут быть положены в основание отнесения тех или иных факторов к обстоятельствам, смягчающим наказание виновного, уголовный закон Японии уделяет особое внимание определенным способам смягчения наказания при наличии одного или более предусмотренных законом оснований

1 Уголовный кодекс Австрии. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8548/file/Austria_CC_1974_am122019_de.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

2 Уголовный кодекс Японии. URL: <https://constitutions.ru/?p=407> (дата обращения: 25.05.2021).

(ст. 68 УК Японии). Статья 14 УК Японии устанавливает пределы усиления и смягчения наказания в виде срочного лишения свободы с принудительным трудом или без него. В случае смягчения наказания срок может быть менее одного месяца.

Среди стран, относящихся к представителям социалистической правовой семьи, рассмотрим УК Китайской Народной Республики. В частности, в ст. 62 УК КНР указано, что при наличии обстоятельств дела, которые отягчают или смягчают ответственность, необходимо их учитывать при вынесении приговора в рамках назначения лицу наказания. Статьей 61 УК КНР предусмотрено общее положение, в котором указывается, что при определении наказания лицам, совершающим преступления, следует исходить из характера совершенного деяния, обстоятельств дела, степени причиненного обществу вреда¹. Какого-либо перечня обстоятельств, смягчающих ответственность виновного, в уголовном законе КНР не содержится, однако в отдельных нормах анализируемого нормативно-правового акта указывается на возможность смягчения виновному лицу наказания. Так, в ст. 68 УК КНР закреплено, что если виновное лицо поможет в раскрытии нового преступления или сообщит иную информацию, имеющую большое значение для расследования иных преступлений, то это может расцениваться как проявление заслуги, что должно влечь за собой снисхождение к виновному при назначении ему наказания.

Проанализировав уголовное законодательство стран дальнего зарубежья в части, касающейся смягчения наказания, считаем, что в целом их опыт неприемлем для российского законодательства, так как, на наш взгляд, перечень смягчающих обстоятельств должен быть наполнен конкретными, а не примерными и альтернативными условиями смягчения лицу наказания. В качестве исключения можно выделить только закрытый перечень смягчающих обстоятельств по уголовному закону Австрии.

Изучая законодательство группы государств – членов СНГ, следует отметить, что сложившаяся к моменту распада СССР единая правовая база обозначенной группы государств в дальнейшем перестала быть таковой в связи с выбором ими различных векторов политического и социально-экономического развития.

Отметим, что на формирование схожих подходов в уголовном законодательстве стран, входящих в СНГ, в значительной степени повлияло принятие Модельного УК для государств – участников СНГ. Данную взаимосвязь отмечают исследователи в области уголовного права [8, с. 64; 11, с. 99-100]. В частности, в ч. 3 ст. 62 обозначенного уголовного закона была закреплена модель, предусматривающая открытый перечень обстоятельств, смягчающих наказание, который может быть признан таковым исходя из позиции правоприменителя. В ч. 1 ст. 62 установлен перечень таких обстоятельств, которые всегда должны рассматриваться с точки зрения обозначенных последствий для лица, совершившего преступление. Представленный перечень имеет единственное несущественное отличие от известного отечественному уголовному законодательству. Так, согласно п. «з» ч. 1 ст. 62 рассматриваемого УК, смягчающим обстоятельством является «совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения, либо материальной, служебной или иной зависимости»², в то время как в п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ подобное обстоятельство излагается как «совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости». Незначительность отличия данного перечня прямо указывает на его непосредственное влияние на формирование ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Обозначенная «схожесть» сохраняется и применительно к уголовному законодательству стран ближнего зарубежья [1, с. 60-65]. В частности, речь идет о ст. 53 УК Респу-

1 Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus//rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 25.05.2022).

2 Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 25.05.2022).

блики Казахстан, где закреплен перечень обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность и наказание¹. В ч. 1 обозначенной статьи законодателем прямо установлены обстоятельства, которые всегда должны учитываться правоприменителем при смягчении лицу наказания. Приводимые обстоятельства имеют значительные сходства с закрепленными в ч. 1 ст. 61 УК РФ, хотя и расположены в другой последовательности, а также изложены в несколько ином виде. Однако следует обратить внимание на следующие обстоятельства, которые имеют некоторые отличия от аналогичных положений, закрепленных в УК РФ.

1. Обстоятельство «оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему», обозначенное в УК РФ, в УК Республики Казахстан дифференцировано на два обстоятельства, интерпретируемых как «оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения уголовного правонарушения независимо от последствий оказания такой помощи» и «добровольное возмещение имущественного ущерба, причиненного в результате уголовного правонарушения, заглаживание морального и иного вреда, причиненного уголовным правонарушением».

2. В УК РФ имеется обстоятельство «совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания», а в УК Республики Казахстан схожее обстоятельство имеет больше альтернативных условий смягчения лицу наказания, и сформулировано следующим образом: «совершение уголовного правонарушения вследствие стечения тяжелых личных, семейных или иных обстоятельств либо по мотиву сострадания».

3. К обозначенному в УК РФ обстоятельству «совершение преступления при нарушении

условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения» в УК Республики Казахстан добавились такие дополнительные условия смягчения, как «при осуществлении оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий».

4. Обстоятельство «явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления» УК РФ в УК Республики Казахстан дополнено еще одним условием: «чистосердечное раскаяние».

5. В соответствии с уголовным законом Республики Казахстан обозначенные обстоятельства являются смягчающими не только наказание, но и уголовную ответственность [7, с. 117].

Следующим анализируемым в рамках настоящей статьи нормативно-правовым актом является УК Республики Беларусь². Примечательно, что в уголовном законе данного государства интересующие нас обстоятельства рассматриваются с точки зрения смягчения уголовной ответственности, что является отличием от известного отечественному законодателю варианта. Однако располагается ст. 63 «Обстоятельства, смягчающие ответственность» в главе 10 УК «Назначение наказания», что не позволяет рассматривать обозначенную разницу как существенную.

В ч. 1 ст. 63 данного уголовного закона отмечается перечень обстоятельств, смягчающих ответственность, среди которых имеются и не указанные в отечественном законе. В частности, речь идет о п. 2 ч. 1 ст. 63 УК Республики Беларусь, которым в качестве такового признается «чистосердечное раскаяние».

Также в анализируемом кодексе закреплено не известное УК РФ обстоятельство

1 Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=1020;-40#pos=1020;-40 (дата обращения: 25.05.2022).

2 Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=661;-52#pos=661;-52 (дата обращения: 25.05.2022).

– «совершение преступления престарелым лицом», при этом отсутствует смягчающее обстоятельство, предусмотренное п. б ч. 1 ст. 61 УК РФ «несовершеннолетие виновного».

Представляется, что определенные сомнения вызывает оправданность обязательного учета престарелого возраста лиц, совершивших преступления, тогда как такое значение не придается несовершеннолетним. Вероятно, подход в дифференциации уголовной ответственности на основании возрастных характеристик личности должен быть не типовым, а строго индивидуальным, поскольку в противном случае усматривается определенная дискриминация в отношении той или иной возрастной группы.

Также обратим внимание на содержание п. 5 ч. 1 ст. 63 УК РБ, поскольку в нем отмечается, что наличие на иждивении у виновного малолетнего ребенка признается обстоятельством, смягчающим ответственность. Отечественный законодатель считает таким смягчающим обстоятельством «наличие малолетних детей у виновного». Видится, что уточнение, которое имеется в уголовном законе Республики Беларусь, позволяет более взвешенно и эффективно осуществлять дифференциацию уголовной ответственности, поскольку действующая в настоящее время в отечественном уголовном законе редакция вышеприведенного обстоятельства позволяет оказывать неоправданное снисхождение тем лицам, которые хотя и имеют детей юридически, но фактически не несут никаких обременений относительно их содержания и воспитания.

УК Республики Таджикистан содержит ст. 61, которая называется «Обстоятельства, смягчающие наказание»¹. Относительно списка, находящегося в ч. 1 ст. 61 УК Республики Таджикистан, заметим, что в нем иначе изложено такое условие, как совершение преступления впервые, поскольку не указывается на то, что содеянное должно быть осуществлено вследствие случайного стечения

обстоятельств. Кроме того, в связи с тем, что признание лица впервые совершившим преступление зависит не от фактической множественности нарушения им уголовно-правовых запретов, а от сохранения юридических последствий таких событий, видится не в полной мере оправданным предоставление такого чрезмерно широкого распространенного обстоятельства в качестве смягчающего наказание. Также стоит отметить, что в данном кодексе одним из условий смягчения является чистосердечное раскаяние, как и в двух рассмотренных выше кодексах, на что предлагаем обратить внимание при внесении изменений в перечень смягчающих обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Более значительные различия обнаружены при рассмотрении уголовного законодательства стран Балтии. В частности, речь идет об уголовном законе Республики Литва. В ч. 1 ст. 59 УК Республики Литва представлены следующие обстоятельства, которые отсутствуют в ч. 1 ст. 61 УК РФ:

- деяние совершено в состоянии сильного душевного волнения вследствие незаконных действий потерпевшего;
- деяние совершено лицом в состоянии ограниченной вменяемости;
- деяние совершено лицом в состоянии опьянения или дурмана против его воли;
- неудавшийся добровольный отказ совершить преступное деяние².

Интересно, что первое из обозначенных обстоятельств прямо указывает на наступившее у виновного лица состояние аффекта, тогда как в п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ формулировка подобного условия является более емкой, поскольку в последнем случае важным является лишь то, что виновный начал совершение преступления в связи с противоправным или аморальным поведением потерпевшего, а это не исключает возникновения у виновного состояния сильного душевного волнения. Относительно второго обстоятельства стоит отметить, что в ч. 2 ст. 22 УК РФ

1 Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 25.05.2022).

2 Уголовный кодекс Республики Литва. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 25.05.2022).

указывается на то, что ограниченная вменяемость может учитываться судом. Также обстоит дело и с ч. 5 ст. 31 УК РФ (применительно к четвертому из указанных выше обстоятельств), в которой указано, что если действия организатора или подстрекателя не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то такие меры могут быть признаны судом как смягчающее обстоятельство при назначении им наказания. Если добавить оба рассмотренных смягчающих обстоятельства в перечень ч. 1 ст. 61 УК РФ, то суд будет обязан их учитывать при назначении наказания. Но в таком случае необходимо исключить ч. 2 ст. 22 и ч. 5 ст. 31 из УК РФ. В то же время, изучив 500 приговоров, вынесенных российскими судами первой инстанции в период с 2016 г. по 2021 г., мы ни в одном из них не нашли ссылки на подобные смягчающие обстоятельства. Что касается совершения лицом преступления в состоянии опьянения или дурмана против его воли, как уже отмечалось, считаем, что не стоит учитывать данный факт в качестве смягчающего обстоятельства. Можно лишь допустить не учитывать его в качестве отягчающего обстоятельства, предусмотренного ч. 1.1 ст. 63 УК РФ.

Таким образом, в завершение следует отметить, что в настоящее время в уголовном законодательстве различных стран мира уделяется внимание развитию института смягчения наказания (ответственности), что находит отражение в установлении тех обстоятельств, которые могут указывать на возможность уменьшения строгости мер уголовно-правового воздействия. Наиболее схожими с отечественной уголовной системой выступают законодательства государств – участников СНГ, что может объясняться наличием у них единой правовой базы, которая действовала до прекращения существования СССР. Вместе с тем в ряде стран романо-германской правовой семьи, социалистической и дальневосточной правовых семей на законодательном уровне в основном не предусмотрены установленные законом конкретные перечни тех обстоятельств, которые могут пониматься как смягчающие ответственность виновных.

Устанавливаются лишь наиболее общие ориентиры, связанные с характеристикой совершенного деяния, личностью правонарушителя, конкретными обстоятельствами уголовного дела. На наш взгляд, правильным будет наличие конкретного открытого перечня смягчающих обстоятельств, как это предусмотрено УК РФ (ч. 1 ст. 61), что дает суду возможность применять иные смягчающие обстоятельства, не предусмотренные уголовным законодательством, при условии указания мотивов их учета в качестве таковых на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ.

Проведенный анализ зарубежного законодательства позволяет сформулировать возможные варианты изменения отечественного уголовного закона в части регламентации положений об обстоятельствах, смягчающих наказание. В частности, было бы целесообразно учесть правовой опыт государств ближнего зарубежья относительно совершенствования данного правового института:

- добавить в перечень смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, такое обстоятельство, как «чистосердечное раскаяние» (Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Таджикистан). Данное обстоятельство ранее закреплялось в ст. 38 УК РСФСР 1960 г., но не было востребовано при составлении и принятии УК РФ. При этом данное обстоятельство судами признавалось смягчающим на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ в 361 из 500 изученных нами приговоров (72,2%);

- заменить редакцию смягчающего наказания обстоятельства, содержащегося в п. «г» ч. 1 ст. 61 с «наличие малолетних детей у виновного» на «наличие на иждивении у виновного малолетних детей», что позволит более точно оценивать личность правонарушителя, поскольку в ряде случаев формальное наличие у лица детей не свидетельствует об оказании им необходимой помощи в воспитании и развитии (Республика Беларусь). Примечательно, что на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ на данное смягчающее обстоятельство достаточно часто ссылаются судьи (118 из 500 изученных приговоров (23,6 %)).

Библиографический список

1. Астахова, А.О. Правовое регулирование постпенитенциарного контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, по законодательству государств – участников Содружества Независимых Государств / А.О. Астахова, М.А. Галимова // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2015. – N 4 (21). – С. 60-68.
2. Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть : монография / В.Н. Додонов ; под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 448 с.
3. Жалинский, А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. – М.: Проспект, 2006. С. 318.
4. Лобанова, Л. Добровольная сдача предметов, находящихся в незаконном владении лица, совершившего преступление, как смягчающее наказание обстоятельство / Л. Лобанова, О. Суркова // Уголовное право. – 2014. – N 2. – С. 46 – 52.
5. Малиновский, А.А. Судебная практика как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) / А.А. Малиновский // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – N 3. – С. 3-6.
6. Мингалимова, М.Ф. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Ф. Мингалимова. – М., 2019. – 254 с.
7. Мингалимова, М.Ф. Роль смягчающих обстоятельств при назначении наказания / М.Ф. Мингалимова // Законность. – 2013. – N 9. – С. 51-55.
8. Савельев, И.В. Смягчение наказания по уголовному праву зарубежных государств / И.В. Савельев // Человек: преступление и наказание. – 2011. – N 4. – С. 61-64.
9. Сизова, В.Н. Эволюция особенной части германского уголовного законодательства / В.Н. Сизова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2022. – N 3. – С. 14-17.
10. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учебное пособие / под ред. И.Д. Козочкина. — М.: Омега-л, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2003. – 576 с.
11. Хайруллина, Р.Г. Смягчающие обстоятельства, учитываемые судом при назначении наказания, по уголовному законодательству России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.Г. Хайруллина. – М., 2006. – 192 с.

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ!

Приглашаем ученых, сотрудников правоохранительных органов, соискателей и аспирантов юридических вузов и факультетов опубликовать свои научные статьи в нашем журнале.

Научное направление журнала – «Юридические науки»: вопросы теории права и его отдельных отраслей, правоохранительных органов и правоохранительной деятельности, проблемы раскрытия и расследования преступлений, профилактики преступности, в том числе противодействия наркоугрозе.

К публикации принимаются статьи, посвященные актуальным проблемам по заявленной тематике, направленные на развитие научных знаний в области юриспруденции; распространение российского и зарубежного опыта борьбы с преступностью (теоретический и практический аспекты); апробацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований.

По решению редакционной коллегии в журнале могут быть опубликованы научные и информационные материалы, не предусмотренные тематикой журнала.

Редакция организует рецензирование каждой представленной рукописи.

Материалы публикуются на безгонорарной основе.

Рукописи и диски как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс Роспечати 70589.

Электронная версия журнала размещается в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте института (<http://сибюи.мвд.рф>), в Научной электронной библиотеке (<http://elibrary.ru>), а также на социальной международной платформе Readera (<https://readera.ru>).

Требования к статьям

1. К опубликованию в журнале принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи при условии их соответствия следующим требованиям:

– текст научной статьи содержит проблему, имеющую научное либо научно-практическое значение, а также ее научно обоснованное решение;

– в работе имеется не менее семи сносок на научные источники, не менее четырех из которых – сноски на научные статьи в журналах, включенных в базу данных РИНЦ;

– научные статьи по антинаркотической тематике подготовлены с учетом позиции и статистических данных субъектов государственной антинаркотической деятельности.

2. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

3. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

4. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

5. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

6. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

7. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

8. Элементы издательского оформления материалов включают:

– сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

– заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

– индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);

– аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

– пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100 – 2018 (в алфавитном порядке), количество наименований литературы не должно превышать 25.

9. Технические требования:

– текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, docx*);

– параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0x29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;

– шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

– абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел!»), межстрочный интервал полуторный;

– объем статьи 8-16 страниц;

– сноски на литературу оформляются отсылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках);

– графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpeg, *.jpg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

– файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

10. Не допускаются:

– сноски на работы, опубликованные в Вестнике Сибирского юридического института МВД России;

– многочисленные (более одной) сноски на собственные публикации автора;

– опубликование работ одного автора в двух номерах журнала подряд.

К опубликованию не принимаются работы, подготовленные единолично курсантами, студентами, слушателями.

Вопрос об опубликовании научной статьи, подготовленной курсантом (студентом, слушателем) в соавторстве, а также работы, не соответствующей одному или нескольким вышеуказанным требованиям, может быть решен редакционной коллегией журнала в индивидуальном порядке.

Ждем Ваши материалы по адресу:
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – Д.В. Ким, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Н.Н. Цуканов, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

Галимова Марина Александровна, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Жильцов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Земцова Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Иванов Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Дудина Надежда Афанасьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Калугин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по учебной работе) (г. Красноярск);

Космодемьянская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Куприянич Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой иностранного и русского языков Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Editor-in-Chief, also being in charge for the issue – Nicolai N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Deputy Head of Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Marina A. Galimova, Candidate of Law Sciences, Head of the Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey V. Zhiltsov, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law, Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk);

Svetlana I. Zemtsova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey Yu. Ivanov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nadezhda A. Dudina, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (for Academic Affairs) (Krasnoyarsk);

Elena Ye. Kosmodemyanskaya, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Tatyana V. Kupriyanchik, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Foreign and Russian Languages, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Мальков Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Мельников Евгений Борисович, кандидат химических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Моляров Евгений Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Невирко Дмитрий Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Судницын Алексей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Тетерятников Николай Юрьевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Токманцев Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Чумарова Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Шашин Даниил Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny B. Melnikov, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny A. Molyarov, Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Dmitry D. Nevirko, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey B. Sudnitsin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Pavel V. Teplyashin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nikolay Yu. Teteryatnikov, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Denis V. Tokmantsev, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Ekaterina Yu. Chumarova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Daniil G. Shashin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk).

Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой, Е.А. Никитиной, В.Е. Рыбиным

Подписан в печать 12.09.2022

Вышел в свет 20.09.2022

Формат Р 60x84 1/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Souvenir.

Печать офсетная. Усл. печ. листов 25,5.

Тираж 150 экз.

Заказ 299.

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО.

Сибирский юридический институт МВД России.

660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.